

Министерство образования и науки Российской Федерации
Амурский государственный университет

Фольклорно-диалектологический альманах

СЛОВО

Материалы научных экспедиций

Выпуск 9

СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ

Благовещенск
2011

*Печатается
по решению ученого совета Амурского государственного университета*

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций.
С48 Вып. 9. Славянское языковое взаимодействие в Дальневосточном регионе / под ред.
Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. – Благовещенск: АмГУ, 2011. – 212 с.

Настоящий выпуск альманаха «Слово» посвящен славянскому языковому взаимодействию в Дальневосточном регионе, а именно в Приамурье. С середины XIX века в наш край переселялись русские, украинцы, белорусы и осваивали новые земли. С этих пор они составляли здесь большинство населения. В альманахе собраны рассказы старожилов края об истории славянского заселения Приамурья, о языковом существовании славянского населения Приамурья в тесном взаимодействии русского, украинского и белорусского языков и о судьбах такого сосуществования. Эта тема развивается в таких разделах издания, как «Современные лингвистические исследования», «История края. Избранное», «Речевые портреты», «Речевые жанры», «Лингвогеография», «Язык фольклора». В выпуске продолжается публикация «Словаря русских амурских говоров», составляемого по собранным в 2000-2010 гг. материалам диалектологических экспедиций. Разделы выпуска представляют интерес не только для лингвистов, но и для историков, этнографов, фольклористов и всех интересующихся языком и историей Дальневосточного края. К альманаху прилагается компакт-диск, включающий образцы речи и фольклора, получившие научную интерпретацию в выпуске, а также фото- и видеоматериалы, выполненные во время фольклорно-диалектологических экспедиций.

ББК 822.3(2Рос) – 67

Редакторы: Е.А. Оглезнева, д-р филол. наук
Н.Г. Архипова, канд. филол. наук

Редакция компакт-диска: А.В. Бородатов, Д.Н. Галимова

Ответственный за выпуск: Н.А. Сосина

В оформлении обложки использована картина В. Маковского «Украинская девушка», 1882.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-43194 от 24 декабря 2010 г.

© Амурский государственный университет, 2011
© Кафедра русского языка, 2011
© Лаборатория региональной лингвистики, 2011
© Галимова Д., Оглезнева Е., фото

ОТ РЕДАКТОРОВ

Настоящий выпуск альманаха «Слово» посвящен славянскому языковому взаимодействию в Дальневосточном регионе, а именно в Приамурье. С середины XIX века в наш край переселялись русские, украинцы, белорусы и осваивали новые земли. С этих пор они составляли здесь большинство населения. Во время фольклорно-диалектологических экспедиций мы всегда отмечаем присутствие разных славянских языков в диалектном ландшафте амурского края, разных фольклорных традиций. Да и сама географическая карта Амурской области, по которой составляются маршруты наших экспедиций, является в этом смысле «говорящей», отсылающей нас к географическим объектам, расположенным в Европейской России, Украине, Белоруссии: с одной стороны, Полтавка, Черниговка, Новокиевский Увал, Перясловка, Житомировка, с другой – Могилевка, Гомелевка, с третьей – Тамбовка, Воронжа... Такое положение не могло не вызвать интереса к истории славянского заселения края, которую мы попробовали реконструировать по лингвистическим источникам – записям диалектной речи и фольклорным материалам, собранным нами во время фольклорно-диалектологических экспедиций 2000-2010 гг. в села Амурской области. Всего за этот период было обследовано более 50 сел. Полагаем, что это достаточный материал для научного анализа и обобщений, определяющий необходимую степень их достоверности.

Традиционно в наши анкеты входили вопросы к жителям сел об их семейных корнях, о том, почему и как они или их предки оказались на Дальнем Востоке, в Приамурье; о том, как обживали далекий неведомый край, как обустраивали свою жизнь, в каких традициях воспитывали детей, каковы их жизненные ценности и установки. Делали это целенаправленно, слагая устами наших собеседников, старожилов края, историю своей семьи, в том числе – духовную, а вместе с этим – духовную историю дальневосточной земли, сотканную из того, что вместе со всей страной пришлось пережить нашим информантам.

Славянская составляющая в Приамурье, как и в целом на Дальнем Востоке, не является однородной, и это очевидно уже из состава бытующих на нашей территории славянских этнонимов: «русские», «белорусы», «украинцы», «расейски», «хохлы», «кацапы», «бандеры», «суржики», «москали» и некот. др. Общие мотивы появления на дальневосточной земле и общие условия существования здесь не приводили русских, украинцев и белорусов к отмежеванию друг от друга. В нашем архиве отсутствуют записи о внутриславянской вражде, а есть рассказы о своеобразии жизни и быта представителей разных славянских народов, есть сознание того, что они – разные. Мы считаем принципиально важным сказать об этом, поскольку нам известно о субъективно-националистическом взгляде на проблему украинцев на Дальнем Востоке, о территории так называемого Зеленого Клина здесь и об идее его возможного возрождения, которая изнутри кажется абсурдной. Русское население всегда преобладало на Дальнем Востоке со времен его славянского освоения, украинцев было меньше, белорусов – еще меньше. Количественный фактор в совокупности с политическим и административным способствовали возникновению современной ситуации на Дальнем Востоке, в том числе в Приамурье, характеризующейся стертыми национальными отличиями внутри славянского сообщества как в языковом, так и в этнографическом плане. Позволим себе риторический вопрос: а может быть, эту ситуацию можно рассматривать как возвращение

к первоосновам, к первоистокам, когда восточные славяне были одним целым? Мы не относимся к противникам сохранения национальных культур и национальной самобытности. Наоборот! Но, будучи исследователями, мы должны иметь способность к объективному наблюдению и беспристрастной фиксации фактов.

В альманахе собраны рассказы старожилов края об истории славянского заселения Приамурья, о языковом существовании славянского населения Приамурья в тесном взаимодействии русского, украинского и белорусского языков и о судьбах такого сосуществования. Эта тема развивается в таких разделах издания, как «Современные лингвистические исследования», «История края. Избранное», «Речевые портреты», «Речевые жанры», «Лингвогеография», «Язык фольклора».

Раздел **«Современные лингвистические исследования»** открывает историко-лингвистический очерк Е.А. Оглезневой о языковой ситуации в Приамурье в XIX-XX вв., ее динамике. Особое внимание уделено славянской составляющей в рассматриваемой языковой ситуации, ее количественно-качественным изменениям и объяснению этих изменений. Логичным продолжением темы стала статья А.В. Блохинской о формировании диалектного ландшафта Амурской области в связи с историей славянского заселения Приамурья. Тема восточнославянского взаимодействия продолжена в статье Н.Г. Архиповой на примере лексики старообрядческих говоров Амурской области.

В разделе **«История края. Избранное»** мы публикуем ставшие уже историческими источниками по теме выпуска. Среди них – очерк из книги А.А. Кауфмана «По новым местам» (1905), отражающий присутствие славян (а именно – украинцев, «хохлов») в регионе более ста лет назад на фоне многонационального дальневосточного сообщества, представленного коренным населением, а также китайцами и маньчжурами. Кроме того, в раздел включены материалы из амурских газет разных лет (1992, 2010) о том, «как появились хохлы на Амуре» и как они здесь жили.

В разделе **«Речевые портреты»** (ведущий раздела Н.Г. Архипова) представлены портреты трех носителей украинского говора с различной переселенческой судьбой, речь которых записана в 2003 и 2010 г. в селах Архаринского и Октябрьского районов Амурской области. Речевые портреты Е.И. Галушко и Е.И. Крицкой составлены А.В. Блохинской, Л.М. Добрыниной – Н.Г. Архиповой.

Раздел **«Речевые жанры»** (ведущий раздела Н.В. Лагута) включает подборку рассказов амурских старожилов об истории славянского переселения в Приамурье и его славянском освоении.

В разделе **«Лингвогеография»** представлены результаты обследования сел Николо-Александровка, Покровка, Максимовка Октябрьского района Амурской области в 2010-11 гг. по вопросам «Программы собирания сведений для диалектологического атласа русского языка». Материалы таблиц содержат информацию, ярко демонстрирующую украинскую ноту в говорах этих сел (таблица и комментарии составлены Е.А. Оглезневой).

В разделе **«Словарь»** продолжается публикация фрагмента Словаря русских говоров Амурской области (буква М), составляемого по собранным в 2000-2010 гг. материалам диалектологических экспедиций в призейские и приамурские села (ред. Г.М. Старыгина, Н.Г. Архипова, Е.А. Оглезнева). Большинство слов и значений не зафиксировано в вышед-

шем ранее «Словаре русских говоров Приамурья» (М., 1983; Благовещенск, 2007). Лексикографический раздел включает и опыт словаря лексики старообрядцев, составленного Г.М. Старыгиной и С. Чайкиной по материалам романа П.И. Мельникова-Печерского «В лесах» (1871).

Поддержку новому, актуальному для современной диалектологии подходу мы оказываем специальным разделом «**Когнитивная диалектология**», в котором публикуем статью Д.Н. Галимовой, демонстрирующую такой подход к диалектному материалу.

Разнообразен по содержанию раздел «**Язык фольклора**» (вступление А.В. Блохинской). Здесь публикуется статья Н.Г. Архиповой и А.В. Блохинской об украинском свадебном обряде и его языковом воплощении, написанная по материалам фольклорно-диалектологической экспедиции 2010 г. в Октябрьский район Амурской области, на основе которых оказалось возможным реконструировать бытовавший здесь прежде свадебный обряд во всем многообразии и богатстве своего проявления. Статья сопровождается обработанными рассказами информантов, бывших непосредственными участниками свадебного обряда.

По-своему оригинальной является публикация такого обычно провоцируемого исследователями коллективного действия, как деревенская спевка, и это действие можно интерпретировать как сложный речевой жанр (запись и обработка Д.Н. Галимовой и А.В. Блохинской). Поскольку нас интересует не только сам фольклор, но и язык фольклора, а также язык ситуации, в которой фольклор воспроизводится, мы решили представить фольклорные тексты в их речевом обрамлении, сохраняющем спонтанность разговорной речи, и в таком виде продемонстрировать их ценность для коммуникативной диалектологии в частности и для языковой коммуникативистики в целом.

Кроме того, в разделе традиционно в систематизированном виде публикуются новые фольклорные материалы: лирические и обрядовые песни, частушки, гадания, пословицы, приговорки (сост. А.В. Блохинская). В настоящем выпуске это записи 2010 г., сделанные в селах Октябрьского района Амурской области, среди которых как русские, так и украинские фольклорные произведения.

«**Школа**» – раздел нашего альманаха, который призван помочь учителю словесности показать наш региональный языковой и литературоведческий материал как историко-культурное достояние, а также увидеть в классических литературных произведениях особую значимость для нашего региона. Так, в настоящем выпуске, поддерживая его русско-украинскую тематику, мы предлагаем учителям методические разработки к урокам по произведениям Н.В. Гоголя: по литературе на примере цикла повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки» – для учащихся 6 класса средних школ (автор Г.К. Алексеева) и по русскому языку на примере повести «Сорочинская ярмарка» – для иностранных учащихся (автор Н.И. Белозубова).

К альманаху прилагается компакт-диск, включающий образцы речи и фольклора, получившие научную интерпретацию в выпуске, а также фото- и видеоматериалы, выполненные во время фольклорно-диалектологических экспедиций. Работу над компакт-диском осуществляли А.В. Бородатов (техническое сопровождение) и Д.Н. Галимова (подбор материалов).

Составители альманаха не подвергали литературной правке диалектный текст, в нем сохранены все особенности спонтанной устной речи: паузы раздумий и подбора слов, переходы от одной мысли к другой и самоперебивы, повторы и грамматические неточности, обилие препозитивных и постпозитивных частиц, вводных слов и выражений и др.

Устная спонтанная речь передается в орфографической записи с отражением диалектных особенностей речи информантов. Такая запись принята в ряде работ по диалектологии¹.

Для передачи спонтанной речи используется система обозначений, принятая в работах по разговорной речи Е.А. Земской, М.В. Китайгородской, Н.Н. Розановой, Е.Н. Ширяева (1973, 1981, 1983, 1995, 1999 и т.д.): напр., для членения текста используются знаки препинания, соответствующие правилам русской пунктуации и авторской интонации; новое высказывание начинается с заглавной буквы; при пропуске компонентов высказывания нереализованный компонент текста берется в круглые скобки: *г(ово)рит, (в)от, (о)гурцы*; неразборчивые при расшифровке аудиозаписи отмечаются сокращением (*нрзбр.*); пропуск фрагмента текста – знаком <...>; «чужая» речь в высказываниях информантов подается в форме прямой речи и др.²

Работу над альманахом предварял сплошной набор диалектной речи с магнитофонных кассет и цифровых носителей и последующая систематизация материалов, исходя из принципов цельности, связности, культурно-исторической значимости и диалектной показательности записанных текстов. Тексты, включенные в разделы «Речевые портреты» и «Речевые жанры», подвергались многократному прослушиванию и компьютерному анализу для уточнения особенностей речи информантов.

Техническая правка альманаха осуществлялась Н.А. Сосиной, выверка текстов и создание звуковой версии разделов «Речевые портреты» и «Речевые жанры» – Д.Н. Галимовой, А.В. Бородатовым и ведущими соответствующих разделов; создание электронной версии картотеки для словаря – Н.А. Сосиной; создание исторических справок о селах, собирателях материала и кратких сведений об информантах – Д.Н. Галимовой.

Работу по сбору диалектного и фольклорного материала и его систематизации вели сотрудники лаборатории региональной лингвистики, студенты и аспиранты филологического факультета Амурского государственного университета.

Представленные в альманахе материалы могут стать объектом научного исследования и выступать как источник для изучения языка и культуры русского народа.

Настоящее издание и компакт-диск можно приобрести на кафедре русского языка и в лаборатории региональной лингвистики Амурского государственного университета по адресу: 675027, Амурская область, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21, корпус 7, каб. 407 и каб. 112.

Телефон: 8-(4162)394583, 8-(4162)394588.

E-mail: slovoamgu@yandex.ru

Авторы альманаха будут признательны за отзывы, критику и конструктивные предложения.

¹ См., напр., сборник текстов «Живая речь русских старожилов Сибири» Е.В. Иванцовой (Томск, 2007).

² См. более подробно Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 4. Благовещенск, 2006. С. 4.

СОВРЕМЕННЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ

Е.А. Оглезнева

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ПРИАМУРЬЕ: ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ Историко-лингвистический очерк

Проблема языковой ситуации, по мнению исследователей, является самой существенной и специфичной для социолингвистики, и в понятие языковой ситуации следует включать всю функциональную сторону языка: [1, с. 127-130]. Актуальность описания языковых ситуаций вне сомнения. Во-первых, каждая конкретная языковая ситуация по возможности должна быть учтена при целостном типологическом описании языковых ситуаций. Во-вторых, исследование конкретных языковых ситуаций позволяет оценить перспективность или бесперспективность языковой политики в отношении языка и прогнозировать тенденции языковой жизни [2, с. 134; 3, с. 102].

В теории языкознания языковая ситуация традиционно определяется как совокупность форм существования языка, функционирующих одновременно на определенной территории, обычно совпадающей с границами административного членения. Так, по определению, данному В.А. Виноградовым, языковая ситуация – это «совокупность форм существования (а также стилей) одного языка или совокупность языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определенных географических регионов или административно-политических образований» [4, с. 616]¹.

Практически проблема языковой ситуации изучалась на материале функционирования различных языков и форм существования английского языка в США [6], различных языков Западной Африки [7], Белоруссии [8], языков в романоговорящих странах [5] и некот. др. Также была предпринята попытка анализа языковой ситуации в Северном Китае, а именно в Харбине, бывшем центре русской восточной эмиграции, многонациональном и многоязычном городе на протяжении XX века [9].

Наше большое и многонациональное государство демонстрирует многообразие вариантов языковых ситуаций на своей территории. Все эти языковые ситуации возможно рассмотреть в рамках определенной схемы (или алгоритма), выявив некий прогнозируемый инвариант. Однако в каждом конкретном случае на каждой конкретной территории мы будем непременно отмечать своеобразие и уникальность сложившейся и функционирующей там

¹ Существует и несколько отличный взгляд на понимание языковой ситуации, более узкий. Г.В. Степанов противопоставляет понятия «языковая ситуация» и «языковое состояние». **Языковая ситуация**, по Г.В. Степанову, – это «отношение языка (или его части) к другим языкам или к другой части того же языка, и проявляющееся в различных формах пространственных и социальных взаимодействий» [5, с. 31], а **языковое состояние** – «совокупность всех видов его [языка – Е.О.] вариативности»: весь репертуар функциональных стилей (официально-деловой, научный, художественный, обиходно-разговорный и др.), форм существования (диалект, общенародный язык, национальный язык и др.) и форм реализации (устная, письменная).

языковой ситуации, обусловленные конкретными историческими условиями ее формирования.

Укажем на те факторы, которые определяют своеобразие языковой ситуации в каждом конкретном случае. Во-первых, функционирование языков коренного (аборигенного) населения на территориях, не исконных для пришлого славянского населения, ставшего впоследствии доминирующим на этих территориях, и статус этих языков. Во-вторых, функционирование языков, находящихся в непосредственной близости с соседними государствами. В-третьих, это соотношение статусов языков и их форм, функционирующих в определенный отрезок времени на той или иной территории. С учетом этих факторов предпримем попытку реконструировать языковую ситуацию в таком дальневосточном регионе России, как Приамурье, и проанализировать ее в динамике на протяжении последних 150 лет, характеризующихся русским, а точнее – славянским – присутствием на данной территории, изменившим языковую ситуацию кардинально.

1

Приамурье. Общая характеристика региона и его национального состава

Приамурье – это территория на Дальнем Востоке России, административно обозначаемая как Амурская область и занятая в настоящее время преимущественно славянским (в большинстве своем – русским) населением. Название Приамурье получено по прилеганию к реке Амур, являющейся границей с сопредельным государством – Китаем. Другой большой рекой региона является Зея. Площадь Амурской области составляет 363,7 тыс. кв. км и основная ее часть располагается на Зейско-Буреинской равнине и Амурско-Зейской возвышенности. На севере – сопки, покрытые тайгой. Прилегающие к Амуру и Зее территории благодатны для земледелия, таежные края – для лесного промысла. Северные территории пригодны для оленеводства.

1.1. Коренные народы Приамурья

Коренное население края – тунгусы (эвенки), дауры, дючеры, натки, гиляки, а также такие родоплеменные группы амурских тунгусов, как манегры (манагиры), негидальцы (амгуньские тунгусы), шамагиры, бирары и некот. др. [10, с. 225] – населяли Приамурье в XVII в. и «не входили в какие-либо политические объединения с соседними народами» [11, с. 21]. Еще в начале XX в., по данным различных источников, пребывание некоторых из названных этнических групп в крае было очевидным на всей его территории².

Эвенки как представители автохтонного населения Приамурья и потомки тунгусских племен Дальнего Востока [13, с. 171] по сей день остаются значительной этнической группой в регионе. В настоящее время эвенки компактно проживают на севере Амурской области: в Селемджинском, Зейском и Тындинском районах. В XX в. эвенки были приобщены к ци-

² Так, воспоминания о манеграх мы встречаем в книге известного русского экономиста, статиста и путешественника А.А. Кауфмана [1905], написанной им после того, как в начале прошлого века он проехал «по новым местам» – Приамурью и Уссурийскому краю: «...мы встречаем, наконец, первые за весь путь живые существа – двух всадников на маленьких грязно-белых лошадаках, с резко-монгольскими физиономиями, в одеждах из звериных шкур. За плечами у них какие-то необыкновенные треножки, по ближайшем рассмотрении – ружья самого первобытного устройства.

– Ведь, поди ж ты, – замечает наш ямщик, или точнее, проводник, – серянкой он порох запаливает, выстрели из экого ружья в доску – пуля назад отскочит. А шибко хорошо стреляют – промышляют всякого зверя.

Встреченные нами всадники – манегры, название, которым обозначают местных тунгусов, ездящих на лошадах, в отличие от тунгусов, ездящих на оленях» [12, с. 33].

визированным формам культуры, в том числе обрели письменность [11, с. 408], их язык имеет литературную форму.

1.2. Китайцы и маньчжуры в Приамурье

Постоянным для региона на протяжении последних 150 лет является присутствие китайцев, точнее будет сказать – китайских подданных, поскольку среди них были не только китайцы, но и маньчжуры. До середины XVII в. именно маньчжуры, а не китайцы, населяли земли современного Приамурья и Приморья. Китайцы появились на этих территориях как следствие планомерной политики китайского правительства по переселению китайцев в Маньчжурию [4, с. 186-187] и постепенно по своей численности стали доминировать над маньчжурами. Так, «в конце XIX– начале XX в. доля китайского населения на Дальнем Востоке России составляла 10% от общего населения региона. Китайцы представляли здесь вторую по численности (после русских) этническую группу населения и играли заметную роль в хозяйственной и духовной жизни Дальневосточного региона» [Там же, с. 170]. Происходила постепенная ассимиляция маньчжурского населения китайским: Маньчжурия, а также маньчжурское население в России окитаивались и в этнографическом, и в языковом плане. По замечанию современника этого явления Евтюгина, во второй половине XIX в. «окитаивание Маньчжурии идет настолько успешно, что теперь уже опытные люди с трудом могут отличить маньчжура... от китайца. Начиная с одежды, устройства жилища, образа жизни и кончая языком – все китайское» [Цит. по 4: с. 186].

Безусловно, такое положение дел не могло не отразиться на языковой ситуации. Известно, что маньчжуры постепенно утрачивали свой язык под влиянием китайского либо, сохраняя родную речь, использовали много китайских слов и выражений [4, с. 188].

Необходимо указать на то, что уже после установления государственной границы с Китаем в 1858 г. на нашей территории до начала XX века существовал так называемый «маньчжурский клин», или «Зазейский отвод» [12, с. 21-22], где в соответствии с Айгуньским договором могли беспрепятственно проживать маньчжуры и китайцы – подданные Цинской империи [15, с. 57] – всего 60 деревень с правом экстерриториальности [12, с. 21-22].

На протяжении XX в. китайское присутствие сокращалось на левобережье Амура: население «маньчжурского клина» было вытеснено с территории своего проживания в 1900 г. в ходе трагических событий после восстания ихэтуаней [10, с. 419-422; 16, с. 120-126]. Однако уже после 1905 г. приток китайцев в регион усилился и, по официальным данным, в Приамурье и Приморье в 1910 г. находилось уже около 90 тыс. китайцев, а «фактически намного больше; подсчитать их не представлялось возможным, поскольку большинство прибывало в регион нелегально и нигде не регистрировалось» [17, с. 62]. После Октября 1917 г. новая власть, нацеленная на «победу мирового пролетариата», пыталась и китайское население, проживающее в России, приобщить к коммунистическому строительству (создавались китайские колхозы, китайцев задействовали в золотодобыче, угольной промышленности и т.д. [18, с. 40; 19, с. 15-16]. Тенденция к уменьшению численности китайского населения в Приамурье наметилась во второй половине 30-х гг. XX в., когда правительством СССР проводилась политика возвращения китайцев на родину [17, с. 62; 18, с. 41-42]. Однако не все китайцы уехали за пределы России: некоторые пустили русские корни, соединившись браками с представителями славян. Так, известна история китайского рода Чан-ун-Чан из с. Климоуцы Свободненского района Амурской области [20, с. 130-134].

В настоящее время китайцы присутствуют в нашем регионе в основном с целью заработка, но абсолютное большинство из них не рассматривает Россию как место своего постоянного проживания.

1.3. Славянские народы в Приамурье

Установление в 1858 г. государственной границы с соседним государством – Китаем – было сопряжено с необходимостью ее охранять и осваивать новые земли. Это повлекло за собой государственные меры по привлечению человеческого ресурса в край.

С целью охраны государственной границы по берегу Амура образовался ряд казачьих станиц: Албазинская, Черняевская, Игнашинская, Поярковская, Екатерино-Никольская, Михайло-Семеновская и др. Их основателями были в подавляющем большинстве забайкальские казаки, которые вместе с семьями сплавом по реке добирались до новых мест и обосновывались там. Забайкальские казаки были великороссами по происхождению, чей говор определяют как русский с севернорусской основой³ [21, с. 6]. Среди забайкальских казаков было много гуранов – потомков от смешанных браков русских с местным населением Забайкалья – бурятами.

С целью освоения новых земель царским правительством были организованы потоки крестьян-переселенцев на Дальний Восток. Переселение шло, начиная с 1859 г., из разных губерний Европейской части России, Белоруссии и Украины: из Полтавской, Орловской, Тамбовской, Воронежской и др. Переселенческий процесс осуществлялся на протяжении всего XX в., переживая свои «приливы» и «отливы», и в конце концов оказал существенное влияние на качество языковой ситуации в регионе.

Поскольку переселение носило крестьянский характер, то переселенцев в языковом плане можно охарактеризовать как носителей диалектной формы языка. Вследствие крестьянского переселения из разных губерний России, Украины и Белоруссии, на Дальнем Востоке оказались носители разных русских, украинских и белорусских говоров, что и обусловило изначальную пестроту славянского диалектного ландшафта Дальневосточного края и Амурской области, в частности.

В том, что на одной территории в силу разных исторических условий оказались носители разных говоров, проявляется своеобразие говоров Дальнего Востока. «Трудно отыскать такой район, в котором на значительном протяжении в большом числе населенных пунктов можно было бы встретить тип одного цельного говора. Везде комбинированные, смешанные говоры, и если можно говорить о каком-либо господствующем, то только как господствующем сравнительно», – писал в 1928 г. А.П.Георгиевский, подчеркивая исключительную сложность языковой картины региона [Цит. по: 22, с. 207]. В своей работе «Говоры Приамурья» (1930) выделял такие основные подгруппы амурских говоров: русские говоры старожильческие и новосельческие, особо-казачьи говоры, украинские говоры, белорусские говоры, смешанные говоры, а также говоры старообрядцев-семейцев [Цит. по: 23, с. 100].

Особо хотелось бы отметить переселенческий процесс из Украины, который, наряду с переселением русских из Европейской части России и Сибири, носил масштабный характер⁴. По данным переписи разных лет, украинцы составляли вторую по численности после

³ «Общие черты в области ударного вокализма, консонантизма, грамматики и лексики дают основание называть говоры русского старожилородного населения Приамурья группой амурских говоров, сложившихся на севернорусской основе» [21, с. 6].

⁴ Как отмечал Ф.Ф. Буссе, исследователь Дальнего Востока, «Взагалі малоросійський елемент якщо не домінує, то у всякому разі дуже значний; він відбився на місцевому народному говорі, на типі будівель і переважанні волів як робочої худоби в господарствах старожилів, на постійному повторюванні прізвиськ «кацап» та «хо-

русских славянскую этническую группу на Дальнем Востоке и, в частности, в Приамурье. Так, в 1886 г. 46,5 % всех переселенцев в Амурскую область составляли украинцы, в 1890 – 59,6%. В 1927/28 гг. из 36,7 тысяч семейных переселенцев на Дальний Восток 11,2 тысячи были из Украины, 8,6 тысяч из Европейского центра, 5,1 тысяч – из Белоруссии.

Главной причиной активного переселения украинцев стал недостаток свободных земель, а кроме того – льготы, предоставляемые переселенцам и устные заверения ходоков о богатстве края [24]⁵. В результате столь активного украинского заселения края возникло понятие о такой дальневосточной территории, как Зеленый Клин, называющей место проживания украинцев на дальневосточной земле.

Зеленый Клин, или Зеленая Украина, – земля украинских поселенцев на Дальнем Востоке, от истоков реки Амур до Тихого океана, площадью примерно 1 млн. кв. км. Территорию Зеленого Клина составляли Амурская область, Приморский край и большая часть Хабаровского края [Там же]. В другом, более широком понимании этой территории, она включает также Камчатскую и Сахалинскую области [25]. Полагаем, что указанные края и области неверно рассматривать как землю украинских поселенцев, поскольку эта территория заселялась не только украинцами, но и представителями других национальностей, и, кроме того, украинцы, составляя значительную часть населения Дальнего Востока на рубеже XIX-XX вв. и в начале XX в., количественно не превосходили ни все другие вместе взятые национальности, населявшие Дальневосточный регион, ни русских, взятых в отдельности.

Среди переселявшихся на Дальний Восток и, в частности в Приамурье, украинцев подавляющее большинство составляли крестьяне, но были и представители других социальных групп, оседавшие, как правило, в городах. Среди них были и такие, которые со свойственным для украинского народа стремлением к сохранению национальной самоидентификации принимались за объединение украинцев на новой территории, что выражалось, например, в создании украинских клубов, призванных всеми возможными мерами укрепить положение украинцев в Дальневосточном крае и подчеркнуть их самостоятельность. Это обстоятельство также является важным для характеристики языковой ситуации в регионе в начале XX в.⁶

Многонациональность, «этнографическая помесь, которая господствует, вообще, на нашем Дальнем Востоке» [12], являлась яркой чертой края, создавала его своеобразный колорит. Такая полиэтничность в Дальневосточном регионе сопровождалась функционированием различных языков и языковых форм: восточнославянских диалектов, в том числе довольно консервативных говоров русских старообрядцев, русского просторечия, языков местного автохтонного населения и других народов восточной Азии – китайцев, корейцев, японцев; кроме того, существовали и контактные, редуцированные языковые образования для коммуникации русских с китайцами и представителями «инородческого», автохтонного населения края, а именно пиджин, определяемый нами как русско-китайский.

хол», якими кличе сусід сусіда, причому переважає останнє; нарешті такий висновок підтверджують розпитування, зібрані мною з усіх майже сіл» [Буссе 1896; Цит. по: 24].

⁵ Відомий далекосхідний учений 20-х років проф. А.П. Георгієвський виділяв три причини, які найчастіше спонукали селян до переселення: 1) недостатнє земельне забезпечення й накопичення надлишкової праці в селі; 2) пільги, надавані переселенцям; 3) казкові уявлення про багатство краю [Георгієвський, 1926; цит. по: 24].

⁶ Таким чином, деякий час товариство в Микольськ-Уссурійському існувало нелегально. З усього Зеленого Клинку тільки в Благовіщенську вдалося в ті роки здобути дозвіл на ведення відкритої української роботи, коли 1911 року був затверджений статут Українського Клубу [выделено мною – Е.О.]. Спроби утворити такий клуб у Владивостоці щоразу наражались на категоричне «нельзя» [Світ 1934; Цит. по: 24].

Динамика языковой ситуации в Приамурье: XVII – начало XXI в.

Языковая ситуация с течением времени естественно меняет свои количественные и качественные характеристики. Можно выделить три периода в развитии языковой ситуации в Приамурье, различающиеся по своим количественно-качественным параметрам.

2.1. Период до 1858 г. – до массового присутствия славянского населения в регионе

Языковую ситуацию этого периода можно представить лишь гипотетически, исходя из тех исторических данных о населении края в то время. Полагаем, что для языковой ситуации указанного отрезка времени в регионе характерно функционирование, во-первых, языков автохтонного населения, бесписьменных, не имеющих литературной формы, и, во-вторых, языков, распространенных впоследствии на территории сопредельного государства – Китая: маньчжурского и китайского. Последний из названных – китайский – имел литературную форму и письменность в этот период; но, полагаем, ни литературная форма, ни письменность как проявление литературной формы не были востребованы в тех конкретных исторических обстоятельствах использования китайского языка, о которых идет речь. То же можно сказать и о маньчжурском языке.

Перечислим языки, функционирование которых в указанный период в регионе гипотетически можно предположить: 1) языки автохтонных народов (эвенкийский (тунгусский), ороцкий и некот. др.); 2) маньчжурский язык; 3) китайский язык.

Ни один из перечисленных языков не обладал в Приамурье того времени статусом государственного языка, поскольку рассматриваемая территория не имела до 1858 г. какой-либо государственной отнесенности [11, с. 21; 26, с. 268].

До середины XIX в. носители этих языков, составляющие население Приамурья, занимались свойственной для своей этнической группы деятельностью: охотничьим промыслом или земледелием, вели естественный, натуральный образ жизни. Уровень развития их общественной формации исключал многообразие сфер деятельности, неизбежно ведущих к социально-языковой дифференциации, как устной, так и письменной. Поэтому языковую ситуацию в регионе в то время можно определить как совокупность диалектных форм функционирующих там языков.

Функционирование специального контактного языка для межэтнического общения в тот период гипотетически можно исключить в силу генетической и типологической общности между существовавшими то время в регионе языками, не требовавшими какой либо редуцированной языковой формы для непосредственной коммуникации. Так, маньчжурский, эвенкийский и ороцкий языки относятся к тунгусо-маньчжурским языкам.

2.2. Период после 1858 г. – до 20-х гг. XX в.

2.2.1. Славянские языки

Этот период в языковом отношении характеризуется уже большим разнообразием, что обусловлено славянским присутствием в регионе. Прибывавшие в дальневосточные края из Европейской части России, Украины и Белоруссии новоселы в большинстве своем были крестьянского происхождения и безграмотны, следовательно, являлись носителями диалектной формы своего родного языка: русского, украинского или белорусского.

Из всех славянских языков лишь русский на Дальнем Востоке функционировал и в литературной форме, которая обслуживала различные общественно-значимые сферы: административное управление в регионе, образование, периодическую печать, культуру и др.

В 1856 г. возник Усть-Зейский пост, ставший началом города, названного Благовещенском. Город и стал центром, организующим жизнь края, со всеми сопутствующими городской жизни атрибутами (администрирование, судебное производство и т.д.). Открывались школы и специальные учебные заведения, начали выходить периодические печатные издания, была организована культурная жизнь и т.п. [10, с. 299-318]. В Приамурье, в первую очередь в Благовещенск как его центр, привлекались высококвалифицированные образованные кадры из Европейской части России и Сибири, которые были способны наладить жизнь города и региона в целом. Как отмечают исследователи, в это время в Благовещенске «шло постепенное формирование инфраструктуры русской культуры» [Там же, с. 305]. Многообразие сфер деятельности, образование предполагают владение нормой литературного языка, как устной, так и письменной, и этим языком был русский. В регионе оказались носители русского литературного языка, владеющие нормой и способные к ситуативной вариативности своей речи. Характерная для города дифференциация общественной деятельности влекла за собой расширение сферы использования русского литературного языка и таким образом его положение в регионе постепенно укреплялось.

Кроме того, в город в силу его специфики (развитие ремесел, торговли и некот. др.) происходил приток рабочей силы из окрестных деревень и ближайших регионов, что способствовало функционированию там такой формы языка, как просторечие, безусловно, испытывавшему сильное диалектное влияние. Как указывает В.В. Пирко, «на территории Приамурья за сравнительно короткий срок в результате нескольких миграционных потоков на основе диалектных традиций и просторечия центра России сформировалось и функционирует просторечие с элементами регионального характера, отвечающее потребностям коммуникации городского населения. Сложность оценки просторечия Приамурья обусловлена тесным взаимодействием элементов разных речевых систем при позднем заселении территории Дальнего Востока [27, с. 8].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что в рассматриваемый период русский язык в Приамурье функционировал в диалектной, литературной и просторечной формах. Доминирующей, по нашему мнению, выступала диалектная форма, поскольку преобладал количественно состав ее носителей⁷.

Позиция русского языка в регионе в рассматриваемый период безусловно укреплялась его статусом: для региона, который с 1858 г. вошел в состав России, это был язык *государственный*, являясь символом России как государства, *официальный*, т.е. «язык государственного управления, законодательства, судопроизводства, и *титольный* – имеющий название, совпадающее с именем этноса, по которому названо национально-государственное образование [28, с. 42].

Закономерно возникает вопрос о функционировании других восточнославянских языков, носители которых присутствовали в регионе – о функционировании украинского и белорусского языков.

По нашему мнению, основной языковой формой, имевшей место в Приамурье в анализируемый отрезок времени, выступала диалектная форма и украинского, и белорусского языков по той же причине: по причине численного преобладания носителей этой формы – крестьян-переселенцев из Украины и Белоруссии.

⁷ Амурская область изначально была аграрной и, по данным статистики, в 1861г. крестьяне составляли 85% всего населения Амурской обл., в 1897 – 72%, в 1914 – 77%, и лишь в 70-е гг. XX в. городское население стало преобладать над сельским [13, с. 25].

Складывается впечатление, что в случае с белорусским языком преобладание диалектной формы было абсолютным. Нам не встретилось источников, по которым можно было бы судить о функционировании литературной формы белорусского языка в нашем регионе, да и вряд ли это было возможно. Необходимо отметить, что литературная форма белорусского языка и его письменность в начале XX в. находилась еще только в стадии формирования [8, с. 33-34].

Несколько иная ситуация с украинским языком. Известно о функционировании литературной формы украинского языка в нашем регионе, но ее широкого распространения не произошло.

Лидеры украинского движения верно избирали способы сохранения национальной самоидентификации: они считали необходимым образование на украинском языке, издание газет на украинском языке, поддерживали языковую среду родного украинского языка, создавая украинские клубы, где звучала украинская речь, и все это в конечном итоге способствовало единению украинцев и укреплению их позиции в регионе как этнической группы⁸.

Из украинских источников известно о том, что в период царского правления подобные мероприятия не находили поддержки, поскольку они могли привести «к обособленности украинцев», «вызвать враждебную рознь в среде других групп населения» [24].

Известно, что после Октябрьской революции был всплеск национального самосознания украинцев, вылившийся в идеологическую борьбу украинцев Дальнего Востока за свою самоидентификацию. По мнению И. Свита, исследователя Зеленого Клина, «для украинской нации революция 1917 г. была не социальной революцией, а национальной» [Цит. по: 24]. По всему Дальнему Востоку, включая города Амурской области Благовещенск, Свободный, были созданы национальные украинские организации – громады.⁹

За довольно короткий промежуток времени (1917-1918 гг.) было созвано несколько дальневосточных украинских съездов. Кульминационным моментом в борьбе за национальную самоидентификацию было принятое на III Дальневосточном украинском съезде в 1918 г. решение обратиться к Киеву, который бы в свою очередь обратился к России с требованием признать Зеленый Клин частью Украины на основании воли народа, составляющего боль-

⁸ См., напр.: «1910 року в Микольськ-Уссурійському було засновану першу на Зеленому Клині «Просвіту». 9 лютого 1910 р. від імені фундаторів — міщанина Петра Хоменка, купця Сергія Ніжинецького, селянина Йосипа Переверзева-Розсуди, поштово-телеграфного чиновника Захарія Шевченка та телеграфіста Івана Кривоноса військовому губернатору Приморської області було подане офіційне прохання затвердити статут товариства «Просвіта». За статутом, «товариство має метою сприяти розвитку української культури, а головним чином, просвіті українського народу його рідною мовою, діючи в межах м. Микольськ-Уссурійського та Уссурійського краю. Для досягнення цієї мети товариство має на увазі: а) видавати книжки, брошури, часописи, газети й інше українською мовою; б) відкривати свої читальні, бібліотеки, музеї, торгівлю книжками й ін.; в) влаштовувати публічні лекції, читання, загальноосвітні курси, вистави, літературно-музичні вечори, концерти, виставки й ін.; г) засновувати стипендії, школи, притулки, ясла, бюро праці і т. ін., просвітні й благодійницькі установи; д) закладати конкурси та премії за краєці твори літератури та мистецтва» [24]. Це лише лише частинний приклад заходів, які проводили українці на Дальньому Востоку з метою збереження своєї етнічності.

⁹ Історик Зеленого Клину І. Світ зазначав: «Скрізь, де на території Далекго Сходу жили українці, не залежно від їх кількості, замість різних революційних комітетів, почали творитися національні організації — громади, бо для української нації революція 1917 р. була не соціальною революцією, а національною» [Світ 1934]. Такі громади заснувалися у Владивостоці, Хабаровську, Благовіщенську, Свободному, Імані, Микольську-Уссурійському, Харбіні; в дрібніших містах і селищах теж були утворені українські організації. Ці громади спершу були універсальними щодо своїх завдань і не мали певного політичного обличчя й чітко окресленої мети [24].

шинство населения там, и указывается цифра: 80%¹⁰, что не является истиной (наши источники показывают значительное число украинцев на Дальнем Востоке в то время, но все же меньшее, чем русское население и чем все другое население Дальнего Востока [См., напр., 13, с. 171]).

Идея отделения не была созвучна и новой послереволюционной власти, поэтому на государственном уровне поддержка национальной самоидентификации украинцев на Дальнем Востоке не находила отклика, а вместе с тем не находили отклика те общественные институты (образование, печать...), которые способствовали бы сохранению украинцев как отдельной этнической общности и, вместе с тем, способствовали бы сохранению и функционированию украинского языка на Дальнем Востоке не только в диалектной, но и в литературной форме.

Итак, в указанный период в нашем регионе можно говорить о функционировании украинского языка в диалектной и литературной его формах с существенным преобладанием диалектной, что объясняется составом ее носителей – крестьян. При этом украинский язык, несмотря на функционирование его в литературной форме, не имел статуса государственного, официального и титульного, хотя стремление к этому у группы его носителей было, что, безусловно, укрепило бы его позицию в регионе одновременно. Однако по воле исторического случая этого не произошло.

2.2.2. Языки коренных народов Приамурья

Каких-либо существенных качественно-количественных изменений, касающихся языков автохтонных народов в регионе – эвенкийского, ороchonского и некот. др., в рассматриваемый период, по сравнению с предыдущим, не произошло. Они продолжали оставаться бесписьменными языками народностей, искони заселявших Приамурье. Отсутствие государственности, городов с его дифференциацией различных сфер деятельности и прочих атрибутов цивилизованного общества у этих народов делало достаточной для их коммуникации разговорно-бытовую форму речи, ситуативно не дифференцированную – другими словами, диалектную.

2.2.3. Китайский и маньчжурский языки – языки подданных Китайской империи

В регионе присутствовали китайцы и маньчжуры, последние в указанный период испытывали на себе сильное влияние китайской культуры и языка, и происходило, по мнению исследователей, окитаивание маньчжуров, что проявлялось в невозможности отличить их друг от друга [4, с. 186, 188].

Китайский и маньчжурский языки в указанных пространственно-временных координатах функционировали так же, как и языки автохтонных народов, – в устной разговорно-бытовой форме и обслуживали ситуации повседневного общения носителей этих языков. К числу носителей этих языков следует отнести, во-первых, крестьян зазейских маньчжурских деревень, расположенных на территории так называемого «маньчжурского клина», во-вторых, пришедших на заработки в российское Приамурье китайцев. И те, и другие были безграмотны, занимались земледелием или были ремесленниками (напр., занимались сапожным делом и т.п.).

¹⁰ З'їзд вирішив звернутися до українського уряду в Києві, щоб він вимагав від російського уряду визнати Зелений Клин частиною України на основі самовизначення народу, що чисельно (80% всього населення) тут переважає [24].

Китайский язык – язык великих художественных и философских произведений древности, – имел в то время статус государственного, официального и титульного в Китае, но, естественно, не обладал таковыми признаками на рассматриваемой территории – территории российского Дальневосточного региона.

Однако следует отметить любопытный факт, свидетельствующий о возможном расширении функций маньчжурского языка в Приамурье: первая дальневосточная типография, открытая в Благовещенске в 1862 г., имела два шрифта – русский и маньчжурский – «для предполагавшегося издания газеты «Друг маньчжур» на русском и маньчжурском языках» [Цит. по: 10, с. 307]. По мнению военного губернатора Амурской области Н.В. Буссе, газета должна была «принести громадную пользу, служа надежным средством к распространению между маньчжурами просвещения и живительных начал христианства, а также и практических полезных знаний» [Там же, с. 307]. Однако начать выпуск газеты не удалось и, соответственно, статус маньчжурского языка в регионе не изменился.

2.2.4. Другие языки в Приамурье

На территории Приамурья в рассматриваемый период проживали представители других национальностей, что было связано, во-первых, с переселенческим движением в регион из Европейской части Российского государства и Сибири и, во-вторых, с привлекательностью региона для соседних восточных государств. По этой причине языковое многоголосие края дополнялось татарским, румынским, молдавским, корейским и некот. др. языками.

В силу малочисленности состава носителей этих языков они оставались языками отдельных семей, религиозных общин или диаспор, не выходя за пределы неофициального бытового общения членов перечисленных социальных групп. По этой причине перечисленные языки не играли существенной роли в формировании языковой ситуации в регионе, а лишь добавляли дополнительные краски в ее многоцветную палитру.

2.2.5. Контактные языки

Закономерно возникает вопрос о средстве межъязыкового общения в столь разнородном многонациональном социуме, какой представляло уже к началу XX в. население Приамурья. Мы не располагаем данными (да и вряд ли их можно получить!) об особом контактном языке между коренным населением края и населением, находящемся в подданстве Китая, – китайцами и маньчжурами в указанный период времени. Вполне возможно, что в нем не было необходимости по причине типологической близости этих языков и их генетической общности. Кроме того, известно о неприятельских отношениях между неславянскими группами населения: например, между китайцами и ороचनाми, манеграми, гольдами [12, с. 122], что могло препятствовать созданию контактного языка.

При этом вполне закономерно предположение о бытовании в среде общения славянского населения Приамурья смешанных языков, таких как суржик (контактный язык на основе русского и украинского) и трасянка (контактный язык на основе русского и белорусского).

При этом в Приамурье во второй половине XIX в. активно функционировал неофициальный контактный язык для общения русского (шире – славянского) и китайского (а также маньчжурского и автохтонного) населения края в ситуациях торговли и прочих деловых отношений. Этот язык по своему типу является пиджином, условно определяемый нами как русско-китайский [См. 29].

2.3. Период с 20-х гг. XX в. до 10-х гг. XXI в.

Этот период отражает, во-первых, тенденции советского времени, связанные, с одной стороны, с диктатурой власти в решении национального и, соответственно, языкового вопро-

са, и, с другой стороны, с языковым строительством, выражающимся в создании письменности для бесписьменных народов. Во-вторых, этот период в развитии языковой ситуации отражает всемирный процесс глобализации, при котором, к сожалению, нивелируется национальное своеобразие, в том числе языковое, несмотря на понимание в обществе и государстве необходимости охранять их как культурные достояния.

2.3.1. Славянские языки

С течением времени произошли существенные изменения славянского облика региона. Покажем с помощью таблицы 1 динамику славянской составляющей в языковой ситуации региона, сопоставив ее качество в конце XIX и в конце XX веков через указание на состав функционирующих идиомов.

Таблица 1

Динамика славянской составляющей в языковой ситуации Приамурья

<i>Восточнославянские языки, функционирующие в регионе</i>	<i>Конец XIX в.: функционирование языковых форм в порядке убывания их значимости</i>	<i>Конец XX в.: функционирование языковых форм в порядке убывания их значимости</i>
Русский язык (с преобладающим численно составом носителей)	Диалект / ЛЯ (со статусом государственного) / Просторечие	ЛЯ / Диалект / Просторечие
Украинский язык (со значительным, но не преобладающим составом носителей)	Диалект / ЛЯ (без статуса государственного)	Диалект (реликты)
Белорусский язык (с незначительным по сравнению с русским и украинским составом носителей)	Диалект	Не обнаружено

Предваряя языковой комментарий ситуации, отметим, что при сопоставлении данных переписей населения Амурской области становится очевидным то, что на протяжении XX в. происходило увеличение численности русского населения в регионе и снижение численности украинского и белорусского [13; 10]. Возможно, одной из причин было то, что национальность рожденных в смешанных славянских русско-украинских, русско-белорусских браках (а такие, безусловно, были) определялась по титульной нации в государстве: русские¹¹.

¹¹ Автор этих строк – русская по национальности. Мой отец родился в 1939 г. в семье белоруса и украинки. Его мать – моя бабушка родилась в 1909 г. в семье переселенцев из Полтавы. Отец записан в документах как русский и считает себя русским. Бабушка говорила «на хохляцком языке» со своими подругами, с ними же пела исключительно украинские песни. Бабушка закончила 1 класс начальной школы, была великолепной рассказчицей. С детьми и внуками говорила по-русски. Форму ее русской речи следует считать диалектной по своим лексическим, фонетическим и грамматическим особенностям. Ее «хохляцкий» говор уже в раннем дошкольном детстве я могла определить как особый в отличие от культурной, правильной речи, которую прививали родители, воспитатели, позднее учителя, дикторы радио и телевидения того времени (это было начало 70-х). «Хохляцкую» речь до сих пор можно услышать в той сибирской деревне, где жила моя бабушка. Такую же речь я слышала будучи в диалектологической экспедиции в дальневосточной деревне от потомков переселенцев из Полтавы. На основании этих фактов можно сделать вывод о некоторой общности развития языковой ситуации в Сибири и на Дальнем Востоке в славянской ее части.

Таблица показывает возрастание роли русского языка при угасании функций других славянских языков, бытовавших в регионе.

Изначально позиция *русского языка* в регионе была сильнее, во-первых, вследствие численного превосходства его носителей, и, во-вторых, вследствие его статуса: это был, как мы указывали, язык государственный, официальный, титульный. Статус языка обуславливал активное продвижение его литературной формы в массовой информации, образовании, законопроизводстве и других актуальных сферах общественной деятельности. В конце XX в. литературная форма русского языка являлась доминирующей в социальной коммуникации и обладала безусловным общественным престижем. Такое положение дел не является регионально специфичным, но нам важно подчеркнуть здесь не общее эволюционное направление процесса перераспределения форм существования языка по степени своей значимости, а то, что так в регионе произошло именно с русским языком.

Русские амурские говоры к концу XX в. в значительной мере нивелировались под влиянием русского литературного языка: все меньше остается в современных селах представителей диалектного типа речи, все больше – представителей смешанного и литературного типов.

Кроме того, русские говоры в Приамурье испытали влияние инодиалектных, украинских и белорусских, говоров на разных уровнях своей системы, в первую очередь, на лексическом, что составляет специфику русских говоров в регионе.

Позиция *украинского языка* в сравнении с русским оказалась слабее. Численность украинского населения всегда была ниже численности русского населения в регионе, следовательно, меньшим было число носителей этого языка. Литературная форма украинского языка не имела тех благоприятных условий для своего продвижения, поскольку социальный статус украинского языка не был столь высоким, как у русского: он не был ни государственным, ни официальным, ни титульным.

Отсутствие планомерной государственной политики уже Советской власти по поддержанию украинской этнической группы как отдельной, «самостийной» на Дальнем Востоке, а вместе с этим и украинского языка как рупора этого славянского этноса в печати, образовании и других областях жизнедеятельности на украинском языке, способствовало ее постепенному растворению в славянском населении Дальнего Востока и в конце концов приводило к русификации. Однако на современном Дальнем Востоке, в Приамурье, в частности, мы находим носителей украинских говоров в ряде районов Амурской области (напр., в Октябрьском, Свободненском, Мазановском, Архаринском районах). Следовательно, украинские говоры сохранились, хоть и значительно уступают русским по своему распространению.

Поддержанию украинской ноты в диалектном многообразии Приамурья в XX в. способствовали новые волны переселенцев из Украины, которые подпитывали своей речью уже было угасшие в окружении русского языка украинские говоры¹².

В настоящее время на украинском диалекте говорит лишь старшее поколение 1920-30 г.р., чаще в домашнем или хорошо знакомом кругу; с незнакомыми людьми стараются говорить по-русски. Их дети пассивно владеют украинском диалектом, что проявляется в их понимании украинской речи, но при этом в отсутствии способности свободно говорить по-украински.

¹² Так, например, в селах Октябрьского района Амурской области проживают как потомки первопоселенцев из Украины, говорящие на украинском, так и говорящие по-украински переселенцы 60-х гг.

Необходимо также отметить, что современные украинские говоры в Приамурье испытали значительное влияние окружающих их русских говоров, но все же сохранили идентифицирующие их именно как украинские говоры черты.

Белорусский язык, наиболее слабо представленный в регионе по сравнению с другими восточнославянскими языками по числу своих носителей и бытовавший только в диалектной форме, к концу XX в. вовсе не обнаруживает себя. Причины видятся в отсутствии социальной статусности и коммуникативной мощности: он, так же, как и украинский язык, не являлся ни государственным, ни официальным, ни титульным; однако в отличие от украинского, у которого был опыт представления в регионе не только в диалектной, но и в литературной форме, белорусский язык таким опытом не обладал.

Потомки белорусских переселенцев, с которыми довелось беседовать в селах Амурской области (напр., в с. Черновка Свободненского района и некот. др.), говорят на русском диалекте, но в их речи присутствует как белорусское, так и малоросское – украинское – влияние, проявляющееся в присутствии белорусской и украинской лексики¹³. Таким образом, и здесь налицо междиалектное взаимодействие, но с другим, более ассимилятивным результатом: наблюдается не сохранение своего материнского говора (как в случае с украинским языком в регионе), а переход на иную – русскую – диалектную систему с сохранением элементов материнского говора. Следует отметить, что такой вариант развития событий, как показывает опыт наших полевых исследований, довольно часто встречается и в речи потомков украинцев: переходя на русскую диалектную систему, сохраняют в своей речи элементы украинского говора.

Таким образом, проанализировав славянскую составляющую в языковой ситуации региона, можно сделать вывод о постепенной утрате украинского и белорусского языков его носителями и абсолютном доминировании русского языка во всем многообразии его форм. Такому положению дел способствовала национальная и языковая политика Советского государства. Так, в 30-е гг. русификация языков в СССР являлась всеобщей тенденцией [8, с. 36], которая усилилась в послевоенное время, когда «СССР взял курс на упрочение языка нации, победившей в Великой Отечественной войне» – русского языка [Там же, с. 39]. «В 1950-60 годах был популярен лозунг о неизбежном слиянии наций в ходе строительства коммунизма: все это привело к снижению внимания к развитию всех остальных языков, кроме русского», – отмечал Ю.Б. Коряков [Там же, с. 39]. Кроме того, в регионе на протяжении всего рассматриваемого периода происходила очень сильная миграция населения, как внутренняя, связанная с перемещением людей внутри региона, так и внешняя – в связи со строительством дорог (Всесоюзная стройка БАМ, напр.), ГЭС, промышленных предприятий, что приводило к укреплению позиций русского языка, его наибольшему распространению, поскольку именно он выступал как главное средство коммуникации.

Увеличение городского населения также способствовало распространению русского языка в регионе: русский язык как язык государства, политики, образования рассматривался в качестве престижной языковой формы, в отличие от украинского и белорусского языков, которые в сознании носителей языка связывались с формами диалектными, непрестижными.

2.3.2. Языки коренных народов Приамурья

В рассматриваемый период времени в Приамурье функционирует эвенкийский язык, являющийся языком коренного населения края. Число амурских эвенков составляет около 1,5 тыс. человек. Однако нельзя поставить знак равенства между числом эвенков и числом

¹³ См. об этом [30, с. 85-95].

носителей эвенкийского языка: язык утрачивается и его спасением сознательно занимаются ученые, общественные деятели. Так, по данным переписи 1989 г., в Амурской области родной язык знали только 98 % эвенков, он используется только в местах компактного проживания эвенков представителями старшего и среднего поколений [31].

Амурские эвенки в настоящее время проживают на севере Амурской области: в поселке Улгэн Селемджинского района, поселке Бомнак Зейского района, поселках Первомайское, Усть-Нюкжа, Усть-Уркима Тындинского района [32], и их главным занятием было и остается оленеводство.

За годы Советской власти положение эвенков очень изменилось. Это один из тех народов, который, как мы указывали, обрел в советское время письменность: с 1929 г. – на основе латиницы, с 1937 г. – на основе русского алфавита.

В настоящее время эвенкийский язык имеет литературную и диалектную форму. Он неоднороден в диалектном отношении: в нем несколько наречий: южное, северное, восточное. На территории Амурской области – восточное наречие, представленное несколькими говорами: зейским, селемджинским, желтулакским.

Литературная форма эвенкийского языка не стала наддиалектной, которой в равной степени владели бы эвенки всех регионов; до настоящего времени окончательно не сформированы нормы эвенкийского литературного языка. При этом диалектные различия не являются непреодолимой преградой для эвенков – носителей разных эвенкийских говоров [31].

Эвенки относятся к малым народам севера и находятся под охраной государства. Однако исследователи выражают тревогу по поводу состояния эвенкийского языка у амурских эвенков: «Современное состояние языка, традиционной культуры и народных промыслов амурских эвенков, компактно проживающих на территории российского Дальнего Востока в трех районах Амурской области, характеризуется как глубоко кризисное. С 1994 года наметилась устойчивая тенденция к сокращению численности эвенкийского населения. Уровень владения языком в процессе повседневной коммуникации и активность использования национальной письменности катастрофически падают, резко снижается социальный статус языка не только в пределах области, но и в национальных поселках», – пишет Г.В. Быкова [32].

Государство проводит языковую политику, направленную на сохранение малых народов и их языков. Это в полной мере относится к эвенкам Амурской области и их языку: открываются национальные школы, издаются словари эвенкийского языка, книги на эвенкийском языке, газеты. Подобные мероприятия языковой политики действительно являются прогрессивными и перспективными.

Необходимо отметить, что большинство эвенков являются билингвами: кроме своего родного языка (диалекта), знают русский язык, который они изучают как в школе, так и в среде непосредственной коммуникации с русскими на русском языке.

Эвенкийский язык не является государственным и титульным, его функции ограничиваются использованием в национальной среде, а распространение – районом компактного проживания эвенков.

Если говорить о современном взаимодействии эвенкийского и русского языков, то необходимо отметить влияние русского языка на эвенкийский в лексическом плане, выражающееся в многочисленных современных заимствованиях из русского; обратное влияние (гораздо более раннее) мы наблюдаем в сфере амурской топонимии, которая во многих случаях эвенкийского происхождения.

2.3.3. Китайский язык

В 20-30 гг. XX в. в регионе присутствовало много китайцев, которые были заняты в сельском хозяйстве; также они занимались таежными промыслами, их активно задействовали в золотодобыче, угольной промышленности. Во время послереволюционных перемен в жизни России китайское население на Дальнем Востоке вовлекалось в партийно-советскую работу и внедрение пролетарских идей [18, с. 41]. Приобщение к коммунистическим идеям побуждало местные власти проявлять заботу об их культурно-общественной жизни и образовании. Так, на рубеже 20-30-х гг. XX в. были открыты новые и реформированы старые учебные заведения для китайцев, состоялось открытие Дальневосточной китайской советско-партийной школы [33, с. 172-173]. Кроме того, в 1926 г. в Хабаровске был решен вопрос о создании корейско-китайской типографии [34, с. 371]. Все перечисленные мероприятия (открытие учебных заведений и типографии для китайцев), безусловно, способствовали повышению статуса китайского языка в регионе.

Осмысление фактов пребывания китайцев в регионе того времени позволяет говорить о функционировании китайского языка как в устно-разговорной (преимущественно), так и в литературной, письменной форме (в сфере образования китайцев).

Существенное уменьшение к концу XX в. численности проживающих на территории России китайцев повлекло за собой и угасание функций китайского языка как языка этнической группы. Потомки китайцев, проживавших в России в 20-30-е гг. XX в., как, напр., в селе Климоуцы Свободненского района Амурской области, считают себя китайцами по национальности, но по-китайски не говорят. Некоторые представители молодого поколения этих семей изучают китайский язык специально в школе или университете [20, с. 130-134].

В современный период в регионе немало китайцев, которые приезжают в Благовещенск и Приамурье для того, чтобы заработать: они заняты в сфере торговли, обслуживания, строительства, сельского хозяйства. Говорят между собой по-китайски, русского языка за редким исключением не знают. В неофициальном общении многие из них пользуются русско-китайским пиджином [29].

2.3.4. Другие языки в Приамурье

Интенсивная миграция населения, характерная для современного периода, привела к тому, что на Дальнем Востоке и в Приамурье в частности функционирует достаточно много языков, область распространения которых ограничивается общением внутри семьи или диаспоры. К числу наиболее распространенных языков, кроме рассмотренных выше, следует отнести корейский, армянский, азербайджанский, узбекский и некоторые другие языки. Известно о достаточно активной культурно-образовательной деятельности некоторых национальных групп (напр., армян) на территории Амурской области, выражающейся в открытии школ по изучению родного языка, проведении национальных праздников и т.п. Однако перспективы расширения функций у этих языков невелики: во-первых, невелик состав их носителей; во-вторых, не совпадая с государственным языком, они не смогут обслуживать ряд официальных сфер общения, следовательно, их коммуникативная мощь будет невелика. Опыт показывает, что существование языка небольшого языкового коллектива в отдалении от исконной территории неизбежно приводит к постепенной утрате языка и ассимиляции его носителей, хотя нам известны и факты уникальных языковых ситуаций сохранения языка вопреки многочисленным факторам, способствующим его уничтожению [см. 9].

2.3.5. Контактные языки

В рассматриваемый период – с 20-х гг. XX в. по 10-е гг. XXI в. в Приамурье распространен такой контактный язык, как русско-китайский пиджин. Правда, его функционирование не было стабильным. Известно о том, что этот вид контактного языка активно использовался в 20-30-е гг. [см. 35, 36], также, полагаем, в 50-60-е гг. во время выраженной дружбы между СССР и КНР и с 90-х гг. XX в. по настоящее время. На этом языке говорят китайцы с русскими в неофициальных ситуациях общения: при торговле на китайских рынках и в китайских магазинах, при оказании услуг и некот. др. Русско-китайский пиджин в разные периоды своего функционирования в языковом плане представляет собой образование на русской лексической основе с китайской фонетикой и грамматикой. Все «неправильности» этого русского языка китайцев на приграничных территориях объясняются спецификой взаимодействия двух типологически различных языков, русского и китайского [см. 9].

Русско-китайский пиджин будет существовать, пока он будет востребован в неофициальных ситуациях общения при незнании коммуникантами языков друг друга. Процесса нативизации русско-китайского пиджина не происходит и, полагаем, это не будет являться его дальнейшей перспективой, которая при благоприятном развитии обстоятельств могла бы привести к расширению функций данного контактного языка. Наоборот, мы с обеих сторон – и русской, и китайской, – наблюдаем увеличение числа людей в современном приграничье, изучающих китайский и русский языки как иностранные и, следовательно, планирующих использовать его в своей речевой практике. Так, в г. Благовещенске китайский язык изучается в гимназии № 25, СПОШ № 14, в высших учебных заведениях – Амурском государственном университете, Благовещенском государственном педагогическом университете, Политехническом техникуме, в частных языковых школах «Андора», «Эрудит» и др., на краткосрочных курсах. В свою очередь в городе Хэйхэ, располагающемся напротив Благовещенска на другом берегу Амура, русский язык как иностранный изучается в ряде средних школ и в Хэйхэйском университете. Русскому языку китайцы обучаются в Амурском государственном университете, Благовещенском государственном педагогическом университете, Дальневосточном государственном аграрном университете, Дальневосточном военном институте. Эти факты свидетельствуют об овладении языком в рамках образовательных программ, в стенах образовательных учреждений, а не в спонтанном общении с носителем языка, как это происходит при овладении пиджином. Безусловно, сознательное отношение к языку соседнего государства, выражающееся в добровольном массовом его изучении, показывает необходимость знания этого языка для роста собственной компетентности, успешности, с одной стороны, а с другой стороны, демонстрирует повышение статуса этого языка в регионе.

Общие выводы

Анализ языковой ситуации в Приамурье на протяжении как минимум последних двух столетий дает полное основание утверждать ее многообразие, проявляющееся в функционировании на исследуемой территории в указанный период множества языков и языковых форм, различных по своему происхождению, типологическим свойствам, коммуникативной и демографической мощности, статусу. Исторические обстоятельства влияли на качество языковой ситуации в регионе и обуславливали ее динамику. Тот результат, который мы наблюдаем в настоящий момент, есть результат воздействия как объективных, так и субъективных факторов, которые в совокупности показывают конкретную и по-своему уникальную языковую ситуацию и в то же время – эволюционную закономерность, позволяющую строить языковые прогнозы в иных пространственно-временных координатах.

В заключение приводим таблицу, иллюстрирующую содержание и динамику языковой ситуации в Приамурье, начиная с XIX в. и по настоящее время.

Таблица 2

Динамика языковой ситуации в Приамурье

Период	Языки коренного населения	Языки китайских подданных	Славянские языки	Другие языки	Контактные языки
I (до 1859 г.)	эвенкийский (Д) орочский (Д)	маньчжурский (Д) китайский (Д)	нет	нет*	нет*
II (после 1859 г. по 20-е гг. XX в.)	эвенкийский (Д) орочский (Д)	китайский (Д) /маньчжурский (Д)	русский (Д+Л+П) украинский (Д+Л) белорусский (Д)	татарский (не Л) румынский (не Л) молдавский (не Л) корейский (не Л) и некот. др.	русско-китайский пиджин суржик*; трасянка*
III (20-30 гг. XX в. до наст. времени)	эвенкийский (Д+Л)	китайский (не Л)	русский (Д+Л+П) украинский (Д)**	корейский (не Л) армянский (не Л) азербайджанский (не Л+Л) узбекский (не Л) и некот. др.	русско-китайский пиджин

Условные обозначения

Д – диалект; *Л* – литературный язык; *П* – просторечие;

* *Гипотетически*; ** *Реликтовые (исчезающие) говоры*

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). Л., 1975.
2. Швейцер А.Д. Современная социолингвистика: теория, проблемы, метод. М.: Наука, 1976.
3. Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. Введение в социолингвистику. М.: Высшая школа, 1978.
4. Виноградов В.А. Языковая ситуация // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
5. Степанов Г.В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М.: Наука, 1976.
6. Швейцер А.Д. Социальная дифференциация языка в США. М.: Наука, 1983.
7. Виноградов В.А., Коваль А.И., Порхомовский В.Я. Социолингвистическая типология (Западная Африка). М., 1984.
8. Коряков Ю.Б. Языковая ситуация в Белоруссии и типология языковых ситуаций. Дисс....к.ф.н. М., 2002.
9. Оглезнева Е.А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск: АмГУ, 2009.
10. История Амурской области с древнейших времен до начала XX века, Под ред. А.П. Деревянко. А.П. Забияко. Благовещенск. 2008.
11. Амурская область. Опыт энциклопедического словаря / Науч. ред. В.В. Воробьев и А.П. Деревянко; ред.-сост. Н.К. Шульман. Амур. отд. Хабаровского кн. изд-ва, 1989.

12. Кауфман А.А. По новым местам. Очерки и путевые заметки. 1901-1903. Санкт-Петербург: Издание Товарищества «Общественная польза», 1905.
13. Амурская область (природа, экономика, культура, история). Амур. отд. Хабаровского кн. изд-ва, 1974.
14. Аниховский С.Э., Болотин Д.П., Забияко А. П., Пан Т. А. «Маньчжурский клин»: история, народы, религия. Под общей редакцией А. П. Забияко. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2005.
15. Абеленцев В.Н. Амурское казачество XIX-XX вв. Сборник статей и публикаций. Изд. 2-е, доп. и испр. Благовещенск: Амурский областной краеведческий музей им. Г.С.Новикова-Даурского, 2005.
16. История Амурской области: Учебное пособие. Под ред. А.В. Баранова, И.Е. Федоровой. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2005.
17. Завалишин А.Ю. Национальные отношения и национальный вопрос на Дальнем Востоке: история и современность // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Вып. VI. Этнические контакты. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2001.
18. Головин С.А. Положение китайского населения на Дальнем Востоке России в 60-е гг. XIX в. – 30-е гг. XX в. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. 2. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2001.
19. Аргудяева Ю.В. Межэтнические контакты коренного населения, восточных славян и народов Восточной Азии в Дальневосточном регионе // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Вып. VI. Этнические контакты. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2001.
20. Архипова Н.Г., Белоусова Е.В. Соединение славянской и восточной культур в одной языковой личности (на примере речи жительницы русского Дальнего Востока Валентины Васильевны Белоусовой) // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 8, специальный. Русско-китайское языковое взаимодействие в Дальневосточном регионе / Под. Ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ. 2010.
21. Словарь русских говоров Приамурья. М.: Наука, 1983.
22. Рябинина Н.И. Вокализм ударного слога в говорах старообрядцев Хабаровского края // Русские старожильческие говоры Сибири. Томск, 1990.
23. Кирпикова Л.В. Первые исследователи говоров Приамурья // Записки Амурского областного краеведческого музея и общества краеведов. Благовещенск, 1992.
24. <http://www.refine.org.ua/pageid-4388-2.html> Українці на Далекому Сході
25. Мельник А. Как появились хохлы на Амуре // Амурский комсомолец. 10.10.1992. № 41.
26. Самойлов Н.А. Россия и Китай // Россия и Восток: Учебное пособие, Под ред. С.М. Иванова, Б.Н. Мельниченко. СПб., Изд-во С.-Петерб. Ун-та. 2000.
27. Пирко В.В. Просторечие Приамурья: лексикологический и лексикографический аспекты. АКД. Барнаул, 2007.
28. Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Социоллингвистика и социология языка. СПб: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004.
29. Оглезнева Е.А. Русско-китайский пиджин: опыт социоллингвистического анализа. Благовещенск: АмГУ, 2007.
30. Оглезнева Е.А. Социально-речевой портрет диалектоносителя (на материале речи М.В. Хлыстова, жителя с. Черновка Свободненского района Амурской области // Народное слово Приамурья: Сборник статей, посвященный 20-летию публикации «Словаря русских говоров Приамурья». Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2004.
31. http://ru.wikipedia.org/wiki/эвенкийский_язык. 04.01.2012.
32. http://www.evenki.info/2009/iiblog-post_o,7_h.04.01.2012.
33. Дацышен В. Г. Развитие образования для китайцев в дальневосточном крае в начале 30-х гг. XX в. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. 5. / Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2003.
34. Лескова Т.А. Положение китайского и корейского населения на юге Дальнего Востока в 20-

30-е гг. XX в. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. 3. / Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2002.

35. Врубель С.А. Русско-китайские языковые скрещения // Культура и письменность Востока. М., 1931. № 7-8.

36. Шпринцин А.Г. О русско-китайском диалекте на Дальнем Востоке // Страны и народы Востока. М., 1968. Вып. VI.

А.В. Блохинская

ИСТОРИЯ СЛАВЯНСКОГО ЗАСЕЛЕНИЯ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ В СВЯЗИ С ФОРМИРОВАНИЕМ ЕЕ ДИАЛЕКТНОГО ЛАНДШАФТА

В современных работах, посвященных русским говорам Приамурья, неоднократно подчеркивалось, что они сформировались в условиях межъязыкового и междиалектного контактирования (см. работы Е.А. Оглезневой, Н.Г. Архиповой, Г.М. Старыгиной). Действительно, население Приамурья довольно неоднородно по своему составу. Здесь в разное время поселились казаки, русские крестьяне, старообрядцы из Забайкалья и «румынские» старообрядцы, украинцы, белорусы, а также представители других национальностей. Не стоит забывать и о представителях малых народов, проживавших на территории области. При этом каждый старался сохранить свой родной язык и использовать его в общении с другими.

В наши задачи входит анализ истории славянского заселения Амурской области, которая нашла свое отражение в формировании говоров Приамурья.

Славянское заселение Дальнего Востока носило крестьянский характер. Крестьянское переселение на Амур началось с 1859 г., когда сюда прибыла первая партия выходцев из Астраханской, Таврической и Самарской губерний [1, с. 2]. Ими были основаны села Астрахановка, Черемхово, Егорьевка и Белогорье [2, с. 28; 3, с. 287]. Через год численность приамурского крестьянства возросла за счет выходцев из Забайкальской области, Енисейской и Полтавской губерний, которые осели в селах Воскресеновское, Никольское, Александровское и Высокое [3, с. 287]. А летом 1862 г. прибыла первая партия переселенцев-добровольцев из Полтавской, Орловской, Тамбовской и Воронежской губерний, основавших села Павловку на реке Томь и Михайловку на реке Завитая [2, с. 28].

Как отмечают исследователи, до 1860 г. значительный удельный вес среди переселенцев в Приамурский край занимали выходцы из центрально-черноземных губерний и из Украины – районов с типичным помещичьим землевладением, где крестьянство было крайне бедным [4, с. 21].

До 1900 г. переселение шло очень медленно. За 40 лет в Приамурье перебралось только 39 тысяч крестьян [1, с. 2]. Значительный прилив переселенцев начался с 1868 г. Основным мотивом служили изменившиеся условия хозяйственно-бытовой жизни народа после издания положения от 19 февраля 1861 г. и недостаточность наделов («малоземелье» и «утесне-

ния в земле»). Переселенцы двигались главным образом из Воронежской, Тамбовской, Пермской губерний, где основным занятием населения было земледелие.

Однако не только экономические причины заставляли людей покидать родные места. В основе переселения могли быть и религиозные факторы. Поселившиеся в 1859 г. сектанты, переписываясь со своими родными и знакомыми, оставшимися на местах, сообщали им не только о тех материальных выгодах, которые представляло переселение, но и о той религиозной терпимости администрации и местного населения, которые они здесь нашли. Эти слухи были заманчивыми для сектантов и раскольников, которые не пользовались в других местах религиозной свободой и служили сильным толчком, побуждающим к переселению. Такой контингент давали губернии: Самарская, Тамбовская, Пермская, Енисейская. Из Самарской и Тамбовской областей шли в Амурскую область молокане, из Пермской – старообрядцы, из Енисейской – духоборцы и старообрядцы. [5, с. 42]. Администрация с самого начала заселения области не разрешила образования поселков со смешанным религиозным составом, и последователи различных религиозных конфессий селились отдельными деревнями, образовав в Приамурье до 1882 г. 59 селений.

«Заглохшее совершенно в 1882 г. переселенческое движение начинает возрастать с 1883 г., дав области 27582 души обоюбого пола или в среднем за год 1532 человека» [6, с. 115]. Царский указ от 1 июня 1882 г. предусматривал определенные меры по ускоренному заселению Южно-уссурийского края и способствовал массовому переселению украинцев на Дальний Восток [7]. Основное предпочтение при формировании переселенческих потоков отдавалось жителям Левобережной Украины. Развитие рельсовой сети и постройка Сибирской железной дороги привело к тому, что переселенческое движение на Амур охватывало все большее число губерний Европейской России, Белоруссии и многие внутренние губернии [там же, с. 117]. Так, доля украинских переселенцев в Амурскую область в 1886 г. составила 46,5%, в 1890 г. – 59,6%, а белорусов – 19,3% [3, с. 290]. По данным переписи 1897 г., наибольшее число выходцев в Амурскую область из 50 губерний Европейской России, приходится на губернии: Полтавскую – 10287 человек, Тамбовскую – 5405 человек, область войска Донского – 1994, Самарскую – 1874 и Пермскую – 1823 человека [6, с. 220].

Интересный факт, влияющий на состав амурских переселенцев, отмечен в книге «Обзор земледельческой колонизации Амурской области»: «Переселенцы, особенно первого двадцатилетия, двигались на Амур годами, совершая большую часть пути на колесах и пешком, зимуя по дороге в сибирских городах и селениях. Многие переселенцы достигали Амура через 2-3-4 года. В этом движении совершался своего рода естественный подбор: все слабые, не выдерживающие далекого пути, терялись по дороге, расселялись в ближайших от места выхода районах, и на Амур доходили наиболее сильные. Поэтому неудивительно, что в первые двадцать лет (с 1861 г.) заселения большой процент переселенцев составляли старообрядцы, раскольники, сектанты-духоборы, молокане и прочие, выходцы из губерний Самарской, Таврической, Тамбовской, Енисейской и Забайкальской области, люди, как известно, отличающиеся своей энергией, хозяйственностью и религиозным фанатизмом. Их

привлекал не столько сам край, в то время никому неизвестный, сколько условия жизни в нем, совпадающие с их религиозными взглядами» [Там же, с. 115-116].

Заселение в этот период шло следующим образом. «Переселенцы по прибытии в Благовещенск садились или по письмам родных и знакомых, водворившихся ранее в область, или должны были сами отыскивать места поселения, и, найдя таковые, заявляли администрации о своем желании поселиться на избранном месте и давали название будущему поселку. Заявление переселенцев проверялось на месте полицией или землемером в том лишь отношении, чтобы образованием нового поселка не стеснить прежде осевших в этой местности переселенцев. После этого составлялось определение военного губернатора об образовании сельского общества и об отводе ему земельного надела [Там же, с. 118]. Часто переселенцы сразу садились на свободных землях, а потом уже возбуждали ходатайство о земельном наделе» [Там же, с. 119].

С 1901 г. по 1917 г. – новый этап в освоении переселенцами Амурских земель. В этот период идет заселение Архаринского, Серышевского, Октябрьского, Свободненского, Шимановского районов, а также южной части Мазановского района.

Большую часть населения Амурской области в этот период составляли русские, или великороссы, белорусы и малороссы. Они занимали Зее-Буреинскую низменность. «Среди русских много раскольников и сектантов – особенно молокан (до 30000). Молокане живут, главным образом, в Гильчинской волости по реке Гильчин, притоку реки Амур. Здесь их около 3000 – больше половины всего населения этой волости» [8, с. 10]. Песчано-Озерскую волость и степную западную часть Завитинской заселяли по преимуществу малороссы, выходцы из губерний Полтавской, Киевской, Харьковской, Черниговской; наиболее же старые деревни составляли выходцы из Тамбовской, Воронежской и смежных с ними губерний [Там же, с. 58].

В 1909 г. в Амурскую область прибыло 3077 семей. Больше всего переселенцев дали губернии: Полтавская – 3450 человек, Киевская – 1924, Кубанская область – 2497, а также Черниговская – 1640, Харьковская – 890, Минская – 646, Подольская – 802, Бессарабская – 853, Воронежская – 663. Румынских старообрядцев прибыло в область 2071 человек [9, с. 1]. Работа по зачислению и водворению приехавших была сосредоточена в 6 подрайонах: Селемжинском, Суражевском, Томско-Бельском, Буреинско-Архарском, Овсянковском и Кухтеринском [9, с. 10].

Места выхода переселенцев Амурской области в период с 1906 по 1912 гг. можно представить в следующем процентном соотношении: Полтавская – 7,3%, Харьковская – 4,9%, Киевская – 4,6%, Волынская – 5,1%, Черниговская – 3,2%, Херсонская – 0,8% [10, с. 30]. Таким образом, из Украины – 25,9%.

Преобладание украинцев среди переселенцев вполне объяснимо. Как отмечают исследователи, в это время у большинства крестьян отсутствовали средства к существованию через безземелье вследствие значительного аграрного перенаселения в украинских губерниях. 7% крестьянских семей были совсем без земли, а 70,6% – испытывали недостаток в продовольственных товарах [7]. Известный дальневосточный ученый А.П. Георгиевский указал

следующие причины, которые побуждали крестьян к переселению: 1) недостаточное земельное обеспечение и накопление избыточного труда в селе; 2) льготы, предоставляемые переселенцам; 3) представления о сказочном богатстве края [Там же].

Несмотря на то, что большинство населения переселенческих районов составляли выходцы юго-западных и западных губерний, каждый подрайон имел свои особенности. Так, в Селемджинском районе из 7254 человек, составляющих к 1 января 1910 г. население переселенческих участков, более половины приходилось на долю приехавших из таких губерний, как Киевская – 811 человек, Волынская – 787, Минская – 491, Подольская – 440, Забайкальская – 390, Екатеринославская – 298, Харьковская – 284, Могилевская – 275. Преобладали здесь «румынские» старообрядцы – 875 человек [9, с. 13]. Основной состав переселенцев Суражевского подрайона составляли выходцы из Черниговской и Могилевской губерний, «румынские» старообрядцы и старообрядцы австрийского согласия. В Томско-Бельском и Буренино-Архаринском – преобладали выходцы из Полтавской, Харьковской, Могилевской, Киевской, Черниговской и Воронежской губерний [Там же, с. 14]. В Черняево-Зейском подрайоне преобладали переселенцы из Черниговской и Бессарабской губерний, затем следовали Витебская, Забайкальская, Лифляндская и Курляндская. В Кухтеринском подрайоне поселились жители Гродненской, Подольской и Бессарабской губерний [Там же, с. 14].

А вот как выглядело распределение ходоков по губерниям (областям) выхода, районам направления и источникам сведений, которыми они располагали о местах своего следования, в 1914 г. [11, с. 2-5]. В данной таблице представлены районы, давшие самое большое количество переселенцев.

Губерния, область выхода	Всего	в том числе следовали					Из числа ходоков, следовавших в Амурскую область по личному знакомству с краем, прежде там были				
		по личному знакомству с краем	по письмам	по слухам	по справочным изданиям	не выяснено	на работах	на военной службе	ходоком	не выяснено	
Курская	156	1	94	47	14	–	–	–	1	–	
Тамбовская	494	13	212	207	62	–	8	2	2	1	
Черниговская	379	11	188	136	44	–	5	5	1	–	
Полтавская	938	9	564	265	99	1	3	4	2	–	
Харьковская	293	5	159	92	37	–	2	3	–	–	
Киевская	262	3	182	50	26	1	–	1	–	2	
Подольская	269	6	149	83	31	–	2	1	1	4	
Волынская	129	1	57	55	16	–	–	–	–	1	
Таврическая	20	–	8	11	1	–	–	–	–	–	
Самарская	77	2	42	27	6	–	1	–	–	1	
Енисейская	135	4	27	77	27	–	2	2	–	–	

По сведениям заведующих крестьянскими участками, в 1915 г. в Амурскую область прибыло с запада – из Европейской России и Сибири 359 семей, с востока – из Приморской и Сахалинской областей 87 семей [12, с. 3]. Распределение переселенцев по месту выхода выглядело следующим образом [Там же, с. 3]:

Районы выхода	Число семей	Душ обоего пола	Число ходоков	Всего с ходоками
1. Северный черноземный	33	156	77	233
2. Средний черноземный	66	342	155	497
3. Юго-западный черноземный	19	78	11	89
4. Южные степные губернии	23	148	9	157
5. Восточные и юго-восточные губернии	50	219	124	343
6. Кавказ	193	955	378	1333
7. Западные губернии	17	101	37	138
8. Промышленные губернии	2	7	–	7
9. Северо-восточные губернии	22	77	31	108
10. Северо-западные губернии	–	–	2	2
11. Прибалтийские губернии	4	16	1	17
12. Восточно-Сибирские губернии	82	379	103	482

Следующий переселенческий этап охватывает период с 1922 по 1941 гг. По данным переписи 1923 г., в Амурской области было 284 тысячи сельского и 108,6 тысяч городского населения. Подавляющее большинство жителей составляли русские (240 тыс.), несколько меньше здесь было украинцев и белорусов (146,8 тыс.) [1, с. 5].

Необходимо отметить, что в годы Советской власти число переселенцев в Амурскую область с каждым годом увеличивалось. За 5 лет, с 1924 г. по 1929 г., на Амур прибыло почти 64 тысячи человек (11,5 тысяч семей), причем особенно активным переселенческое движение было в 1926-1929 гг. Основной поток переселенцев шел, как и раньше, с Украины, из Белоруссии и Центрально-черноземных областей [2, с. 31].

Среди переселенцев, следующих на Дальний Восток, основную часть составляли плановые, т.е. те, кто имел специальные переселенческие документы. Из общего числа переселенцев в 1926/27 – 1927/28 гг. на долю плановых приходилось около 4/5. Они направлялись из Украины, Белоруссии и Европейской части РСФСР. Так в 1927/28 гг. из общего числа семейных переселенцев на Дальний Восток в 36,7 тысяч на долю Европейского центра приходилось 8,6 тысяч, Украины – 11,2 тысячи, Белоруссии – 5,1 тысячи, Казахстана и Средней Азии – 4,9 тысяч и Сибири – 6,9 тысяч человек [4, с. 75].

Увеличение числа переселенцев было связано с тем, что был разработан обстоятельный план переселенческой работы. Специальные агенты, уполномоченные по областям и губерниям европейской части страны, вели агитацию, записывали желающих переселиться на Дальний Восток. На местах переселенцам оказывалось всяческое содействие. Государство взяло на себя расходы по переселению. Новоселы получали ссуды, кредиты, пользовались различными льготами.

С 1945 по 1974 гг. – период послевоенного переселения. Вот как представлено заселение Амурской области в газетах того времени: «В текущем году в колхозы и совхозы нашей области влилось 1714 семей переселенцев. Им создаются необходимые условия для культурной и обеспеченной жизни, оказывается помощь в постройке домов, обзаведении личным хозяйством. Новоселы прочно закрепляются на новых местах и активно включаются в трудовую деятельность ... Большие группы новоселов приняли нынче колхозы и совхозы Октябрьского, Благовещенского, Завитинского, Константиновского и других районов» [13, с. 3]. «В районы освоения целинных и залежных земель со всех концов страны продолжают прибывать тысячи патриотов. Многие новоселы приехали с семьями и уже обзавелись здесь своим хозяйством. С каждым годом возрастает число желающих последовать их примеру. Государство оказывает переселенцам большую помощь. Помимо того, что им оплачивается проезд и выдается денежное пособие, новоселы могут получить в Сельхозбанке кредит на строительство жилых домов ...» [14, с. 1].

Действительно, государство принимало дополнительные меры для привлечения на Амур переселенцев из европейской части страны. Все переселяющиеся на Дальний Восток получали возможность обзавестись личным хозяйством, обеспечивались жильем, продовольствием, а также работой по специальности. «Так, на главу переселенческой семьи в качестве единовременного безвозмездного пособия выдается 150 рублей, да и по 50 рублей на каждого из членов семьи. Для строительства усадьбы переселенцу предоставляется кредит до 4 тысяч рублей, причем половина ссуды относится на счет государственного бюджета, а вторая половина погашается в течение 15 лет, начиная с пятого года после получения кредита. Для приобретения скота в личное пользование переселенец может получить ссуду до 400 рублей, также с отнесением половины этой суммы на счет госбюджета и с погашением оставшейся части долга в течение пяти лет, начиная со второго года после получения кредита. В течение 10 лет переселенческая семья освобождается от уплаты сельскохозяйственного налога» [15, с. 175].

Структуру приезжего населения этого времени можно представить следующим образом [11]:

Выход	(селение) Амурская область
Сибирь	27,2
Урал	3,3
Поволжье	7,4
Сев. Кавказ	2,5
Остальные р-ны России	23,5
Украина и Молдавия	22,5
Белоруссия	9,8
Остальные республики	2,8
Др. гос-ва	1,3
	100

В общей сложности к 1 января 1967 г. в области насчитывалось около 781 тыс. человек. Это почти в 2 раза больше, чем до революции [1, с. 11]. Особенность населения области это-

го времени, как и в предыдущие годы, – пестрота национального состава. По данным переписи 1959 г., здесь выделялись такие значительные национальные группы, как русские – 87,7%, украинцы – 7,8%, белорусы – 1,3%. [1, с. 11]. А по данным переписи 1970 г., в области проживало русских – 721,4 тыс., украинцев – 41,5 тыс., белорусов – 7,7 тыс. [15, с. 171].

Многообразие природных условий привело к некоторому разграничению национальных групп территориально. Так, украинцы, как правило, оседали в безлесных районах, например, в Белогорском они составляли 58,8% населения, Завитинском – 49,6%, Ивановском – 42,2%, Тамбовском – 31% и т.д. Белорусы разместились главным образом в лесостепных районах: Мазановском – 16,7%, Архаринском – 12,8%, Свободненском – 11,4%, Завитинском – 7,3%, Шимановском – 6,8%. [1, с. 11]. Это особенность отмечают и украинские исследователи переселения на Дальний Восток: «Українці – вихідці зі степу з теплим кліматом – після прибуття на Далекий Схід, природно, стали шукати такі місця, які за своїми фізико-географічними умовами ближче за все підходили б до України. Це, власне, й спонукало їх зайняти Південно-Уссурійський край і горнутися до державного кордону з Китаєм, де більша частина місць була вільна від лісу» [7].

Еще один этап заселения Амурской области начинается с 1974 г., и связан он с возведением Байкало-Амурской магистрали, в строительстве которой принимали участие 70 как славянских, так и неславянских национальностей СССР. Строители осваивали и заселяли ранее необжитые территории, возводя новые города и поселки.

Итак, мы рассмотрели основные этапы славянского переселения в Амурскую область. Освоение территорий области представляло собой длительный процесс, в котором выделяются как периоды явной активности, так и явного спада. Это обусловлено как внутренними причинами, заставляющими людей покидать родные места (экономическими, религиозными и т.д.), так и внешними (политическими, историческими и т.д.).

Лидирующее положение в заселении Амурской области на протяжении всех этапов переселения занимали русские, украинцы и белорусы. Это нашло отражение и в переписи населения Амурской области в 2002 г. [16]. Первые 4 места распределились следующим образом: русские – 92,04%, украинцы – 3,49%, белорусы – 0,87%.

Однако национальный состав жителей имеет более пеструю картину и в разных районах представлен по-разному. Все это не могло не отразиться на языке местных жителей, как приехавших в Амурскую область, так и родившихся здесь. Люди, жившие по соседству, произвольно перенимали культуру, обычаи, фольклор, и, соответственно, языковые особенности друг друга, что в свою очередь привело к тому, что существующие здесь говоры неоднородны по своему составу. Однако в разных группах процесс межъязыкового взаимодействия происходил по-разному. Так, например, забайкальские казаки и забайкальские старообрядцы, оказавшись в изоляции от носителей других говоров, долго сохраняли основу своего говора, а процесс слияния разноречных основ представлен в интеграции русской диалектной речи с украинской и белорусской [17, с. 131]. В речи жителей ряда сёл Амурской области современными исследователями были зафиксированы особенности, генетически связанные с украинским и белорусским языками, например: 1) произношение сочетания

«ры», «лы» на месте русского «ро», «ло»: (рус.) крошить – (укр.) кришити), 2) долгие мягкие согласные с *j* на месте русских мягких зубных и шипящих (рус.) платье – (укр.) плаття), 3) сохранение в речи г-фарингального, 4) произношение р-твердого в соответствии с р-мягким (рус.) три, двери – (белорус.) тры, дверы). В речи отмечается отсутствие редуцирования в предударных слогах и ассимиляции по звонкости-глухости (рус.) [с̂ тΛбой] — (укр.) [з̂ тобойу]), сохранение сигнификативного ударения, различающего русский и украинский варианты (рус.) то́поля (р.п., м.р.) – (укр.) топо́ля (им.п., ж.р.) [18, с. 107-108].

Ярким свидетельством взаимодействия русского, украинского и белорусского языков является бытование украинского фольклора, и в частности, «хохляцких» лирических песен, сохранившихся до наших дней во всех без исключения селах Амурской области, однако, претерпевших изменения на всех уровнях языковой системы. Так, в фольклорных текстах отмечается:

«1) вытеснение из произведений одного языка отдельных слов (форм слов, фонематических вариантов) и замена их словами (формами слов, фонематическими вариантами) другого языка:

– изменение наиболее актуальных, составляющих ядерную тематическую зону, лексических единиц из украинских (белорусских) текстов русскими вариантами с той же семантикой (например, чоловік: (укр.) – муж // мужик (рус.); жінка, дружина (укр.) – жена, жонка (рус.);

– замена неядерных украинских текстовых лексем, не имеющих однокорневых синонимов в русском языке, русскими вариантами (стрибати (укр.) – прыгать (рус.), журитися (укр.) – печалиться (рус.), хустка, хусточка (укр.) – платок (рус.), доба (укр.) – сутки (рус.), сорочка, кошуля (укр.) – рубашка (рус.), набредла (укр.) – надоела (рус.) и др.);

– замена доминанты синонимического ряда менее употребительным синонимом или диалектным словом в текстах на украинском языке при совпадении корневого звучания в русском языке (гілка, галузка – вітка (рус. ветка); приємно, мило, зручно – любо (рус. любо);

– вытеснение грамматических форм украинского языка русскими вариантами (мені (укр.) – мне (рус.); до своєї (укр.) – к своей (рус.); ось (укр.) – вот (рус.); віддав (укр.) – отдал (рус.) и др.);

– грамматическое варьирование форм рода: так, существительные *боль, мозоль, медаль, надпись, польнь, пыль, роспись, собака, боль, шинель* употребляются то в формах женского, то в формах мужского рода (ср., белорусские *мазоль, мэдаць, надпіс, палын, пыл, росьпіс, сабака, шынэль*, имеющие форму мужского рода);

– замена украинских слов русскими фонематическими вариантами (драстуй (укр.) – здравствуй (рус.) и др.);

– вытеснение устойчивых выражений украинского (белорусского) языка русскими свободными сочетаниями слов близкой, но не тождественной семантики (жально завдавати (укр.) – не хочу сердца прижимать (рус.)).

2) равноправное существование в пределах одного произведения в речи жителей одного села единиц русского и украинского (русского и белорусского) языков: «*Давай розндемся з тобою, Щоб було легше врагам*».

3) доминирование единиц одного языка (главным образом, русского или украинского) над другим [18, с. 110].

Подобные явления встретились нам и во время фольклорно-диалектологических экспедиций 2010-2011 гг. в села Октябрьского района (Максимовка, Николо-Александровка, Песчаноозерка, Варваровка и др.), где, как говорят сами жители, «живут ... одни хохлы». Украинские черты здесь до сих пор встречаются в речи старшего поколения – детей переселенцев. Родители большинства из них приехали из Украины в Амурскую область в 1920-60-х гг., и родным для большинства из них был, скорее всего, какой-либо из диалектов этого языка. Со временем под воздействие русского литературного языка влияние украинского языка стало ослабевать. Однако даже в речи людей среднего и молодого возраста можно еще встретить некоторые языковые черты украинского происхождения.

Украинский след прослеживается и в Амурской топонимике, напр., в названиях сел Полтавка, Черниговка, Новокиевский Увал, Харьковка, Переясловка, Екатеринославка, Константиноградка, Житомировка и др.

Очень хорошо ситуация русско-украинского контактирования отражена в следующих строчках: «Взагалі малоросійський елемент якщо не домінує, то у всякому разі дуже значний; він відбився на місцевому народному говорі, на типі будівель і переважанні волів як робочої худоби в господарствах старожилів, на постійному повторюванні прізвиськ "кацап" та "хохол", якими кличе сусід сусіда, причому переважає останнє; нарешті такий висновок підтверджують розпитування, зібрані мною з усіх майже сіл» [7].

ЛИТЕРАТУРА

1. Шиндялов Н. Население Амурской области. Хабаровское книжное изд-во, 1967.
2. Паленко Н.А. Амурская область. Краткий очерк истории, географии, экономики Хабаровское книжное изд-во, 1966 г.
3. История Амурской области с древнейших времен до начала XX века / Под ред. А.П. Деревянко, А.П. Забияко. Благовещенск, 2008.
4. Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М.: Наука, 1990.
5. Рыкунова Г.А. Из истории заселения юга Дальнего в 50-60-е гг. в 19 в. // Исторический опыт освоения восточных районов России. Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции. Владивосток, 20-22 сентября 1993 г. С. 41-43.
6. Обзор земледельческой колонизации Амурской области / Издание Амурского переселенческого р-на. Типолиитография «Благовещенск», 1913 г.
7. Українці на Далекому Сході // <http://www.refine.org.ua/pageid-4388-2.html>.
8. Справочник по переселению на Дальний Восток / СПб.
9. Движение переселенцев в 1909 г.
10. Переселение в Сибирь из 8 губерний, входящих в состав южно-русской областной земской переселенческой организации за 1906-1912 гг. Учет семейного переселения. Текст и сводные таблицы. Вып. 1 / Издание Бюро-Р.О.З.П. Организаций, 1913 г.
11. Дальневосточное переселение в 1914 году. Сборник цифровых материалов. Вып. 1. Ходачское движение / Иркутск: Издание Статистического бюро восточного района передвижения переселенцев, 1918.

12. Сборник статистико-экономических сведений по Амурской области Вып. V / Благовещенск, 1917 г.
13. Окружить заботой переселенцев // Амурская правда. № 193. 12.08.1960.
14. Кредиты колхозникам – новоселам целинных и залежных земель // Амурская правда. № 48 (10367). 26.02.1955.
15. Амурская область (природа, экономика, культура, история) / Амурское отд. Хабаровского кн. изд., 1974.
16. Национальный состав населения Амурской области // <http://worldgeo.ru/Russia/list8/?id=38&code=28>
17. Галуза О.Ю. Слова, характеризующие человека, в лексической системе говоров Приамурья // Тезисы докладов обл. научно-практической конференции (новиковских чтений), посвященной 140-летию образования Амурской области и г. Благовещенска. 1 этап. История. Краеведение. Культурология. Благовещенск, 1997. С. 130-135.
18. Архипова Н.Г., Оглезнева Е.А., Старыгина Г.М. Современные русские говоры Приамурья и фольклор: из опыта полевых наблюдений // Народное слово Приамурья: сборник статей, посвященный 20-летию публикации «Словаря русских говоров Приамурья». Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2004. С. 101-112.

Н.Г. Архипова

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ЛЕКСИКЕ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ГОВОРОВ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Старообрядцы (семейские) Амурской области имеют сложную историко-этническую судьбу. Переселение семейских на Дальний Восток началось в 60-е гг. XIX в. До этого они проживали на территории Восточной Сибири, в Забайкалье и на Алтае, куда в 60-е гг. XVIII в. были выселены по указам Екатерины II во время второй «раскольничьей выгонки» из районов Ветки (Могилевская губерния) и Стародубья (северная часть Черниговской губернии). Общее количество возвращенных в Россию достигало 15-20 тысяч человек. До «ветковского» периода они проживали в Московской губернии, охватывающей тогда всю Центральную Россию, Новгородской и Белгородской губерниях (в последнюю входили не только Белгород и Курск, но и Орел и Брянск), Смоленской, Воронежской, Нижегородской, Архангельской и др. губерниях [1, с. 12-25]. Таким образом, изначально старообрядческие говоры не были однородны: среди них выделялись как говоры с южнорусской основой, черты которых были близки, а иногда и тождественны говорам украинского и белорусского языков, так и говоры с севернорусской основой и среднерусские.

В результате неоднократных перемещений старообрядцев на территории Европы, в Сибири, Забайкалье, на Дальнем Востоке их говоры испытали белорусско-польское, украинское, монголо-бурятское воздействие, а также на их формирование оказали влияние русские старожильческие говоры Сибири, имеющие севернорусскую основу.

А.М. Селищев отмечал, что ответить на вопрос, с какими русскими говорами семейщина составляла одно языковое целое, затруднительно вследствие многих диалектных насло-

ний. Легче определить ту область, где некоторое время жили предки семейских до переселения в Сибирь. Это северная часть Черниговской губернии (Стародубье) или соседний край Могилевской губернии (Ветка). На говоры старообрядцев Ветки и Стародубья воздействовали говоры тамошних поселенцев – носителей белорусского наречия, смешанного с малорусским (украинским – Н.А.) и, слабее, – с южно-великорусским [2, с. 25-40].

Так, в настоящее время в говорах семейских Амурской области отмечено значительное количество южнорусских слов бытовой сферы: в названиях одежды, обуви, женских украшений, предметов утвари и домашнего обихода, в обозначении пищи, хозяйственных построек и др. Особенно устойчива южнорусская лексика, имеющая полное лексическое соответствие в украинском языке: *хата, кут, клуня, курник, закут, будяк, дежа, затирка, рогац, макитра и др*¹⁴.

Изучение словарного состава говоров семейских Амурской области позволяет говорить о том, что эти старообрядческие говоры обнаруживают определенное единство в синхронном плане. Во время диалектологических экспедиций 2003 – 2007 гг. было обследовано около десяти амурских старообрядческих сел: Грибовка, Заган, Желтоярово, Новоандреевка, Ключи, Никольское и др. Анализ лексического материала выявил значительное единство словарного состава изучаемых говоров с некоторыми различиями между говорами сел Свободненского, Архаринского районов, с одной стороны, и Белогорского района, с другой. Различия объясняются тем, что семейские села в Свободненском и Архаринском районах не были однородны в диалектном отношении. С одной стороны, в одном селе (например, в Бирме и Загане) изначально могли проживать представители разных старообрядческих толков и согласий (поморцы, нырки, самокрестцы, австрийцы и др.), уже к 20-м гг. XX в. осознающие себя единой старообрядческой (семейской) общностью, и, следовательно, говоры таких сел отличаются более сильным диалектным варьированием от говоров, сформировавшихся на единой диалектной основе. С другой стороны, села Грибовка и Желтоярово изначально заселялись представителями разных восточнославянских этносов: белорусами, украинцами и русскими, среди последних были и старообрядцы. Нередки были смешанные браки. В говорах семейских, проживающих в этих селах, отмечены заимствования из белорусского и украинского языков, не зафиксированные среди заимствований в говорах других старообрядческих сел. Жители старообрядческих сел Белогорского района, помимо как семейскими, именуют себя кержаками, «выходцами с реки Кержа» (Керженец – Н.А.). По рассказам старожилов этих сел, старообрядцы насильственно были переселены в Забайкалье из Нижегородской губернии, а затем в 90-е гг. XIX в. прибыли в Приамурье и основали села Ключи, Никольское, Новоандреевку. Говоры этих сел отличаются относительной однородностью и практически не имеют заимствований из других восточнославянских языков, несмотря на то, что в 60-е гг. XX в. в эти села по переселению прибыло значительное количество украинцев.

Таким образом, в связи со сложностью исторических судеб старообрядцев Амурской области выявление материнской основы их говоров и решение вопроса об источнике и времени заимствований вызывает определенные трудности и не всегда может быть сделано.

¹⁴ Сверка лексики и уточнение значений слов производились по: Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков, Л., 1972; Говори української мови. Київ, 1958; Словарь русских народных говоров. М. – Л.; Українсько-російський словник. Київ, 1963; Русско-белорусский словарь. М., 1993.

Однако в структуре анализируемой диалектной системы условно можно выделить несколько пластов лексики, различной по происхождению: общенародную, общесибирскую (усвоенную семейскими в Сибири и Забайкалье от старожилородского русского населения), заимствованную и локальную, характерную преимущественно говорам семейских (это особая религиозная лексика, наименования некоторых видов одежды и пищи, некоторые группы непредметной лексики).

К наиболее важным общим закономерностям формирования и развития диалектной лексики исследуемых говоров относятся фонетическая, семантическая и словообразовательная модификации, образование вторичных диалектных слов на базе материнских говоров, освоение заимствований из языков контактирования в диахронии.

Рассмотрим некоторые из этих закономерностей на примере лексики, называющей женский головной убор и его детали.

Как известно, признаком системного устройства лексического состава подсистемы является способность языка передавать одни и те же значения разными формами – это вариативность. Мы выделили следующие факторы возникновения и развития вариантов в наименованиях головных уборов и их деталей в говорах семейских: 1) коммуникативный аспект – в рассказах о головных уборах лексика, имеющая большее количество вариантов, актуализируется в первую очередь; 2) высокая частотность слов, имеющих варианты (так, рассказы о шашмуре преобладают над рассказами о других элементах женского головного убора); 3) социолингвистические факторы (традиционный головной убор семейской женщины практически вышел из употребления, и носитель диалекта, лишь пассивно знающий слово, «забывает» о его первоначальном звучании); 4) единственная для диалекта устная форма существования.

На появление вариантов в говорах семейских практически не повлияли особенности языковой нормы (семейские не ориентированы в своем речевом поведении на литературную норму).

Были отмечены следующие виды вариантов при наименовании деталей головного убора:

1) фонематические (*шашмура – сашмура; шашмур – сашмур; кичка – тичка – чичка; повойник – подвойник – подбойник*);

2) лексико – морфологические (*шашмура – шашмур; шашмура – шашмурка; полушалка – полушалок*);

3) словоизменительные (*повой – повойник; чепец – чепчик; шаль – шаля; подшалок – подшальник*).

В ходе исследования также зафиксировано большое количество синонимических рядов при наименовании деталей головного убора. Однако единственным типом синонимов являются синонимы – дублиеты: *бабонник – кичка – шашмура – очипок – чепец – чепчик* в значении «головной убор замужней женщины в виде матерчатой шапочки, стягивающейся на шнурок вокруг головы; *плат – шаль – атлас* – «большой тяжелый яркий платок из атласа» и др.

Так, кичкой мог называться весь головной убор семейской женщины («Носили кички из нескольких атласов»), шапочка без полей с твердой тульей («Чичку, твердую такую, на

сашмур одевали, потом сороку, а потом атлас») и шашмура как своего рода чепец («Под кичку волосы соберешь, потом атласы завяжешь»).

Подобные системные явления зафиксированы и в других тематических группах. Имеющиеся материалы позволяют говорить о достаточно разнообразной синонимической лексике в исследуемых говорах. Например, в них встречается сосуществование синонимических пар и рядов: *прясла – жердина, заплот – забор, пострел – ургуль, плетень – городьба, мутовка – веселка, шептуны – ичиги, пострел – отхон, королек – кондарь; иней – заяц – куржак, городьба – поскотина, кошенина – поскотина, последыш – поскребыш, ломоть – лусточка – луста; тарки – шаньги, назем – навоз, несущика – клахтуха и др.*

Отмечается и явление полисемии. Так, многозначность отмечена у слов *повойник, очипок, чепец, увиток* и др. Слово *поскотина* обозначает «место, где косят», а также «вид изгороди»; *квашня* – «посуда, в которой замешивают тесто» и «опара, которая ставится в квашне». Наблюдается развитие различных переносных значений с экспрессивно-оценочным оттенком. Например, *квашней* в говорах называют нерасторопного, вялого человека, а *судомойкой* (тряпкой, которой моют посуду) – неаккуратную женщину («*Не ходи ко мне, поганая судомойка*») и т.д.

Менее чем другие процессы в говорах семейских отмечена омонимия. Например, помимо головного убора чином и кичкой именовались верхняя часть чего-либо: дома, стога сена, воза сена: «*Дом ставишь, заканчиваешь чином – крышей покрываешь*»; «*Последняя копна чином называлась*»; «*Стог обязательно кичкой покрой. Бравый такой стог. Большой*».

Описанные явления в лексике говоров семейских объясняются стихийностью употребления, отсутствием кодификации, а также недостаточной осознанностью именуемого предмета. Тесно связано с появлением синонимов-дублетов развитие полисемии, что свидетельствует о процессе распада лексического значения слов в силу утраты самой реалии. В некоторых случаях синонимические пары и ряды в говорах семейских возникли как результат взаимодействия диалектного и литературного языков, а также несомненное влияние на формирование лексической системы старообрядческих говоров оказали заимствования из других языков и диалектных систем.

В составе лексики старообрядческих говоров Амурской области заимствованная лексика по происхождению относится к разным периодам русской истории и имеет разное происхождение. Большое количество заимствований в различных тематических группах и парадигматических рядах – результат исторически нараставшего сближения русских переселенцев с аборигенным населением. Переселение старообрядцев из Черниговской и Могилевской губерний происходило не одновременно, оно носило волнообразный характер. Как уже отмечалось, из исконных территорий проживания старообрядцы переселялись в районы Ветки и Стародубья, затем в Сибирь, Забайкалье и только потом в Амурскую область. На всем пути следования в течение более чем двухсот лет они контактировали с местным населением, приспособляясь к новым условиям существования.

Сложный состав заимствованной лексики, обусловленный вторичностью говоров семейских, семантические изменения в заимствованных словах, возникающие в процессе освоения, и системные отношения слов в структуре говоров делают необходимым определить возможный первоначальный источник заимствования, установить время и условия заимство-

вания при учете фонетических законов, действовавших в языке-источнике или в языке-посреднике и в заимствующем языке, выяснить причины изменений в семантике заимствованного слова, определить причины подвижности заимствованной в говоры семейских лексики в зависимости от конкретных условий ее употребления в прошлые периоды истории и в настоящее время. Однако не всегда эти вопросы можно решить однозначно.

Из большого числа тематических групп слов в говорах семейских Амурской области обращает на себя внимание заимствованная лексика, семантика которой отражает понятия, связанные с животноводством (названия домашних животных по актуальным признакам, продукты питания из мяса и молока животных, предметы одежды из их шкур и т.п.). Не вызывает затруднений объяснение причин заимствования в говор семейских слов, которые называют новые для носителей говора предметы пищи и одежды: *ичиги, торбоза, шаньга, гуранчик и др.* Главным образом, это заимствования из бурятского и других неславянских языков.

Но в числе заимствований в названных тематических группах много слов избыточных, имеющих в составе говора равнозначные соответствия: *даган* – двухлетний жеребенок (ср. сев. рус. *лоньшак* – то же значение), *барахчан* – однолетний теленок (ср. сев. рус. *селеток*).

Современное состояние лексической системы исследуемых говоров характеризуется процессом архаизации определенной части лексики. Этот процесс в основном охватывает, как и в других говорах русского языка, названия, относящиеся к сельскохозяйственной лексике; наименования отдельных предметов домашнего обихода, одежды, обуви; наименований, связанных с обрядовой деятельностью и религиозными отправлениями.

Обследование говоров семейских по «Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» [3] показало повсеместное распространение таких, например, лексем, как *усадыба* – «участок земли, на котором находятся дом с хозяйственными постройками», *молотило* – «орудие для ручной молотбы», *жниво* – «сжатое поле», *погода* – «плохая ветреная погода, ненастье», *ведро* – «солнечная ясная погода», *голосоить* – «причитать над покойником, плакать», *голкец* – «полочка за печкой для сушки лука, хранения кухонной утвари», *западня* – «крышка, закрывающая ход в подполье», *амбар* – «постройка для зерна», *косовье* – «деревянная часть косы», *мураши* – «муравьи», *пороз* – «нехолощенный кабан, бык» и др. Отмечены разнородные в диалектном отношении синонимические ряды: *люлька* – *зыбка, колыбель, колыска, качалка, качка, качулька, петух* – *кочет, пивень, картошка* – *бульба, лук* – *цибуля, кукушка* – *зозуля, дом* – *хата, изба, курица* – *квочка, квохтушка, клуша, клушка, цыплята* – *голики, курчатки, цыпки, туча* – *хмара*. Лексемы *утка, плясать* и некот. др. не имеют других названий, отличающихся от общенародных, литературных слов.

В речи старшего поколения исследуемых говоров встречаются слова, семантика которых указывает на исчезнувшие предметы и явления действительности, на виды крестьянского труда в прошлом, другие виды деятельности: *мялка* – «приспособление для выделки кожи» («*На мялках кожу мяли, кожу туды заправишь и за палки крутишь, кругом ходишь, вот так мнешь ее*»); *уповод // вуповод* – «период крестьянской работы без перерыва» («*После полдника два вуповода работали*»); *помочь* – «коллективная помощь кому-либо»; *сушило* – «постройка для сушки зерна» («*Сушила строили, все лето хлеба много сушили*»); *ладонь* –

«площадка для молотьбы» («Зимой ладонь зальешь и молотишь»); *зобня* – «мешок, предназначенный для кормления лошади»; *санопрядка* // *самопрядка* – «прялка»; *валек* – «приспособление для глажения белья» («Гладили – такой валек был с рубцам, скалка и валек»); *замашки* – «мужская особь конопли» («Замашки на горе расстелешь, потом мнешь и прядешь их»); *заборочка* – «деревянная перегородка, отделяющая горницу от кухни»; *десятина* – «мера площади»; *бастрык* – «жердь, скрепляющая укладку снопов или сена на возу» («За передоуку бастрак веревкой перябросят, вот он и скрепляется»).

В пассивном запасе словаря лексика названий видов одежды – *зипун*, *станушка*, *анда-рак*; женской обуви – *чарки*, *баретки* («Баретки носили - ботинок же не было»); пищи – *бурдук*, *ботвинья*, *солод*, *толокно*; названий различных видов телег – *ширабан*, *ходок*, *дрога*. В связи с социальными переменами в жизни сельских жителей вышли из употребления лексемы, обозначающие вечерние собрания молодежи: *вечерки*, *посиделки* («На посиделках вязали, пряли, шили, на вечерку вечером собирались»); *праздничная* – «оплата дома, в котором проводится вечеринка» («Праздничную деньгами платили»); *сборная* – «собрание, сход жителей деревни».

В активном запасе в речи старшего и среднего поколения сохранилось немало слов общеславянского происхождения, не функционирующих в русском литературном языке: *молонья* - *нолонья* – «молния»; *выть* – «аппетит» («Ничо выти нету – зель хочу»); *крадче* – «тайком»; *напрок* – «на будущий год» («Вот нынче Троица рано была, напрок-то она пожже бут»; «Напрок первый день Паски – Первое мая»); *лони*, *лонись* – «встарь, в прошлом году»; *лонишный* – «прошлогодний»; *лончак* – «двухгодовалый жеребенок»; *лусь* // *лусть* // *лусточка* – «ломоть хлеба» («Спярва отрязаешь – краюшка называется – бытта кругом кавриги, а потом лусь, ломоть»); *вери* – «столбы, на которые подвешиваются ворота»; *лыва* // *лывина* – «лужа»; *мост* – «пол» («Мост намастывали голяком»). Практически вся эта лексика фиксируется в украинском и/или белорусском языках.

В исследуемых говорах распространена лексика, характеризующая северно-русское наречие на основе двучленных противопоставленных соответственных явлений: *изба* – «крестьянское жилище»; *квашня* – «посуда, в которой замешивается тесто»; *крынка* // *кринка* – «глиняный сосуд»; *сковородник*; *ухват*; *суюгна* (об овце) (*барануха суюгна*) и др.

Лексике описываемых говоров свойственны слова, распространенные преимущественно на территории южнорусских говоров, например, *хмарно* – «пасмурно»; *омшаник* // *овшаник* – «помещение для овец или зимовки пчел»; *латка* – «заплата»; *вага*, *важить* – «вес, взвешивать»; *рушник* – «полотенце» и др.

Анализируемый лексический материал выявил определенные диалектные различия между исследуемыми говорами сел Свободненского, Архаринского и Белогорского районов собственно лексического и семантического характера. Например, название колыбели, которая подвешивалась к потолку, в с. Заган – это преимущественно люлька наряду с зыбкой («У нас люлька висела в хате», «В избе зыбки качались»). Для обозначения пасмурной погоды в говоре с. Заган активно функционирует лексема *хмара* (*хмарно*, *хмарить*) («Хмара будить – с вечера всю ночь парить»); в селах Новоандреевка и Ключи для названия подобного состояния природы употребляется лексема *морок* (*морошно*) («Морок будет, морошно сегодня»; «Нынчи лето-то не было – все морок да морок»).

Отмечены также различные значения одной и той же лексемы. Так, *тина* в говоре с. Заган – это «стебли огурцов, моркови, редиса»; в с. Новоандреевка – «ботва картофеля». В с. Заган постройку для зимовки мелкого скота (чаще овец) называют *овшаник* // *омшаник*, в с. Новоандреевка в этом значении функционирует лексема *стайка*, а *омшанник* – «постройка для зимовки домашних пчел». В этом же селе *мякина* – «стебли огурцов; шелуха от обмолачивания зерна; ботва картофеля». В с. Заган ботву картофеля называют *бульбешиком*.

Известно, что лексика – наиболее проницаемый и подверженный интерференции языковой уровень; она отражает процесс формирования говора. По лексическому составу говора можно выявить следы междиалектного и межъязыкового контактирования говоров в прошлом.

Основная масса лексических заимствований в исследуемых говорах относится к раннему периоду межъязыкового контактирования. Целый ряд заимствований многими семейскими в настоящее время не осознается как иноязычный по происхождению – старообрядцы воспринимают их как «свои», родные. Такие слова коммуникативно значимы, их характеризует высокая словообразовательная активность, фонетическая вариативность, а в отдельных случаях метафоричность.

Анализ заимствований позволил выявить отчетливую избирательность и яркую прагматическую направленность языка: маркируется и актуализируется все то, что имеет ценность в духовно-практической деятельности человека, все, что несет в себе опасность или угрозу его существованию, а также то, что позволяет человеку ориентироваться в окружающем его мире.

Необходимо подчеркнуть, что наиболее заметный пласт заимствований из восточнославянских языков обнаружен в говоре с. Заган Свободненского района, при этом в сознании говорящих практически не имеет места дифференциация по языковой принадлежности слова, указывающая на непрерывный процесс пополнения словаря старообрядцев этого села за счет заимствований из других, в первую очередь из восточнославянских языков, т.е. семейские с. Заган воспринимают украинскую и белорусскую лексику как «свою», исконную.

Так, украинским влиянием можно объяснить наличие лексемы *сухарить* в значении «дружить с парнем, ходить с женихом» («*Пошли с ребятами сухарить*»); лексем *цибуля* – «лук», *кужлинки* – «конопляные очески» (укр. *кужиль*, *кужелина*); *чибухать* – «толочь семена конопли, подсолнечника для получения масла» («*Семя конопли в ступке чибухали*»). Необходимо заметить, что последние две лексемы имеют распространение только в говоре с. Заган. Слово *шампиньоны* употребляется как *печерица* (укр. *печерица*), *печерка*, *пичурица*, *бечурика*, *бечерика*, *бечерица*.

Воздействие белорусского языка (или его диалектов) на говоры семейских подтверждается наличием лексем *драчены* – «картофельные оладьи»; *бахонь* – «буханка хлеба», *луста*, *лусточка* – «отрезанный ломоть хлеба», *водянка* – «кадушка», *макотра*, *макитра* – «узкий глиняный горшок», *кожан* – «летучая мышь», *бульба* – «картофель». В активном словарном запасе говоров активно функционируют производные лексемы *бульбешки* – «семена картофеля», *бульбешик* – «ботва картофеля», *бульбешня* – «поджаренная толченая картошка». От украинского *громадити* – «сгребать сено» образованы производные *громадильщик*, *гро-*

мадильщица. «Наличие производных слов, которые созданы по законам русского словообразования от основ, заимствованных из украинского и других языков, – свидетельство их полной лексической и грамматической адаптации в русских говорах» [4, с. 16].

Таким образом, словарный состав говоров семейских составляют, главным образом, лексические единицы, свойственные всем восточнославянским языками (общеславянские и восточнославянские по происхождению), что объясняется восточнославянской языковой общностью. Изменения в словарном составе русских старообрядческих говоров, находящихся в контактировании с другими восточнославянскими языками и диалектными системами, определяется рядом факторов, как собственно лингвистических, так и экстралингвистических, главными из которых представляется степень языковой близости взаимодействующих диалектных систем. Однако следует учитывать и социальные факторы: миграционные процессы, проживание по соседству на территориях позднего славянского освоения. В данном случае важной представляется конфессиональная принадлежность носителей старообрядческих говоров, что обуславливает значительную обособленность семейских и, как следствие, менее интенсивное воздействие других языков на их говоры в настоящее время. Воздействие украинского и белорусского языков на исследуемые говоры проявляется в наличии нескольких наименований (русского – украинского, русского – белорусского) для одной и той же реалии, в усвоении семантики слова при общем восточнославянском звуковом комплексе, в заимствовании морфемной структуры однокоренного слова и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Погодные ведомости состояния и учета сектантов в Амурской области. 1900 – 1902 гг. Благовещенск, 1903.
2. Селищев А.М. Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск: Иркут. гос. ун-т. 1920.
3. Программа собирания сведений для диалектологического атласа русского языка. М. – Л., 1947.
4. Баранник Л.Ф. Наблюдения над лексикой русских говоров юга Украины // Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старообрядчества. Тезисы докладов международной конференции. 19-21 октября 2009 г. М., 2009. С. 14 – 16.

ИСТОРИЯ КРАЯ. ИЗБРАННОЕ

Избранные для раздела источники в целом отражают концепцию выпуска и показывают исторический фон, на котором осуществлялось славянское языковое взаимодействие в регионе.

В публикуемом отрывке из книги известного русского экономиста, статистика и путешественника А.А. Кауфмана, опубликованной в 1905 г., представлено много- и разнообразие региона как в природном, так и в человеческом – национальном, этнографическом, психологическом – смысле. Упомянуты и несколькими репликами охарактеризованы бесшабашные казаки, тунгус, занимающийся лесным промыслом, трудолюбивые китайцы, невозмутимые «хохлы». Славянская нить вплетается в это многообразие и уже определяет дальнейшее развитие края.

Неизвестную широкому кругу читателей страницу открывает статья А. Мельника, впервые опубликованная в региональной прессе в 1992 г. В ней рассказывается об истории Зеленого Клина на Дальнем Востоке – территории, где проживало много переселенцев из Украины; об украинском национальном движении там в начале прошлого века. Мы так же, как и автор этой публикации, повторяя ее в нашем издании, не преследуем «каких-либо других целей, кроме знакомства с еще одной страничкой истории Дальнего Востока, той страничкой, которая еще очень слабо изучена и еще слабее отображена в художественной и научной литературе».

Опубликовать материал из «Амурской правды» за 2010 г., представляющий собой письмо читательницы о своей бабушке, побудила фотография к письму. На фотографии полувековой давности изображены жених и невеста, на невесте – не фата, а венок с лентами, какой предполагает украинский национальный костюм. При этом ни слова об украинском происхождении героини снимка, а венок с лентами – обычный атрибут: «украинский венок невесте смастерила соседка». Обычность такой детали позволяет ее и считать таковой в регионе, где столкновение разных культур не вызывало их взаимного отторжения.

А.А. Кауфман

По новым местам

7.

Малый Хинган

При ярком свете полной луны, тысячами серебряных искр переливающейся на мелкой ряби Амура, пароход наш огибает замечательно красивый утёс, по очертанию своему несколько напоминающий Аю-Даг, около Гурзуфа, и, едва выгребая против сильного течения, пристаёт к казачьему посёлку Пашковскому. Этот посёлок стоит на том самом месте, где Амур, пройдя около четырёхсот вёрст в низменных, почти плоских берегах, входит в теснины Малого Хингана.

Мы сходим с парохода и, предшествоваемые поселковым атаманом, скромным человеком совсем не казачьего вида, пробираемся ночевать на бездействующую летом (почту возят

на пароходах) почтовую станцию. При лунном свете ясно видны довольно хорошие жилые дома, но, как везде в казачьих селениях, с плохо огороженными дворами и жалкими службами, а то и вовсе без изгородей и хозяйственных построек. Издали доносятся пьяные выкрики и пение.

– Питейное? – спрашиваю атамана, показывая в направлении, откуда доносятся звуки.

– Питейное.

– Что ж это они разгулялись – кажется, не праздник?

– Помочь была у жителя, угощает.

– Косить начал?

– Косить.

Переночевав, часов около семи утра идём на Амур купаться. По дороге встречаем человек пять казаков в фуражках с жёлтыми кантами, все уже навеселе, пробирающихся к питейному.

С выездом в тайгу, ввиду избытка гнуса в утренние часы, надо было ждать до после обеда. Приходилось подумать о нашем продовольствии. У хозяйки станции, красивой молодой бабы, но с каким-то безнадёжным унынием на лице, на наше счастье оказались яйца. Спрашиваем сметаны или творогу – ни того, ни другого нет: «Одна корова у нас-то – пойду разве попрошу у соседей». Одна корова в очевидно зажиточном доме, с двумя жилыми домами и с почтовой станцией! Что значит казаки!..

Поиски хозяйки оказались тщетными: ни сметаны, ни творогу не оказалось в посёлке.

– Сами с голоду пропадаем, – извинялась баба, – все пропились, сколько есть мужиков – все в кабаке сидят. Кур, и то в кабак тащат. Угодья у нас какие богатые, а вовсе обнищали...

То же подтверждает и поселковый атаман:

– Пашней, – говорит он, – да скотом наши жители мало заимствуются, всё больше около Любавинских приисков живут да около пароходов.

– Да около питейного? – спрашиваю я.

– Ну, тоже и около питейного, – без возражений соглашается атаман.

Около часу начинает собираться наш таёжный обоз. Является один казак, приводит во двор лошадь и, взойдя в горницу, в необыкновенно цивилизованных выражениях рассказывает нам о характере и привычках своей лошади.

– Прелестная, ваше бл-дие, лошадь, – заканчивает он своё сообщение.

Приводят ещё пару лошадей. В комнату к нам заходит один из наших будущих проводников предупредить, что «по здешней системе лучше так, чтобы господам позади конюхов (чисто приисковый термин!) ехать – от паутá (род овода) легче будет».

Наконец, лошади заседланы, завьючены – трогаемся в путь. На первом же переходе выясняется, что наши «прелестные» лошади совершенно бессильны, а вьючная, взятая из-под жеребёнка, ложится чуть не в каждой «падушке» – её приходится развьючивать, вытаскивать из топи, опять вьючить; цивилизованные проводники-казаки – лодыри, которые до самого конца нашей экскурсии так и не выучились тому, чему таёжные проводники обыкновенно выучиваются в первый же день, – как следует перевязывать вьюки, отсюда опять масса лишних остановок и перевьючек. В конечном же результате всей этой казачьей цивилизации мы

ни в один день этой экскурсии не прошли более сорока вёрст, тогда как при менее цивилизованных проводниках и лучших лошадях мы и по худшим таёжным тропам прохаживали по шестидесяти и даже по семидесяти вёрст в день.

Поднимаемся сначала вверх по небольшой весёлой речке Хингану. Путь наш лежит по довольно широкой – 3 или 4 версты – долине, окаймлённой некрутыми горами или холмами, с редким дубом или чёрною берёзой. Сама долина очень напоминает, в миниатюре, Амурскую пойму: те же низины с рослою травой, усеянную бледно-жёлтыми лилиями и краснофиолетовыми ирисами, которые при закате солнца принимают чудный, почти бордово-красный оттенок; едва заметные «мыскí», с массою пионов, красных лилий, полевого горошка и т.п.; «мыскí» повыше, густо заросшие орешником, среди которого разбросаны отдельные деревья и небольшие рощицы чёрной берёзы, ильмов, липы и т.п. пород. Симпатичная, весёлая долина, почти сплошь удобная для разработки и заселения, но пока, за исключением небольших клочков казачьих пашен и покосов, совершенно пустынная.

Ночуем в тридцати пяти верстах от Пашковой, при впадении в Хинган другой, тоже бойкой и весёлой речки Сололи, на зимовье, которое было выстроено и содержалось владельцами ближайших, ныне оставленных приисков. Теперь в нём живут какой-то тунгус и семья бывшего зимовщика, вместе с тунгусом занимающегося звериным промыслом. На зимовье застаём только ребят, которые и помогают нам просушивать подмокшие на переправах и болотах вещи, согреть воду для чая и для варки консервированных щей, развести дымокуры для предохранения людей и лошадей от изобилующего над рекой гнуса.

Наутро мы встаём с рассветом, чтобы как можно больше пройти по утреннему холодку. Увы – наши казаки растеряли лошадей, и лишь в седьмом часу, когда солнце уже начало порядочно жарить, нам удаётся тронуться в путь.

Тянемся вверх по узкой долине, вернее лощине, речки Сололи. И самая лощина, и склоны окаймляющих её довольно высоких и крутых гор, одной из многочисленных ветвей Малого Хингана, покрыты дремучею лиственной тайгой, к которой местами подмешиваются то ель, то пихта, то белая берёза. Усеянная каменными обломками почва долины густо заросла кустарником, а вдоль самого течения Сололи тянется узенькая полоска болотистого луга. Мало-помалу долина теряет определённые очертания, и Сололи становится горным ручьём, почти без определённого русла. Поднимаясь то параллельно течению этого ручья, на некотором расстоянии, то пересекая его десятки раз, то ступая прямо по каменистому руслу, спотыкаясь о камни, увязая в липкой глине, наши лошади медленно взбираются вверх по довольно отлогому склону хребта. И здесь всё та же типичная, всё больше лиственная тайга, с густым подлеском орешника, шиповника, дикого жасмина; и деревья, и кустарник по хребту ростом гораздо выше, нежели в долине. Вязкая глинистая почва покрыта густою рослою травой, и только на самом гребне хребта исчезают ирисы и лилии.

За перевалом такой же спуск, затем новый подъём и новый спуск, обращённый к востоку, с резко изменившеюся растительностью. К хвойной тайге подмешиваются громадные липы, клёны, горный ильм, чем ниже по склону, тем больше лиственных пород, тем гуще подлесок, местами перевитый то диким виноградом, то не известными мне видами вьющихся растений, появляются и какие-то новые виды трав, с которыми мне пришлось ближе познакомиться уже впоследствии, в уссурийской тайге.

Однако, этот восточный склон – лишь островок более южной, уссурийской флоры среди моря лиственничной тайги. За ним расстилается возвышенное плоскогорье, изрезанное бесчисленным множеством речек, ручьёв и просто «падушек». Это – речная система Сутара, большой реки, которая ниже по течению принимает название Большой Биры и впадает в Амур недалеко от Хабаровска. Мы вступаем в область золотых приисков Хинганской области или иначе – Сутарской системы.

Вот Любавинские прииски: Ириновский, Любавинский, Флоровский. Ириновский и Любавинский совершенно заброшены и являют собой довольно-таки безотрадную картину. Среди сплошной лиственничной тайги, вдоль прихотливо извивающегося ручейка начисто вырублена полоса в версту шириною, и глаз устаёт от этого бесконечного множества почернелых пней, уныло торчащих среди ярко-зелёной травы. Вдоль самого русла ручья беспорядочно разбросаны то более тёмные кучи снятых с золотоносного пласта «торфов», то розовато-белые груды отвалов, уже прошедших через промывку и давших свою добычу золота. Где тропа подходит к ручью, там она вьётся среди заброшенных разрезов, наполненных застоявшейся грязною водою, они сплошь и рядом перерезывают поперёк ранее проторенную или даже искусственно проложенную тропу. Наполненные водой ямы приходится объезжать, то перебираясь через оползающие под ногами лошадей кучи торфов или отвалов, то увязая в искусственно образовавшихся, благодаря засыпке живого течения ручья, болотах, то проваливаясь в какие-то ямы, предательски закрытые прогнившими жердями, присыпанными сверху тонким слоем белого песка. Картина, повторяю, довольно безотрадная и совершенно не вызывающая в уме представления о планомерной, систематической разработке рассыпанного почти по всей поверхности земли золотого богатства. Напротив, видно, что всё делалось беспорядочно, кое-как, лишь бы поскорее вырвать самые лучшие куски, а общая картина заброшенного прииска такая, точно не люди вели здесь свою разумную работу, а какие-то гигантские свиньи взрыли поверхность земли в поисках золотых желудей...

Такую же картину представляет собою и третий прииск – Фроловский: те же бесконечные чёрные пни, посредине те же серые кучи торфов и белые груды отвалов, те же предательские западни и ямы, наполненные загнивающей водою. Но на Ириновском и Любавинском приисках не осталось уже построек и нет никаких следов жизни, кроме красных лоскутков на заброшенных китайских кумирнях. А подъезжая к Фроловскому, мы ещё издали видим какую-то избу и не без удовольствия (ведь скучно целый день плестись по безлюдной тайге!) замечаем вьющийся над избою дымок и какие-то шевелящиеся около неё человеческие фигуры. Однако дымок как-то сразу исчезает, куда-то скрываются человеческие фигуры, и когда мы, наконец, поравнялись с этою избою, она не подавала уже никаких признаков человеческой жизни...

Опять перевал с лиственничною тайгою... Пройдя пару вёрст, выходим к новому ручью, и перед нами открывается Казанский прииск, принадлежащий к серии уже не Любавинских, а Рубиновских приисков. Снова те же пни и те же груды отвалов. Но жизнь на Казанском прииске ещё не угасла: на видном месте красуется крохотная церковка или часовня, по одну сторону ручья, на пригорке, несколько домов и амбаров приисковой администрации, по другую – несколько лачуг, около которых виднеются синие рубахи и косы китайских рабочих.

Особой «посетительской», какие бывают на крупных приисках, на Казанском прииске нет. Нас приглашают остановиться у «материального» – вместе с нарядчиком единственного, кажется, начальства на этом прииске.

От материального мы узнаём, что и Казанский прииск почти заброшен.

– Одни только китайцы ещё у меня остались – сорок семь человек, старательскими работами работают, да и то только семеро на этом прииске, а остальные по соседству, на Григорьевском.

– А русских вовсе нет?

– Нет, мало уже золота осталось, только китайцы и могут работать.

– Почему так?

– Да хозяйскими работами уж нет расчёта работать, «стараться» русскому рабочему не из чего, а китайцы – народ безответный: 30 рублей за лето очистится, он говорит – шибко много заработал, а уж 100 рублей – про это он и думать не смеет!.. Да и то сказать, редко кому и 30 рублей очищается: всё больше в долгу остаются, так из года в год и работают...

Расспрашиваем материального о действующих приисках Рубиновской компании. Оказывается, главную добычу даёт расположенный в двенадцати верстах от Казанского Ернишный прииск, на котором работает до пятисот китайцев.

– Теперь вот, – добавляет материальный, – купили у Любавинских Фроловский прииск, вы вот сейчас проезжали, только ещё не работают.

– Как не работают? – удивляемся мы. – А мы там, как будто, людей видели.

– Людей? – с некоторой тревогой переспрашивает материальный. – Нет, наших рабочих там нет, видно, хищники забрались работать...

Переночевав, отправляемся в дальнейший путь. Почти в течение целого дня плетёмся всё по тому же возвышенному плоскогорью, при пересечении речек и ручьёв спускаясь в заболоченные «пади», затем опять поднимаясь на поросшие то лиственничною тайгой, то лиственным разнолесьем, междуречные перевалы. Лес везде некрупный, по большей части корявый, а нередко попадаются и площади с совершенно вымокшим, мёртвым лесом.

Начиная от самого Казанского прииска, наш путь идёт торною тропой, которая проложена золотопромышленниками от Рубиновских приисков к их «резиденции» на Амуре – станции Радде, где мы надеемся опять попасть на пароход. На значительной части своего протяжения тропа эта превращена уже в искусственную верховую, а кое-где даже доступную для езды на колёсах, дорожку. Местами, на многие вёрсты кряду, тянутся проложенные через болота и мочежины крепкие гати из жердей и даже из некрупных брёвен. В других местах хотя тоже есть гати, но они в таком виде, что остаётся только объезжать их как можно дальше стороною или, спешившись, осторожно проводить лошадь в поводу, иначе переломает ноги и себе, и лошади. Местами не видно и вовсе никаких следов каких бы то ни было, хотя бы простейших, искусственных сооружений. Местами доходит до смешного: протянувшаяся на сотни сажен крепкая гать вдруг прерывается среди самого топкого болота на какие-нибудь несколько сажен, как будто нарочито для того, чтоб показать путнику, как скверно ему было бы, если бы не попечительная администрация приисков, позаботившаяся устроить гати...

На пути нашем по Сутарскому плоскогорью мы минуем, оставляя их несколько в стороне, прииски Григорьевский, Ернишный, Иннокентьевский, проезжаем по высокой пло-

тине, которая отводит воду из пади, очевидно, предназначенной под новую разработку. Наконец, у сгоревшего старого Рубиновского зимовья спускаемся в долину небольшой речки Дичуна. Опять узенькая лощинка, в сотню сажен шириной, по обеим сторонам крутые горные склоны, густо поросшие густою лиственничною тайгою. Характерною тайгою из ели, пихты, кедра, лиственницы покрыта и сама долина. Почва здесь, так сказать, каменное болото: сплошная осыпь из каменных обломков, покрытая глубоким слоем болотного перегноя, по тропе размешанного в жидкую грязь, из которой повсюду торчат каменные обломки, а по нетронутым местам заросшего густою, рослою травою. Сам Дичун – удивительно бойкая, весело журчащая, извилистая горная речка с кристальною водою, которую нам до пятнадцати раз приходится перейти вброд на протяжении какого-нибудь десятка вёрст.

Ночуем в амбаре, на новом Рубиновском зимовье, совершенно утопающем в дыму разведённых со всех сторон, в защиту от гнуса, дымокуров. Зимовщик – пожилой человек с красным и приятно-добродушным лицом, с нерусским акцентом, это – черкес, сосланный за убийство, из мести, за убитого брата. С нами разделяет ночлег какой-то мещанин, который ведёт на прииски гурт убойного скота. По дороге, оказывается, он растерял несколько быков, сбежавших от одолевшего их гнуса. На зимовье ночует ещё артель корейцев, идущих на прииски «стараться». От них мы узнаём, что в Радде установлен карантин для лошадей, так как в нескольких ближайших казачьих посёлках появилась сибирская язва.

На другое утро, в нескольких вёрстах от зимовья, переваливаем опять через одно из многочисленных разветвлений Малого Хингана. Отлогий подъём и отлогий спуск покрыты густою, девственною тайгою: чудный, огромных размеров, прямой лес из хвойных (кедра, пихты, лиственницы) и лиственных (липы, вяза, клёна, чёрной берёзы, грецкого ореха) пород. Между деревьями густо занялся кустарник, и всё это перебито диким виноградом и другими вьющимися растениями. В общем, своеобразнейшая смесь типичной северной, сибирской тайги с соответствующею уже гораздо более тёплому климату средне-амурскою или уссурийскою флорой.

По отлогому спуску, любуясь яркою зеленью других, покрытых такою же пёстрою тайгою хребтов, спускаемся в долину маленькой речки, впадающей в Амур у Раддевской станицы. Вот уже показалась станица. Сейчас, значит, карантин, придётся оставить лошадей и затем уже из станицы прислать кого-нибудь за нашими вьюками. Вот мы и вплотную подъехали к станице, длинными-длинными двумя улицами она вытянулась вдоль берега Амура, по неширокой прибрежной полосе, к которой со всех сторон подступают лесистые склоны Хингана. Однако. Карантина всё-таки не видно.

– Как же нам быть? – спрашиваем мы наших проводников.

– Да чего быть-то? – отвечают проводники не без некоторого недоумения в голосе. – Просто до земской квартиры ехать, да и всё.

Однако у нас не хватает смелости на столь простое решение вопроса. Подъехав к первым изгородям, я слезаю с лошади и пешком иду до первой избы, где оказывается налицо какой-то местный обыватель.

– У вас что же, нет разве карантина?

– Пошто нет? Есть карантин.

– Да где же он?

– А по дорогам стоит от Башуровой да от Помпеевки.

Башурова и Помпеевка – казачьи посёлки, расположенные по Амуру выше и ниже Радде. Значит, карантин поставлен по совершенно непроезжей летом почтовой тропе, проложенной вдоль Амура, и не поставлен на бойкой дороге, по которой летом идёт оживлённое движение между Амуром и хинганскими приисками.

– Так как же нам быть-то, – продолжаю я недоумевать, – можно ехать на станицу или нельзя?

– Пошто нельзя? Можно. Езжайте до атамана, он вам уж скажет.

Посоветовавшись и поколебавшись (немного неловко нарушить карантин!), решаем ехать до атамана. Едем, однако, с опаскою, едем и оглядываемся – не бежит ли кто-нибудь остановить нас. Однако, никто нас не останавливает. Въезжаем в самый центр станицы. На открытой площадке, недалеко от церкви, кружком сидят казаки, совещаются, вероятно, о каких-нибудь общественных делах. Мы замедляем ход наших лошадей – может быть, в кругу есть какое-нибудь хозяйство, которое найдёт нужным нас остановить. Однако и здесь никто нас не задерживает, и мы беспрепятственно добираемся до земской квартиры.

Только что успели развьючить лошадей – является станичный атаман, важный господин с фельдфебельскими нашивками, и довольно резко начинает выговаривать нам за самовольный въезд с лошадьми в станицу. Мы объясняем ему, что едем из совершенно безопасного места и что если со стороны приисков не полагается въезжать на лошадях, то следовало с этой стороны, а не по проезжим тропам, поставить карантин. На этом дело благополучно кончается...

Наша земская квартира на самом берегу Амура. Напротив, на китайском берегу, две сопки рядом: одна пологая, в виде усечённого конуса, безлесная, другая очень неправильной формы, с остроконечными вершинками и крутыми склонами, покрыта негустым лесом. Между двумя сопками – неширокая лощинка, которая загибается влево и уходит куда-то вглубь маньчжурского материка. Из лощины, по склону лесистой сопки, вьётся зигзагообразная тропинка, которая оканчивается небольшою высеченною в скале площадкою, – местоположение разрушенной китайской кумирни.

Место очень красивое и в некотором роде историческое: это – Сансин, место одного из прошлогодних поражений китайцев.

– Вы только посмотрите, – рассказывает нам один из местных чиновных обывателей, – ведь эта падь – настоящая ловушка: никакого выхода иначе, как в Амур. А китайцы с большого ума тут пост устроили, человек восемьсот было. Ну посадили наших на пароход, роту солдат да казаков здешних, из Радде, плывёт пароход мимо китайцев – они насторожились, готовы к бою. Прошёл пароход – китайцы успокоились, спать залегли, даже часового не поставили, ничего. А наши высадились немножко ниже, обошли кругом, на сонных напали – и резать, человек триста перерезали, а остальные – кто куда; наших всего три человека пострадало, солдат да два казака...

– А знаете ли, – добавил рассказчик, – хорошо ведь китайцы с нашими казаками жили, дружно, накануне ещё некоторые сюда в гости приходили: «не знаем, говорят, как мы ваша воевай буди». Можно было с китайцами жить по-соседски, только обижать их не очень. Вот

наши раддевские всегда и косили у них, и скот пасли за Амуром – из наших никого и не тронули, даже когда начались беспорядки в Маньчжурии. Екатерино-никольским, тем спуску китайцы не давали, потому те сами только и норовили, как бы китайца пристрелить да ограбить...

После двухдневного ожидания попадаем на «частный» (т.е. не почтовый) пароход, большой заднеколёсник «Амур», рядом с пароходом привязана баржа. На пароходе классных пассажиров не очень много, но всё же пассажиры не только заняли все каюты, но кочуют и по всем диванам в общей кают-компании. Затем, и на пароходе, и на барже, масса простого народа: здесь разместились остатки всё той же третьей партии казаков-переселенцев, которую я застал больше месяца тому назад в Сретенске. Немало семейств «неорганизованных», вероятно, самовольных, переселенцев-крестьян да партия человек в двести новобранцев. Как оказывается, пароход шёл от Сретенска до Благовещенска тринадцать суток, неоднократно сидел на перекатах, разгружался, перегружался. В третьем классе и на барже, по местным понятиям, довольно просторно: ночью, при некоторой осторожности, возможно пройти, не наступая на спящие тела. Однако, занято телами всё решительно, что только можно было занять.

– Бойко, видно, работаете, – спрашиваем кого-то из пароходных служащих.

– Да ничего; не позволяют только нонче много народу набирать. А прежде на этом пароходе, без баржи, до семисот человек возили, а китайцев так и всю тысячу...

И на барже, и в третьем классе публика за продолжительное плавание устроилась как дома: стирают бельё, шьют, стряпают, к пароходному тенту подвешено с десятков зыбок. Чтобы скоротать время, развлекаются всеми возможными способами, больше всего в ходу карты. Разыгрывают «царя Максимилиана» и разные другие мистерии, устраивают пляс, танцуют и трепака, и польку, многие занимаются исканием у себя и других одолевающих всех паразитов. Когда пароход останавливается для набора дров или для ночлега, вся эта масса высыпает на берег, зажигает костры, купается, удит рыбу, просто гуляет, и только с немалым трудом, когда наступает время отхода, удаётся водворить всю публику обратно на пароход.

Был раз и такой случай: просвистали уже все три свистка, вся «публика» и весь «народ» водворились обратно с берега на пароход и на баржу – а какой-то хохол-переселенец невозмутимо сидит себе на берегу и удит рыбу. Кричат ему матросы, кричит, наконец, сам командир – тот всё сидит и удит, точно до него и не касается. Потеряв терпение, командир приказывает снимать трап и поднимает якорь. Хохол медленно поднимается со своего места, собирает удочку и наловленную рыбу и подходит к тому месту, где был трап. Подошёл и смотрит.

– Бреди к пароходу, – кричит ему кто-то из пароходного начальства, – неглубоко.

Тот видит – дело плохо, снимает сапоги и потихоньку начинает входить в воду.

– Не бреди, чоловиче, – кричит ему в эту минуту его баба с баржи, – шлюпальцу подадут.

Хохол поворачивает назад ждать «шлюпальцы». Командир произносит несколько среднего калибра ругательств и кричит в машину: «Ход вперёд!». Хохол изумлённо смотрит

на отходящий пароход... Так он и остался ждать «шлюпальцы». Впоследствии я слышал, что он прождал дней пять, а то и целую неделю.

В первом классе развлекаются то картами, то граммофоном (граммофонами торгует помощник капитана, который, для рекламы, угощает пассажиров граммофонными концертами), то сном или едою, то, конечно, разговорами. Разговоры всё больше вертятся вокруг золота, спиртоносов и иных ютящихся около золота хищников крупного, среднего и мелкого калибра, с разными вариациями на тему «Вор у вора дубинку украл»: такой-то хотел надуть такого-то и сам влетел... Нет-нет, то в одном кружке, то в другом разговор сойдёт на прошлогодние «китайские события», в частности, на благовещенское потопление китайцев и разграбление китайского имущества. Рассказывают про разные случаи, например, об одном благовещенском коммерсанте, которому богатый китаец на время «событий» доверил несколько десятков тысяч денег и который... сыграл не последнюю роль в том, что этого китаец разыскали и убили. Денег, конечно, потом не оказалось никаких. Медленный ход и частые остановки нашего парохода наводят разговор вообще на пароходные дела и пароходчиков, на необходимость урегулирования Амура, или лучше – замены водного пути железною дорогою.

– Пароходчикам – тем от мелководья нет убытка, – разъясняет по этому поводу разговорчивый помощник капитана, главный запевала в кают-компании первого класса. – Ну, положим, сядет пароход на мель – ну так что же? Сгрузят клад, назад погрузят, а то и вовсе оставят на берегу, всё это – на шею кладчику, а пароходчик всегда своё возьмёт. Вы читали наши печатные условия, – обращается помощник к публике, – вы почитайте хорошенько – поучительно! Как подписал кладчик квитанцию с этими условиями, уж он у нас в руках, ничего не может поделать. Вот эти года что-то кладчики умнее становятся, свои условия стали писать – ну, тут уж нам не такая лафа...

До станции Екатерино-Никольской Амур всё время вьётся в теснинах Хингана. Невысокие горы, иногда остроконечные, чаще куполообразные, спускаются прямо к реке, по большей части – более или менее крутыми склонами. Горы эти то сплошь заросли густым лесом, с пятнами светлой зелени клёна, вяза, грецкого ореха, резко выделяющимися на более тёмном основном фоне дуба и чёрной берёзы, то, напротив, они покрыты только травой и зарослями мелкого кустарника, а лес вытягивается лишь узкими полосами или даже рядами единичных деревьев, по выдающимся рёбрам или по гребням хребтов.

За Екатерино-Никольскою Амур опять течёт среди бесконечных, уныло-однообразных заливных лугов, окаймлённых столь же бесконечною полосой ивового кустарника. Только изредка, иногда на русском, чаще на китайском берегу, к Амуру подходят то отдельные сопки, то небольшие и невысокие хребты, с вершинами более или менее причудливой формы – как бы аванпосты, отделившиеся от обширных массивов Хингана...

Вот и слияние Амура с Уссури, и на самом слиянии – Хабаровск, административная столица Приамурья. Огромная масса воды, целое море, невысокий трёхглавый мыс, на котором пестреют то деревянные, то серые с красным кирпичные городские постройки; масса зелени, и на самом видном месте, над обрывом, среди густой зелени городского сада, эффектный памятник Муравьёву, со спокойною гордостью взирающего на присоединённый им Амур.

Пароход медленно подходит к полоске отлогого берега, спускает привилегированную «публику» непосредственно в город, а сам с переселенцами и вообще «народом» отходит к переселенческим баракам, где «народу» предстоит ещё медицинский осмотр.

Прощай пока, Амур...

*По новым местам. Очерки и путевые заметки. 1901-1903.
Санкт-Петербург: Издание Товарищества
«Общественная польза», 1905.*

Александр Мельников

Как появились хохлы на Амуре

Украинка, Н-В. Полтавка, Черниговка, Хохлатское, Червоноармейский, Червона горка, Новокиевский Увал – вот далеко не полный перечень географических названий населенных пунктов и совхозов (колхозов), расположенных не в Украине, а за тысячи километров от нее – на Дальнем Востоке, но носящих украинские названия. Более того, местным жителям этого края не секрет, что только в Амурской области, в Завитинском, Ромненском, Ивановском районах, есть населенные пункты, жители которых говорят на украинском языке (мови). При этом многие из них никогда не бывали в Украине. Так кто они? Откуда? Как появились здесь?

ЗЕЛЕНЫЙ КЛИН – это нашумевшая в 20-30-х годах большая территория Дальнего Востока, где компактно проживает украинская диаспора. По определению авторитетного исследователя Дальнего Востока Ивана Свита, Зеленый Клин занимает в соответствии с нынешним административным делением Приморский и Хабаровский края, Камчатскую, Сахалинскую и Амурскую области.

История заселения Зеленого Клина положена высылкой в 1672 году в Нижне-Селенгинск вместе с семьей и друзьями гетмана Левобережной Украины Демьяна Ивановича Многогришного, коварно арестованного промосковски настроенным казацким старшиной. Его судьбу повторило еще множество украинцев. Однако то было принудительное переселение, точнее политическая ссылка.

Массовое освоение Зеленого Клина украинцами начинается во второй половине XIX столетия. С 1861 г. по 1863 г. оно шло через Сибирь, с 1863 по 1900 год – с Одессы до Владивостока морем, а с 1900 г. через Сибирь железной дорогой до Хабаровска. Наидавнишим пунктом дальневосточной колонизации украинцев есть теперешний город Никольск-Уссурийск. Особенно поток переселенцев возрастает в начале XX столетия. Скажем, в 1860 г. в Амурскую область прибыло всего 919 человек с Левобережной Украины, в Приморский край – 1968 человек с Черниговской области и 594 – с Киевской. На следующий год с левобережья – 1280 человек. Значительно больше появилось тогда украинцев в Приморье: с левобережных губерний – 23567, правобережных – 18720.

В следующие года наши земляки закладывают такие населенные пункты, как Дунай, Знаменка, Самарка, Демьяновка, Смилэ (Смелое), Знаменское, Лебединское, Ново-Ямпольское, Ракитко, Острополь, Верхне-Спасское. Веселый Кут, Кумянец-Подольское, Гоголивское, Чернобеевское и много других.

В 1906-1917 гг. в Амурскую область с Украины прибыло 64169 человек, что составляет 49,75 % от числа всех переселенцев. Еще больше приехало наших земляков в этот период в Приморье – 102614 человек, что составило 61,24% от общего количества переселенцев. По выводу В. Кобузана, который сделал специальное историко-демографическое исследование, Дальний Восток в основном осваивается украинскими крестьянами. Они же взяли активное участие в революционных событиях 1917 г. Объединившись в различные организации, стремились развития национальной культуры на Дальнем Востоке, они всячески поддерживали свою далекую нэньку-Украину в ее борьбе за государственную независимость. Тогда во Владивостоке выходило четыре украинских газеты: «Шире слово» (в российском чтении «Шырэ слово»), «Украинец на Зеленом Клину», «Громадська думка», «Українська думка»; в Приморье работали украинские школы.

Вот как описывает этот период участник этих событий Василь Кийович в предисловии к книге Ивана Свита «Украинский Дальний Восток»: «Вопрос украинской школы был решен на Первом Учительском съезде в апреле 1917 г., т.е. тогда, когда украинская организация была еще в пеленках и не успела собрать еще силы, которые руководили бы работой относительно к требованиям времени и реальных возможностей.

Не менее загадочная и малоизученная страничка участия украинцев в революционном перевороте. Кроме вопроса о ведении обучения на украинском языке в школах, где большинство учеников украинцев, они настаивают перед властью об образовании украинских воинских частей в рядах армии адмирала Колчака. Вопрос был решен.

Надо отметить, что как и во всем обществе, украинцы Дальнего Востока тоже разделились на две части: одни ушли к красным партизанам, а другие вместе с частями Колчака выступили против новой власти и вместе с ним дошли до Волги, но затем, узнав об антиукраинских погромах Деникина на юге тогдашней российской империи, поняли, что с такими правителями им не по пути, поскольку те ничего не сделают для их родного народа. В этот период активизируются их попытки создания государственности на Дальнем Востоке.

Естественно, такое стремление украинцев Зеленого Клина, поддержка ими далекой материнской отчизны в их борьбе за независимость никак не могли понравиться идеологам всемирной коммуны.

И поэтому до провозглашения Советской власти на территории Дальневосточной республики 5 ноября 1922 г. во Владивостоке арестовывают голову Украинского Дальневосточного Секретариата Юрия Глушка-Мову. А после установления власти большевиков – 14 ноября – начинаются массовые аресты. Во Владивостоке, по свидетельству И. Свита, схвачены Горовой, Аедилька-Барковский, Стрельбицкий, Геруцкий, Корсун, Киселев, Дубовик, Нечипоренок, Смутьский. В Чите – Козак, Кузурман, Яценюк, Левченко, Тишкевич, Катнинский – всего 120 человек. Их длительное время держали под следствием в Чите (туда именно перевели всех, там и состоялся с 5 по 13 января судебный процесс).

Все обвинения, выдвинутые против украинцев, сводились к одному: стремлению к отсоединению Дальнего Востока от РСФСР, ориентации на соседние капиталистические государства, сотрудничеству с Украинской Центральной Радой, стремлению к образованию самостоятельной Украины. Все эти «грехи» в соответствии с уголовным кодексом РСФСР попадали под смертный приговор.

Суд проходил три дня без защитника и без прокурора. Обвинения (более чем на 40 печатных страницах) было составлено с полным незнанием украинской истории, истории переселения, фактов и путей, которыми проходила организация украинцев по революции, и в ходе самого суда была показана полная его несостоятельность, абсурдность.

Из всех арестованных украинцев Зеленого Клина через судебный процесс прошло 24. Они сделали такое заявление в суде: «Выездная сессия Верховного суда РСФСР не имеет права их судить, ибо тогда Советской власти на Дальнем Востоке не было, а были правительства – Сибирское, Всероссийское адмирала Колчака, атамана Семенова и братьев Меркуловых. Значит, если украинская деятельность и вредила власти, то и в таком случае она вредила не Советской власти, а кому-то другому. Поэтому украинцы не считают себя виновными.

Участник этих событий Василий Кийович вспоминал, как председатель суда Матвеев задал Юрию Мове вопрос: «Сидели ли в тюрьме и были ли под судом?» В ответ последовало: «Сидел при Колчаке и был осужден к смертной казни за то, что боролся за организацию украинского куреня, чтобы не допустить до русификации украинцев и использования их в братоубийственной борьбе». На вопрос: «Хотели ли вы оторвать Дальний Восток от России и соединить с Японией (?!)?» Юрий Косьмич ответил: «Никогда вопроса такого не стояло, мы воспользовались гаслом самоопределения и не успели провести начальной стадии организации, а нас уже разогнали и посадили в тюрьму. О всех проступках против государства мы узнали из акта обвинения, который считаем актом инсинуации и полной неосведомленности относительно украинских дел.

Уже упомянутое Заявление о правомочности суда и ход самого суда поставило суд под председательство Матвеева в сложное положение, однако из Москвы последовал указ: покарать. И суд судом, а ГПУ сделало свое. Выход нашли: украинцев уговорили признать себя виновными, а пролетарский суд над ними милостливо сжалился. Так оно и случилось. Лишь 14 арестованных было осуждено к различным срокам. 13 января 1924 г. в 12 часов ночи суд вынес приговор, по которому Юрия Косьмича Глушка-Мову – председателя Секретариата Дальневосточного Краевого Совета, Петра Ивановича Горового – представителя краевого кооператива «Чумак» и Василия Козака – деятеля Читинского Совета приговорили к заключению. Горовому сначала был даже вынесен смертный приговор, но его сразу же заменили на 10 лет тюрьмы; Мове и Козаку – по три года, однако не за деятельность украинских организаций, а за то, что получили от атамана Семенова какие-то деньги, что должно было служить показателем сотрудничества с белыми. Это дело безусловно есть одно из нечистых темных пятен в истории украинского движения на Дальнем Востоке (1919 г. – Читинская организация, 1921 – Горовой). В предисловии к материалу Ивана Свита «Украинський Далекий Схід» участник событий тех времен В. Кийович пишет: «Бросая обвинения в сепаратизме и связях с чужими государствами, ОГПУ предвидело летальное развитие последствий организаторской работы, проделанной на Дальнем Востоке среди украинцев. Совсем не исключено было бы, что украинская школа, которая во времена ДВР начала развиваться, учительские семинарии и другие школы вместе с систематичной агитационной и образовательной работой, вместе с закоренелым кооператорским движением среди украинского крестьянства и рабочих, а главное, на фоне явно выраженного национального самосознания украинских

масс, Дальний Восток, и в отдельности Зеленый Клин, мог вырасти на протяжении 10-15 лет в своего рода украинский форпост.

«Однако история советской деятельности 1923-1943 годов с нескончаемыми волнениями во внутренней партийной и государственной политике уничтожила полностью достижения работы 1917-1922 годов. Украинское крестьянство, как состоятельное, попало под нож коллективизации, и если и остались недобитки, то они не будут в большинстве, как это было до 1922 года. Украинские деятели, которые хорошо или плохо вели организацию, в большей части ликвидированы или убежали с Дальнего Востока в глубь России...» (Эти строки уже им писаны в Варшаве).

Длительное пребывание за пределами Украины, исключительно русские школы с 1917 года, другие ассимиляционные процессы, а также Читинский процесс 1924 года над украинцами, конечно, оказали определенное впечатление на население Зеленого Клина, когда через два года состоялась Всесоюзная перепись – тогда в соответствии с инструкцией переписчика должны были особенно тщательно уточнить принадлежность к великорусской, украинской или белорусской национальности. В это же время данные переписи свидетельствуют, что значительная часть украинцев Дальнего Востока твердо заявила – кто они и откуда.

Необходимо отметить, что данные Всесоюзной переписи относительно 315 тысяч украинцев на Зеленом Клине были поставлены под сомнение В. Кийовичем. Он, опираясь на результаты переписи украинского населения на Зеленом Клине, осуществленной в 1918 году дальневосточными украинскими организациями (437 тысяч человек), учитывая все ненормальности того времени, утверждал, что численность украинцев не должна уменьшиться до 315 тысяч, т.е. на 28%, а должна увеличиться на 30%, т.е. до 568 тысяч.

Такой вывод сделан на основании специальных исследований, проведенных в Черниговском, Спасском, Шмаковском и других районах, которые показали, что процент украинского населения в Приморье нужно удвоить, а в Приамурье – поднять до 50-60. Кстати, поправляла официальные документы переписи и книга «Дальневосточный край» (1932), в которой на 30-й странице отмечалось: украинцев в Ханкайском районе – 54% (перепись дает 50,9) Завитинском – 50% (48,4), Михайловском на Амуре – 56 (17,4).

В этой же книге пишется и такое: «Переселяясь с южных степных областей, украинцы приносили сюда свой культурно-бытовой уклад, язык и культуру, которые, несмотря на жесткую русификацию, которую проводило царское правительство, сохранились в своей основе, и безусловно, это дает большую возможность для проведения полной украинизации всех районов и преобразования края в действительно украинскую землю не только на формальных основаниях, но и фактически.

И в дальнейшем украинскими переселенцами пополняется диаспора Зеленого Клина. По данным Л. Рыбаковского, в 1927-28 гг. из общего количества семейных переселенцев на Дальний Восток 36,7 тысячи на Украину приходилось 1,2 тыс., Центральную Россию – 8,6 тыс., Белоруссию – 5,1 тыс., Казахстан и Среднюю Азию – 4,9 тыс., Сибирь – 6,9 тысячи человек.

В 30-х годах поток украинской людности на Зеленый Клин пошел другим путем, как правило, арестантскими вагонами. «Раскуркуленные» также составляли значительную часть новоприбывших. В условиях репрессий украинцы вынуждены были искать приюта в Хар-

бине (Маньчжурия), где национальная часть не приостанавливалась до самой второй мировой войны.

А затем были уже добровольные переселения после войны. Они прибавили украинского населения не только в Приморье, но и в других регионах Зеленого Клина. Скажем, на Сахалине теперь проживает около 50 тысяч наших земляков. Значительно больше их в нашей, Амурской, области. Увеличилось их количество на Камчатке. Зеленый Клин врезался в глубокие снега Арктики, где рядом с Сергеем Павловичем Королевым на Чукотке отбывали тюремные сроки тысячи и тысячи украинцев. Многие из них играли и играют значительную роль в жизни этих суровых краев. Например, первым учителем чукчей был уроженец Зеленого Клина Петр Яковлевич Скорик, родители которого переселились из Черкащины. Этот ученый-украинец первым написал грамматику чукотского языка.

Публикуемые материалы не преследуют каких-либо других целей, кроме знакомства с еще одной страничкой истории Дальнего Востока, той страничкой, которая еще очень слабо изучена и еще слабее отображена в художественной и научной литературе: она чаще просто обходилась, замалчивалась в силу известных причин.

*«Амурский комсомолец» 10.10. 1992 г.
(статья в авторской орфографии)*

Екатерина Бородина

«Украинский венок невесте смастерила соседка»

Когда я листаю старенький бабушкин фотоальбом, всегда останавливаюсь на ее свадебной фотографии. В следующем году этому снимку исполнится 55 лет. К сожалению, дедушки с нами нет уже десять лет, но они с бабушкой для меня – просто идеал семейных отношений. Хотя, как рассказывает бабушка, замуж она выходила без большой любви. Они с дедушкой вместе работали на лесопитомнике, там и познакомились. И ей, 19-летней и самой старшей из восьми детей, не довелось засидеться в невестах. Выйти замуж уговорила мама: «Соглашайся, Борис старше (ему было 26), будет заботиться. А что тебя ждет со мной – стирка да готовка?» У прабабушки жизнь была тяжелой – дети-погодки.

И бабушка согласилась. Но в запланированный день регистрация не состоялась: молодые по дороге в загс разругались и разошлись каждый по своим домам. Через пару дней к невесте снова пришли сваты. Как же так, договорились же породниться семьями? В общем, назначили новую дату. 25 октября дедушка уже взял в подмогу старшего брата с женой. Сейчас бабушка уже с улыбкой вспоминает, как шли они с двух сторон от нее, чтобы не сбегала.

Правда, в дом мужа она въехала позже – 4 ноября сыграли свадьбу. Украинский венок невесте смастерила соседка, цветы вылепила из воска. Из приданого была только пуховая подушка. После регистрации всю неделю до свадьбы дед гостевал у молодой жены. Бабушка стелила ему на своей кровати, а сама перебиралась на пол. Одна любопытная соседка, говорит, не верила, что молодые спят порознь, все пыталась ее маму. А однажды не выдержала, пришла рано-рано с проверкой и убедилась: «Точно не брешут!»

Чтобы заработать больше денег для семьи, дедушка не брезговал даже самой грязной работой, за которую платили хорошо. Чтобы рассчитаться за свадьбу, он в морозы чистил помойки и долбил туалеты. За пару недель такого «калыма» зарабатывал 300 рублей. В 1956 году это были большие деньги. И потом всю свою жизнь работал не покладая рук. Был трактористом на хлебозаводе, возил мешки с мукой, зерно. Его профессия выручала семью в «талонные» годы: всегда был горячий свежий хлеб, крупы и даже сгущенка (у дедушки были коллеги на маслозаводе). Весной и осенью он пахал огороды соседям.

А взаимная любовь в семью пришла со временем, потому что всегда были уважение и поддержка. Бабушка говорит, что ей сейчас очень не хватает деда. Как и нам, его внукам.

«Амурская правда». 02.12.2010 г.

РЕЧЕВЫЕ ПОРТРЕТЫ

«Они же поколение от поколения» – украинцы на амурской земле

*А их тут много было-то, потому что на Амур
с Украины ехали с давних пор, еще нас и в помине не было.
Повозками ехали своими, и составы были.
Специально сюда отсылали на Амур. Осваивали земли украинцы.
Они же поколение от поколения. Старые умирали, новые жили.
Приезжали много. Каждую весну приезжали переселенцы.
Некоторые оставались, вот и живут сейчас.*
Остапенко Клавдия Алексеевна, 1913 г.р.
с. Успеновка Белогорского р-на Амурской обл.

Амурская область занимает особое место на многонациональной карте России. Современное население региона характеризуется значительным национальным, религиозным и культурным разнообразием. Это связано с преобладанием здесь пришлого населения, прибывшего сюда для освоения свободных сельскохозяйственных угодий, а позднее – в связи с развитием промышленности, строительством дорог, необходимостью охраны государственных границ. Русский язык в Приамурье формировался в условиях многоязычного окружения, поэтому в русской речи современных жителей Амурской области можно услышать разную по происхождению лексику.

До сих пор сохранились в Приамурье села, в которых можно наблюдать украинский говор или язык, подобный русско-украинскому «суржику» или русско-белорусской «трасянке». Это населенные пункты Свободненского, Архаринского, Октябрьского, Михайловского, Константиновского районов.

Изначально русские, украинцы и белорусы без труда понимали друг друга, хотя каждый говорил на своем родном языке, почти не приспособиваясь к говору собеседника, что обусловлено сходством структур восточнославянских языков. Это помогло выходцам из Украины и Белоруссии и их потомкам сохранять на фонетическом и, частично, на грамматическом и лексическом уровнях особенности родных языков.

Безусловно, в Приамурье произошла нивелировка материнских говоров выходцев из Украины. В результате сформировались говоры, с одной стороны, сохранившие некоторые общие для материнских говоров черты, а с другой стороны, утратившие ряд черт материнских говоров под влиянием русского языка. В результате таких изменений в системе украинских говоров фиксируется высокая вариативность, причем варьирование имеет как междиалектный, так и межъязыковой характер. Отметим, что говоры украинского языка многочисленны и специфичны. Переселение в Приамурье осуществлялось из разных регионов Украины, имеющих разную диалектную основу. Наибольшие ассимилятивные изменения в Приамурье претерпели северо-восточные украинские говоры, наименьшие – западные.

В этом разделе представлены речевые портреты трех жительниц Приамурья, жизнь и судьба которых типична для многих на Дальнем Востоке и в Амурской области, в частности. Украинки по происхождению, рожденные в разное время, они на всю жизнь связали

свою судьбу с амурской землей. Две из них (Галушко Е.И. и Крицкая Е.И.) родились и выросли в Приамурье, третья (Добрынина Л.М.) приехала в Амурскую область из Украины в 1960 г. Все они обзавелись семьями, вырастили детей, прожили долгую жизнь бок о бок с русским населением. Однако через все годы они пронесли память о родине – об Украине: память культурную, этнографическую и, конечно, языковую.

Первый речевой портрет посвящен Галушко Евдокии Ивановне. Она родилась в 1920 г. в селе Николо-Александровка Октябрьского района Амурской области, всю жизнь прожила на одном месте. Ее родители переселились в Приамурье из Полтавской губернии. Евдокия Ивановна была замужем, овдовела, сейчас живет вместе с детьми и внуками. Всю жизнь проработала в колхозе. В речи Евдокии Ивановны хорошо сохранились особенности украинского языка.

Второй речевой портрет – это портрет Крицкой Евдокии Ивановны, которая родилась в 1931 г. в селе Покровка Октябрьского района Амурской области, а в зрелом возрасте переехала в Николо-Александровку. Евдокия Ивановна имеет начальное образование, всю жизнь проработала в колхозе.

По рассказам Евдокии Ивановны, ее бабушка по материнской линии приехала в Приамурье из деревни Ерквцы Переяславского уезда Киевской губернии, и родители отца, уроженца села Покровка, – тоже переселенцы из Украины. В украинской речи Евдокии Ивановны Крицкой заметно влияние русского языка, что обусловлено многими факторами: северо-восточной основой материнских говоров, близких к русскому языку, влиянием русского языка на речь информантки во время становления ее языковой личности и др.

Интересна в языковом отношении и третья портретируемая личность. Добрынина Лидия Михайловна родилась в 1940 г. в одном из рабочих поселков Днепропетровской области Украины. Она окончила десять классов, познакомилась с Добрыниным Егором Степановичем, уроженцем села Сагибово Архаринского района Амурской области, проходившим воинскую службу под Днепропетровском, вышла за него замуж и в 1960 г. приехала в Приамурье и вот уже более пятидесяти лет проживает в селе Сагибово. Еще на Украине речь нашей информантки подвергалась сильному влиянию русского языка. Жители восточной Украины считали русский язык вторым родным языком: большинство населения говорило по-русски, дети обучались в русских школах, преподавание в высших учебных заведениях осуществлялось на русском языке. Муж Лидии Михайловны Егор Степанович – потомок забайкальских казаков, его отец – гуран, а родители матери – переселенцы из Могилевской губернии. Свою свекровь Лидия Михайловна считает русской. Вероятно, рожденная в Приамурье, она говорила на диалектной форме русского языка. Что касается речи забайкальских казаков, то отметим, что диалектные особенности их говора во многом совпали с особенностями русского литературного языка. В речи Егора Степановича практически не наблюдается диалектных черт, она приближена к разговорной форме русского литературного языка. Но несмотря на сильнейшие факторы языковой конвергенции, речь Лидии Михайловны во многом украинская, что особенно ярко проявляется на фонетическом уровне. Так получилось, что уже более пятидесяти лет в одной семье один говорит по-русски, а другой – по-украински.

Создатели альманаха стремились передать в орфографической записи яркие особенности диалектной речи информантов, не совпадающие с нормами литературного языка. Тексты не подвергались литературной правке, в них отражены особенности спонтанной речи жительниц амурских сел.

Н.Г. Архипова

ТЕКСТЫ И КОММЕНТАРИИ

Добрынина Лидия Михайловна, 1940 г.р.

Добрынин Егор Степанович, 1934 г.р.

Амурская обл., Архаринский р-н, с. Сагибово.

Записали Е.А. Оглезнева, Н.Г. Архипова, Д.Н. Галимова, 2003 г.

Обработала Н.Г. Архипова, 2011 г.

Комментарии: Н.Г. Архипова

О своей жизни

**«Да у нас интернационал целый: невестка – татарка, зять – белорус,
а один зять – украинец, а по-украински ни слова не знает»**

- *Вы давно сюда приехали?*
- Ой, в шисятом, с Украины. Из Днепропетровска, области.
- *Не жалеете?*
- Не-а, не жалею.
- *Там же красиво.*
- Красиво. Ну, там тшо же, үолод, засуха ветшная. Ну, шо фрукты? Там и фрукты всеуда, а тут уже как-то привыклы, вырослы, детей вырастили.
- *У Егора Степановича ого-го характер.*
- У кого? У этого? Да ну-у. Я уже привыкла.
- (Егор Степанович) Если бабка не ругается.
- Да ну-у, баба никогда не рууается.
- (Егор Степанович) Аүа, она щас при вас молчит. Берёт бурчок и бьет сразу.
- Ну-у, замолчи! Тшо үоворишь в самом деле?
- *А вы не представились. Как вас звать?*
- Лыдыя Мыхална. Ой, солнышко в глаза.
- *Вы говорите почти по-украински.*
- Да нет. Уже привыкла. По-русски большы слов, так-то по-украински, а-а...
- *Очень отличается русский от украинского?*
- Ну-у, как вам сказать? Да, ну, нэ отшень.
- *Когда вы приехали, здесь разве по-украински говорили?*
- Потшэму? Здесь мноүо этих, пэрэсэлэнцев. И щас там живут, на той улице.
- *А когда встречаетесь с ними, по-украински говорите?*
- М-ү, балакаем.

- *Так чем белье-то гладили?*
- Рубэль и качалка назывались. Качалка. Ну, как вам сказать... Ну, скалка. Да, похоже. Как вот тесто катают, аҫа, только рэбрыстая, с рёбрушками.
- *Зачем с ребрышками?*
- А ны знаю затшем. Так вот бельё накатывается на эту скалотшку. Такая ўот скалотшка, она как тесто раскатывают, так вот называлась эта качалка. А руб... рублём, это, так и ўладыла.
- *Тяжело гладить?*
- Нэ-е, нэ тижыло, нэ тижылэй утюҫа. Ну, это щас у нас утюҫи элэктритшеские, а тада утюҫи были паровые, жаровые. Жар туда насыпалы. У нас долҫо этот наверху был, девтшонки бралы. Лэнынский Путь село было. Туда брала старшая дотш. Музей там в школэ был, она забрала туда.
- *У вас, говорят, старый самовар есть?*
- Нет. Элэктритшеский. Ну-у, я ево уже давно выбросыла.
- *Как же? С Украины не привезли?*
- Нет. А у нас самоваров там нету. У нас тшай не пьют, на Украине. Не-ет.
- *А что же они пьют?*
- А вот как у вас щас называются? Сухофрукты. У нас просто назывались, эти, фрукты. Вот, узвар назывался. А тшай там нэ пьют. Это щас уже там, а тада нет, нэ было такова вот как щас.
- *Вы когда сюда приехали, чем ваша жизнь отличалась от той, украинской?*
- От укрáинской? Да как вам сказать... Особынно ничем, токо што хозяйство... Там у нас хозяйства не было, тут-то сразу хозяйство стало.
- *Как вас люди встретили?*
- И тут люди хорошие. Так мы же к своим же прыхалы. Тут ево тётя жила и брат жил младший.
- *А поженились вы здесь?*
- Ой, девотшки, нитшо вы не знаетэ. Это раньше всё было, а тыпэрь такова уже нету. Никакой у нас свадьбы не было. Ой, а это уже сколько прошло? Потшти писят лэт назад, тада такова не было.
- *Вообще не было?*
- Не-е, потшему? Было. Ёсё бедность, ёсё нэ так, как тыпэрь.
- *А дети здесь родились?*
- Здесь. Одын-то старший там у нас родылся, а-а эти, уже здесь.
- *У всех кровати были?*
- Н-ну, как... И ны кровать, а коляска называлась, или люлька. Да, люлька.
- *А как она выглядела?*
- Да-а обыкновенна кровать, токо на деревянных этых (дугах), каталась.
- *А в зыбках качали детей?*
- Нет, у нас зыбки не было, раньше тут были у людей зыбки. Они подвешивались ў потлку. У нас никто нэ катался в зыбке.
- *А в хозяйстве кто был? Куры были?*

– Куротшки только дэржали. Мы в работшем посёлке жили, у нас скотыны не было, нэ дэржалы мы скота никакова. Так, работший посёлок был большой, так ре-едко хто коров дэржалы. Ну вот, как в Архарэ, рэдко коров дэржалы. А так ў колхоз мы ездылы всеуда. Вот щас-то не ездют, а нас всеуда посылали в колхоз. Это уже старший класс. Я десять кла-ассов контшыла, посылали кукурузы ломать. Картошку, правда, там не копали, на кукурузу посылали.

– *По-украински как «картошка»?*

– Картóпля, картóпля. Да, большинство – картошка. Это уже Западная Украина, чисто по-украински ўговяют, а у нас большинство русскы, даже русскы школы были, большинство по-русскы ўговярылы. Щас-то уже ўсё: ўэлы (ввели) украинский везде. И школы, институты украинские, а тада институты на русском языке.

– *А дети ваши говорят по-украински?*

– По-русскы, по-русскы ўговяют, тшисто по-русскому. Ну-у, все у нас контшылы с высшим образованием.

– *А вы на Украину ездили?*

– Ездыла. В семьдэсять дывятом, да? Два раза мы с тобой ездылы, один раз я одна. Да. В семьдэсять дывятом. Оста-алыся брат и сестра тока живые. Отец с матерью помэрлы.

– *А Егор Степанович ничего не рассказывал про своих предков-казаков.*

– А-а он жы здесь. Он саўибовский. Ну, потшему? Он рассказывал.

– *Вы его мать и отца помните?*

– А как жы. Мама здесь похоронына, а отец – не-ет. Отец ў три(д)цать седьмом поўиб.

– *А мама тоже казачка была?*

– Да нет. Он же-ж не казак. Это отец казак, а мама казатшкой не была.

– *Она из Украины?*

– С Моўилёвской области. Это ў России.

– *То есть отец – гуран, а мать – белоруска?*

– Она не белорусска, она русска.

– (Егор Степанович) Суржик.

– *Это как?*

– Ну, по-омесь, ўговяют. Ўот у нас дети тоже...

– (Егор Степанович) А-а метис, метис.

– А-а, метис я не знаю. Что за метис такое слово? Аўа, я ўговяю: вы дети – су-уржики. Они смеются. Ой, да у нас интернационал целый: невестка – татарка, зять – белорус, а один зять – украинец (ўот он здесь беўает), а по-украински ни слова не знает.

– *Так, Егор Степанович, вы уж и не гуран?*

– (Егор Степанович) Почему «говяют», я же рядом сидел.

– Это раньше называли поселян этих, ўот, гуранами. Охотылысь. Вы же тшыталы, наверно. Здесь Амур широкий, Амур-батюшка. Ўот про них пропысано ўсё.

– *Ну там написано, что казаки были богатыми.*

– Былы боўатые. А ўот три(д)цать седьмой – три(д)цать восьмой ўод, их же ўсех пораскулатшывалы, их ўсех позабыралы. Они ўот ўсех: и дядька, и батька, и деда, – ўсех отсюдова. Ўсе былы боўатые, скота было полно.

– (Егор Степанович) Бабка, мамка, это, как накинудись на этого, которые землю отби-
рали, в колхозы загоняли, с косой.

– Они же сами тут и землю обрабатывали, ўсё тут тайҫа же была полностью. Тут же
тоже разные были, хто рукава закатывал. Да, были всяки, как и сейтшас. Кто работает,
а тот... У нас, ўон, картошка остается, а люди ўолодают, без картошки сидят.

– *Егор Степанович, а ваши родители батраков держали?*

– (Егор Степанович) Ну-у, вроде были внаём.

– А хто ўоворят, что больше китайцы тут были.

– *А китайцев внаём брали?*

– А хто как. Ну-у, а хто же будет делать, если китаец нэ прыдет.

– *Чем отличалась здешняя жизнь от жизни на Украине? Может быть посуда? Чугун-
ки?*

– Мне кажыца, большой разницы я нэ видела.

– (Егор Степанович) Всё так.

– Да, по-моему-у, у бабы и не было чу(г)унков. Не-е. Мы уже приехали, этоа уже нэ
было.

– *Может быть, усадьба была построена как-то иначе, не как на Украине?*

– Ну-у, это же ўот, эту улыцу же строили, ўот, это ўсё. Ну, конетшно, на Украине у нас
оны же назывались мазанки, хаты. Тут же ўсё деревянное, избы. У нас там дерева нету. Нет
просто. Бывают, такие эти удоски, ўлину замешивают, ў доски бьют эту ўлину. Ўот она вы-
сыхает, ряд поднимает выше эти доски, и опять – как ўот бетонные. А потом их обмазывают,
обмазывают, белят. Ну-у, там же нету леса никакого, токо што, ўот, своё посажено. Сады.
А так-то нет. Ўсё равно здесь лутше, свободней как-то, вольнее.

КОММЕНТАРИЙ

Фонетика

1. Под ударением различается 5 гласных фонем: /a/, /o/, /y/, /э/, /и/. Рефлексов /ω/ и /h/
не обнаружено. На месте /h/ под ударением произносится гласный [e]: *jes 'l'u, jes 'm'*. Фонема
/ω/ совпала в звучании с фонемой /o/ и под ударением произносится как [o]: *хóдют, хто,
мóжэт*.

2. В соответствии с h под ударением во всех случаях отмечается произношение [a], как
в литературном языке: *вз 'áла, т 'áкжэ*.

3. На месте этимологического e после мягкого согласного под ударением в большин-
стве случаев произносится [o]: *н 'óс, пл 'ол*.

4. Фонемы /a/ и /o/ в первом предударном слоге после твердых согласных и абсолют-
ном начале слова обычно не различаются, на их месте произносится гласный [a] – независи-
мо от того, какой гласный выступает в слоге под ударением. В отдельных случаях встречается
произношение гласного [o] в первом и втором предударных, а также в заударных слогах
после твердых согласных, что может свидетельствовать о рудиментах оканья: *ўовор 'át,
мойá*. В других случаях отмечено произношение [э] на месте /a/ и /o/: *нав 'ернэ, нэтшылис'*.

5. После мягких согласных гласные в первом предударном слоге произносятся по мо-
дели иканья: *м 'ин 'á, в 'ил 'и*.

6. Отмечается удлинение ударных фонем: *ну-у, су-уржики, по-омесь*, что обусловлено особой просодикой диалектной речи.

7. В подавляющем большинстве случаев звонкий заднеязычный по способу образования является щелевым: *говор'йт, ага, гаду́*. В слабой позиции происходит позиционная мена [γ] на [x]: *д'эн'эх*. В окончаниях родительного падежа прилагательных, местоимений и порядковых числительных мужского и среднего рода произносится согласный [в]: *двацáтэвэ, н'ивó, мајивó, тиужóвэ*.

8. Фонема /в/ в позиции перед гласными реализуется преимущественно в губно-зубном варианте [в]: *двацáтэвэ, н'ивó, мајивó, тиужóвэ, д'ив'átэм, нав'ёрнэ*. В позиции перед согласными /в/ произносится преимущественно как у-неслоговой ([ў]): *ў колхоз, ўсё, ўсех*. Частица *вот* произносится как *ўот*. В слове *взвар* фонема /в/ произносится как [у]: *узвар*. Отмечены единичные случаи произношения /в/ как дифтонгического сочетания [ув]: *увэлы (ввели)*.

9. Фонема /ч/ системно реализуется в твердой шипящей аффрикате [тш]: *ветиная, отиень, потиему, затиеш, скалотика, тишай*.

10. Системно отмечается диэреза на стыке согласных в многосложных словах: *шисят (шестидесятом), писят (пятьдесят), тада (тогда)*.

11. Отмечены случаи употребления звука [х] на месте [к]: *хто*.

12. В соответствии с [ц] всегда произносится [ц]: *украинец, тр'и(д)цэт'*.

13. Фонема /л/ реализуется звуком [л]: *закатывал, была*. Фонема /л'/ в позиции перед гласными переднего ряда реализуются преимущественно звуком [л], к тому же происходит позиционная мена звука [и] на звук [ы]: *Лыдыя, привыклы, вырослы, вырастылы, называдыся, пэрэсэлэнцев, Лэнынскый, тижылэй*. Но слова *лес, леса* произносятся с мягким [л'] (ср., украинское *ліс*, где *і* – гласный переднего ряда). В других позициях (перед гласными непреднего ряда, на конце слов и др.) фонема /л'/ реализуются преимущественно звуком [л']: *люлька, люди, Моуилёвской, голь*.

14. Отмечается доминирование твердых согласных перед гласными переднего ряда: *привыкла, Мыхална, пэрэсэлэнцев, рубэль, рэбрыстая, тэпэрь (и тыпэрь), скотыны*.

15. Слово *что* произносится как *тишо* или *шо*.

16. Отрицательная частица *не* произносится как *нэ* и *ны*.

17. В единичном случае отмечена протеза [у]: *удоски*.

Ударение

18. В ряде случаев отмечается отклонение от акцентологической нормы литературного языка: *по-укра́ински, забра́ла, дядька́, былó*.

Словообразование

19. Используется деминутивная лексика с ласкательный значением: *скалотика, рёбрушки, куротишки*.

20. Отмечены случаи глагольного словообразования при помощи приставки *по-*: *пораскулатишылы, повишашылы, позабыралы*.

21. Существительное *рёбрышки* образовано при помощи суффикса *-ушк*: *рёбрушки*.

Морфология

22. Отмечается употребление как стяженных, так и полных форм имен прилагательных: *обыкновенна, русскы школы и широкий, русский.*

23. Основа прилагательных на заднеязычный оканчивается твердым звуком: *широкий, русский, тихий, строуый.*

24. Личное местоимение Я в Д.п. имеет форму *мене (мене пенсию дают)*, а в Р.п. – форму *мени (у мени уже был мальчишка).*

25. Отмечается употребление глаголов общего спряжения: *ездют, носят.*

26. Категория «одушевленности – неодушевленности» реализуется не системно: *нэ дэржалы мы скота ныкакова – куротики дэржалы.*

27. Существительные с вещественным значением могут употребляться в форме мн. ч., как конкретные существительные: *посылалы кукурузы ломать.*

28. Постфикс *–ся* употребляется на месте литературного *–сь*: *называлася, занималася.*

Синтаксис

29. Отмечаются случаи употребления определений после определяемых слов: *нэ дэржалы мы скота ныкакова*, – а также случаи дистантного употребления определений и определяемых слов: *брат жил младший.*

30. Наблюдается нарушение координации в категории числа подлежащего и сказуемого: *кто дэржалы.*

31. Отмечены случаи инверсивного построения предложений: *посылалы кукурузы ломать, скота было полно, куротики дэржалы, нэ дэржалы мы скота никаково.*

32. Отмечены случаи включения чужой речи в авторский текст: *Ауа, я уоворю: вы дети – су-урэжики.*

33. В некоторых случаях наблюдается нарушение падежного управления: *... пораскулатывалы, их ўсех позабыралы. Они ўот ўсех: и дядька́, и батька́, и деда, – ўсех отсюда.*

34. Вместо предлога ИЗ может употребляться предлог С в пространственном значении: *с Украины, с Моуилёвской области.*

Лексика и фразеология

35. Отмечены случаи употребления диалектной лексики и фразеологии:

Ба́ба – бабушка

Бала́кать – говорить по-украински

Бить глину – возводить стены украинского крестьянского дома путем обмазывания досок глиной

Бурчо́к (бурачо́к) – небольшой берестяной короб с деревянным дном и крышкой

Взвар – компот, приготовленных из сушеных фруктов и ягод

Гура́н – забайкальский казак

Жар – горячие угли

Жарово́й утюг – утюг, нагревание которого происходит с помощью углей, засыпанных внутрь

Зы́бка – колыбель, крепящаяся на веревках к потолку

Изба́ – наименование крестьянского дома, изготовленного из дерева

Карто́пля – картофель

Кача́лка – приспособление для глажения белья вручную, то же, что рубель
Лю́лька – детская кроватка на качающихся основаниях
Ма́занка – наименование украинского крестьянского дома, то же, что хата
Наверху́ – на чердаке
Помере́ть – умереть
Пораскула́чить – раскулачить
Поселя́не – первопоселенцы
Пропи́сано – написано
Рубе́ль – приспособление для глажения белья вручную, то же, что качалка
Рукава́ заката́вывать – усердно и много трудиться
Су́ржик – рожденный в смешанном браке от родителей разных национальностей
Ха́та – наименование украинского крестьянского дома; то же, что мазанка

Галушко Евдокия Ивановна, 1920 г.р.

Амурская обл., Октябрьский р-н, с. Николо-Александровка.

Записали Е.А. Оглезнева, А.В. Блохинская, 2010 г.

Обработала А.В. Блохинская, 2011 г.

Комментарии: А.В. Блохинская

– Жили мы раньше мы, конечно, не акти. А щас вот можно жить. Это уже наша старость пидойшла. Пускай мо́лодежь живэ. А раньше жили, як мы там жили, үо-осподи боже мой! Жили ни пэрэйдца ни во шо не було, ни... Не истэ, не обуца, а так ходылы вот. Роби́лы тики, як Катю́хы. Колхоз же тади́ бул же у нас. Свинохверма у нас бо́льша́ была. И скотнык бо́льший бул. И о́вцы, о́вечки булы в нас, всё, всё було́, и ко-онь жил, всё. Работала я, тади ж тра́хтарив ж мало було́, а-а на ко́нях. И-и ко́сылы, и хлеб убиралы, мо́лоты-ылы. Всё делалы. Это токо... Чё хорошее? Хорошего ничё мы нэ испыталы. Я прымерно... то, шо испытаяю? Мине уже дывяносто... үод. Уже и жить, конечно, не надо б уже, но боү вик протя́яся, поживу. А шо я вспомню хорошее? Ничё нэ вспомным, хоть я и з мужиком жила. Ну, з мужиком я жила то, ко́нечно, ничё-о-о так, хорошо. Так жисть то яка була́. Тада ж в мауазине дэ чё-нибудь купыть надо, о-очерэдь выстоять. И выстоишь, и нэ во́зьмэшь тоүо мэтра ситцу. Бул, его не достанэца, народу ж мноүо. А прывэзут там кусок якый, шо там. Тай ходылы так, абы як-нибудь. О то и шой хорошее у нас? Ничё мы хорошего нэ вспомным. Всё той цэ ж, конечно, вы не зна́-аетэ. Суслоны тые. Пшеныцу жа́лы, вяза́лы, ну, пучкамы. Суслóны ста́вылы. Так босяка́ ходы́лы по...по стэрни́. Кроў бежит по... по ноу́ах. А мы по стэрни́ ходым. Стэрня́ знаете, щё то? Щас же-ж он косят же, бачь, та шо тэ (*нрзбр.*) Вот, вот так мы и жили́.

– *Вот эти острые, да?*

– *Аүа.*

– *Трава, да, срезанная?*

– Трава, та ж и скосят, а тэ ж по трави жэ, дэ мож(еш)ь, вставля энти суслóны. Называется суслон. Двэнадцэтэ суслоныв. Этих, у кучки. Снопив двэнадцать. Так суслоны сделают так, вот, домиком. Чтобы то дождь и шёл, не заливало его дождём. Собира-ать ездылы

на конях, на уарбах. А уарбы, шо вам могут сказать уарбы, як вы их не знаєте. Запряжэш кона, ну, так оно на прымерно, ну или с колёсамы, запряжэш. И таки вот возышь эти сослоны. Возим. Вот, а тадэ мо́ло-отят жешь. Сноповья-азки булы той. Вязалы самы этой, суслонны эти, пучки.<...>

– *Работали вот как? В колхозе работали?*

– В колхозе работала, я работала, шо як сказать. Я тоже ти и суслоны ти и возыла, и поварям була, и на свинарни була, и телятницею була. Крууом хватало нас. То щас, вот щас безработица яка, и у нас ... нету ж работы людя́м, так жешь околачиваюца. А тади было работы, свинарка як тамочко попросится шо, ну, дайте мини выходный же, хоть завтра там дитям сделаю. Тади вот бригада, бригада була. У нас вот в силі була то перва бригада, втора, и то третья. Три бригады було. И вот той нас тади... уде надо работать. <...> Таки тачки, чи (в) дрожках жи. Сядита нянька. Посадышь сколько там, трое или четверо, и визуть в полэ. Там же полэмо или чё-нибудь там делаем. Там вот покормишь, и мйсяц такэ. Мйсяц до родов и мйсяц писле родов. Не так як щас тры и платять, и можно жить. Ну, тоже же молодёжи вам трудно. А щас всё дороуовизна така. Вот роды его и попробуй его снарядыть, если помочи ни виткиля нету. Яки то трусики, яки там, то сорок рублів, то пиисят рублів, то колютки. И вам жить трудно. Из этоуо. Тоже жить хорошо и. Давай вам бох, чтобы вы жили хорошо (нрзбр.).

2. Какие люди раньше были

– *А муж ваш вот как?*

– Муж мой на фронте бул. Сем лет он отслужил, войну. Его як забра́лы от служить, и тут война. И вин сим год отдубасыв, при́ехал ни ранэный. Ну уже восем год его нету.

– *Звали его как?*

– Николай Максимович. Вот був тоже токарóm. Мы тут у тылу, нам нэлэгко було́, а им-то же тяжелее там было́. Подумаешь, скоко их уже посляуло наших... Тоди и вре́мья хоть нэ такэй було, яки-то настойчивии люды булы. Защитылы страну. А щас ото було́, значить, это, такая-ть... то-о здесь, щас такэ вре́мья, каже, живьём понабирають усих и... и туй. Защищать никому щас. Щё щас, наркоманы, пьяныцы. Понапываются то пубываються.

3. О церкви

– *Ну, а вот церкви не было здесь?*

– Була цёрква давным, та це ше, уосподи! Тут у нас цёрква была туды, от це контора, а то была... та контора была церковь.

– *А вы помните вот её, эту церковь?*

– Помню, помню так немноуо. И паски святылы.

– *Ну, вот вы в церкви не венчались?*

– Не-е, нэ, нэ.

– *Ну, расписывались, да, наверное?*

– Да мы-то, уосподи, сыновья сирота..

– *А куда церковь делась, Евдокия Ивановна?*

– Та куда, уоспод(и). А куды, ты б спросыла, куды от той свинарнык, он на семсот чи на тыщу. Пять тысяч свинарнык, а туды коровнык бул на тысячу. Куда тэ? Вот тако растянулы, попалылы люды, и всё. И нету ничёуо. И вот у нас щас хоть прыютыла нефтяна брыгада

это-то. Так ото щас токи началы (*нрзбр.*) колхоза. А то б мы жилы́, як пролитария всих стран соединяйсь-ка. Бурьяны́ были да... Я помню то эти, па́-аски святылы, это тако крууом же. Поп же ходэть святыть, вода... <...>

– *То есть ее разрушили, да получается?*

– Разру-ушили, всё разрушили, дэ чё ни було́.

– *А зачем?*

– А вот такó. Пошло и пошло. И-и скок як той, кончился колхоз, тя-ануть коровы – кто кому, бычка, хто тёлочку. Чё ж, раньше ж тоди ж пры-ы... нэ давалы ж, шоб бо-оуу в́ират. Вот щас, конечно, смотреть и по тилывизиру. Хорошо. Помынають, блауодаря-ать боуа. Так это ж мноуо таких людэй. Это ж щас нэ запрещають никóму. По уородах вот щас же там церкви е(сть). Ходят же. Вот дочка моя ездыт часто в церкви. Она бува́ет. Нихто ж нэ запрещае. А тоди ж будэт (*нрзбр.*), шоб тамочкó прóславаица боуу. То ж тэбэ и той, засудят. Заберуть. Будешь знать. А щас открыто. Слава боуу, шо той.

Вот той я и Витьке своему кажú, ну вот ладно, а ён хрэстик носит. Кажú: «Ну ты хрэстик носишь, ў́ боуа ты в́иришь? «Верю». Кажу: «Веришь? Наверно, – Кажу, – верышь. Кто б в е(г)о, – Кажу, – верил в того боуа. А хрэстик, – Кажú, – носышь». О-ой ...

– *Видите, как вера все-таки сохранилась у вас! А вот еще хотела спросить, церковь была, вы крещенная же в церкви?*

– Я не знаю чи мэнэ крэстылы, чи ни.

– *А дети?*

– А диты тоже не хрещёны. Оны тоди ж такэ врэмья было, шо... хто там хрэстыл бы? А-а, дак я-то Витьке Кажу: «Вот, – Кажу– щас Медве-едеу и этот, Пу-утин руковóдять страной. Ну, наверное ж, – Кажу – ўдэ-то на нэбесах хто-то есть намы всимы, усимы, вин усих пэрэбирае.

4. О своей жизни

– *А вот замуж вышли, потом жить у кого стали?*

– У кóго жить? У-у родителей его жила я. Его забралы ув армию. Я-то ще там тры ўода пожила той, тэ. И онэ девочка была. Пять ўод. Ушёл, она беременна была. Теперь (*нрзбр.*) она пожила и померла. А тоди, я ўоворю, той, уже еуо нэ стало и-и слыхать, ни писем, ничего. Я уже пэрэшла тоди до матери. Тэ з матерью жила. Тоди пришёл з армии этой, с войны прышел живым, дак... до кóнца цэ жили.

(дочь): *У него вообще большая семья была, у отца. <...>*

– *А потом отделились, да?*

– О-ой, деточка моя, отдилы́лася. Построилы на кúрочках лапах, это, до-омик нам. На тём подворья. Ну, шо построилы, ну ничего же не было у нас, ну. И в матери дать нэт, я знаю. А такие не йсти варыть ни в чимú. Ну, хоть картошка ж была там, капуста, и звары́ть. Так её же звары́ть ни в чимú. То ўоршки-то побризáлы, то там чууунчик дэ экий. О-ой, девчата. Пайки давалы нам. Там якый кусочек хлиба, чи там, ўрамм с... по стýко (показывает).

– *Это во время войны?*

– Во время войны, ауа. Жилы́ плохо, плохо. Впроуолодь и жилы́, й прышел з армии тоже, жилы́ впроуолодь, потому шо нэ було́ ресурсыв таких кóрмить нас. И-и тоди уже обжи́лыся, конечно. Он уже начал эздыть. Собирать же урожа-ай, давать пшены-ыцу молóть, му-

ку-у самы мо́лолы вже. И вже тоди разжились мал-мал хоть, так уже. Ну, надевать у нас нечего было, шоб так, прынаряды-ывся хоть як-нить. А так ото ходышь, ходышь, постираешь, солнце, да... высохло, или зимой – до плиты. Её не(г)ды было брать. Хоть ше й поступи в мауазин, дак это хто, чья пэрва очередь, та тот, может, який мэтр вóзьмэ ситчику. Так и жили так. Раньше тка́лы по́лотно и той. От той и одевались. И щас я помню, яка мине маты пошила платье, зеленою краскою покрашено, ну как-то тканьь (нрзбр.), такая ж, хорошее было.

– *Платье сами красили?*

– Аҫа. Сами, сами. Сами, мама на руки пошила – ны машинки нэ було, ничё. Цэ уже пид войну уже, конечно, с дедом уже началы, маши-инку купылы. <...>

– *А кормили чем ребятишек?*

– Та чим кормылы, шой, думаешь, як счас, раньше? Картошка. Борщ, картошка, суп. Шо ище? Үалушкы.

– *Галушки? Галушки как-то по-особому делали?*

– Ага, делалы.

– *А как делали?*

– Тисто замисишь, тоди так пощипаешь, кинэшь, отварышь.

– *А с яичком или так?*

– Да и з яичком було. Курэй то булі, куры.

– *Ну, вот бульон или просто в воду можно?*

– Ну, бульончик таки же (нрзбр.).

– *Муж ваш какое любил блюдо?*

– Да вин хоть якэй. Не командовал. Шоб сказал такэ-э минэ, да ина-аче. Шо взварышь, то и... и вси ему, за одним столом.

– *А пекли что-нибудь вот?*

– Ну, чё пэклы. Пирожки пэклы, булочки пэклы. Дайны-ы пэклы, варе-еники. Ну, вот пилимени это уже вонэ уже... уж прышлы же поздно. Цэ уже.

– *Борщ – вообще же украинское же блюдо? Там свёкла, еще что?*

– Свёкла, капуста, Ну, щас-то мóрквы кїдаешь.

– *Фасоль не добавляли?*

– И кфасо-оля. <...>

– *Детей во что одевали? Вот сами шили что? Сарафанчики?*

– Я сама. Вещи шили. Сарафанчики и платьишко, или рубашечка, или там трусы. (нрзб.)

– *А ткань? Покупали?*

– Покупали.

– *Вот лен. Здесь же лен делали? Тоже, наверное, сами как-то вымачивали?*

– Давно-давно це ше. И не знаешь шо он из того лён.

5. О приданом

– В сундуку́ было. ... Рядно́.

– *А рядно это что?*

– Ну вот ткалы. Ткалы такэ, да-а, и укрывалыся ним же. <...>

– *Лен или шерсть?*

– С конопля. Прялы же. И ткалы же тии.

– *А что еще в сундук клали, когда замуж выходили?*

– Ой, деточка. Ну, нечего не було. Одеяло як тади уже в моде було. Набралы матерьялу.

Вату тут одна шила.

– *Одеяло сами делали?*

– Одеяло тоже туточко, я вже не шила цэ же. А тут шила одна, так у то одеяло теплое пошила. Не я тож ни пидодея-альника, ни... прб-остынька там была одна. Да вот замуж ишла, полотэнцив двое було из лёна таких. Вспомнышь, шо сейчас разных тряпóк этих надо заложено скрысь. Тэ нэ такэ купыла, другая спрячэт (*нрзбр.*).

КОММЕНТАРИЙ

Фонетика

1. В речи информанта под ударением различается 5 гласных фонем: /а/, /о/, /и/, /у/, /э/.

2. На месте «ять» под ударением произносится гласный [и], характерный для украинского языка: *хлиб, хлиба, мїсяц, дитя́м, ві́рат (верят), замисишь (замесишь)*. Иногда встречается [е]: *дед*. Отмечаются случаи замены *о* на *и*: *пидодея́льника, снопив*.

3. Фонемы /а/ и /о/ в первом предударном слоге после твердого согласного различаются. Фонема /о/ реализуется как [о], а /а/ – [а], то есть наблюдается оканье: *к[о]не́чно, к[о]лхо́з, на к[о]нях, п[о]прóсится, б[о]льши́й, до р[о]дов, х[о]ды́лы, к[о]сы́лы*. В некоторых словах фонема /о/ различается во всех безударных позициях: *м[о]л[о]де́жь, м[о]л[о]ты́лы, [о]к[о]лачиваются*. Однако отмечаются случаи, когда /а/ и /о/ в данной позиции не различаются, и на их месте выступает гласный [а]: *д[а]ста́нца, хор[а]шо́*.

4. Фонема /е/ и /а/ в первом предударном слоге после мягкого согласного реализуются как [э] и [а]: *дыв'ано́сто, бос'ака́, б'эре́нна, запр'ажéшь*. Также отмечается произношения [и] на месте /е/ и /а/: *М[и]двé дев*.

5. Отсутствует переход *е* в *о*: *запря[ж'э́]шь коня, вóзмэшь тоуо мэтра ситцу*.

6. Отмечается отсутствие чередования *о//нуль* звука: *из лёна*.

7. В речи частотно употребление γ -фрикативного: *[γ]арбы, бри[γ]ада, [γ]де, е[γ]о, [γ]алушки*. В конце слова *бог* на месте /г/ произносится [х]: *бо[х]*. В окончаниях родительного падежа прилагательных среднего и мужского рода произносится согласный [в]: *хорошева*.

8. Фонема /в/ реализуется в звуках [в] и [у], [ув] . [У] и [ув] встречается перед согласным: *[у]сих (всех), усими (всеми), у кучки, у тылу*. Перед гласными употребляется [в], [ув]: *ов'ечки, дев'яносто, выстоять, травы, ув армию*. Отмечены случаи замены [в] на [у]: *свинохверма в нас больша была, овечки булы в нас*.

9. Фонема /ф/ реализуется как [ф], [хф], [кф] и [хв]: *на [ф]ронте, [кф]асоль, сара[хф]анчики, свино[хв']ерма*.

10. Отмечены случаи произношения [х] на месте [к] перед согласным: *[х]рэстик, [х]рещены, [х]то, ни[х]то, тра[х]тарив*. Здесь может быть отражено влияние украинского языка: *хрест, хрестити, хрещений, хто*.

11. В речи реализуются две аффрикаты /ч/ и /ц/ в соответствии с нормой русского литературного языка: *ситцу, телятницею, четверо, кусочек*.

12. Отмечается утрата /j/ в интервокальной позиции: *втóra, перва, знáэте, бóльша, нефтянá, длíнна*.

13. Сочетание жд произносится как [жд’]: *до[жд’]ём, до[жд’]*.

14. Отмечается доминирование твердых согласных перед гласными переднего ряда: *плыты (плита), возылы, дэсять, ходылы, святылы, молотылы, мэтр, мэтра (метр), помэр, самы, купыть, полэ, пэклы, пэрэшла*.

15. Фонема /с’т’/ реализуется как [с’т’]: *е[с’т’]*.

16. Сочетание *тс* произносится как [щц]: *периодицца, достанецца, околочиваюцца*; а *шс* – как [сс]: *протягаеесся*.

17. Единичный случай произношения [к] на месте [х]: *акти (ахти)*.

18. На месте литературного *што* произносится *шо, чё*

19. Отмечается удлинение ударных фонем: *уо-осподи, молоты-ылы, зна-атэ, соур-а-ать, моло-отят, Медве-едеу*.

20. Слово *кровь* произносится как *кроў*.

21. Отмечается употребления твердой фонемы /р/: *тры, трэтья, токаром, курэй, хрэстик*. Они чередуются с мягким вариантом: *три, бригада, веришь, верю, хрещёны*.

22. Слово *время* произносится как *[врэм’ја]*.

Ударение

23. В ряде случаев отмечается отклонение от акцентологической нормы русского литературного языка: *детя́м, вóзьмеш, вóзьмет, людя́м, го́дов, бурьяны́, не хóчу, ни ко́му*.

Морфология

24. Существительные муж. р. ед. ч. в Р.п. имеют окончание -у и -а: *ни возьмешь мэтра ситцу; мэтр возьмет ситцу, с конопля прялы*.

25. Существительные муж. и жен. р. в Д.п. мн. ч. имеют окончание -ах: *по ногах, по городах*.

26. В форме Р.п. мн. ч. у существительных мужского рода при употреблении с числительными проявляется окончание -ив: *сорок рублив, пятьдесят рублив, тракторив мало*.

27. Существительное повара имеет форму мн. ч Т.п. – *поварям*.

28. Существительное *село* имеет форму ед. ч. П.п. – *в силí*.

29. Существительное *полотенце* в форме мн. ч. Р.п. имеет окончание -ев: *полотенцев двое*.

30. Существительное *церковь* имеет формы двух склонений: *церква* – 1 скл. и *церковь* – 3 скл. Существительное *морковь* – 1 скл.: *морквы кидаеть*.

31. Личное местоимение 1 л. ед. ч. имеет формы: Р. п. – *у менэ*, В.п. – *мэни*, Д.п. – *мне*: *у менэ девочка была, чи мэни христили, уже мне, мне мать пошила*.

32. Личное местоимение 2 л. ед. ч. имеет форму В.п. – *тэбе*: *так тэбе и той засудят*.

33. Местоимение 3 л. ед. ч. муж. р. имеет две формы – он и украинское *він* [вин]: *вин семь годов; вин всех перебирает; вин хрестик носит; вин с восемнадцатого; он отслужил; он косят; приехал он раненый*.

34. Указательное местоимение *это* заменяется формой *це*: *це ж, конечно, вы не знаете; давно це, та це ше*.

35. При склонении местоимений в П.п. встречается форма *ни в чиму*: *ни исти варить ни в чиму*; *зварить ни в чиму*.

36. Местоименное наречие *там* употребляется наряду с *та́мочко*: *свинарка як та́мочко поросится, та́мочко прославиться*.

37. Местоимения *такая, такой* имеют формы *така, такэ*: *дороговизна така, врэмя хоть не такэ*.

38. Прилагательные *какие, какая* произносятся как *яки, яка*: *яки то трусики, жисть то яка бы́ла, яки-то ... люди*.

39. Отмечается употребление стяженных форм прилагательных и порядковых числительных: *больша была, больша́; пе́рва бригад, вто́ра; нефтяна́́ бригада; пе́рва очередь*.

40. В прилагательных и местоимениях И.п. муж. р. ед. ч. иногда встречаются окончания *-ий*: *скотнык больший*.

41. Глаголы в форме 3 л. мн. ч. иногда имеют на конце [т’]: *визуть в полэ, заберуть, качають, тянуть коровы*.

42. В возвратных глаголах употребляется постфикс *-ся* после гласного: *отдильлася, обжилися, одеваляся*.

43. Глаголы в форме 3 л. ед. ч. могут употребляться без конечного [т]: *пускай живэ*.

44. Глаголы прошедшего времени мн. ч. имеют окончание *-ы*: *жалы, жили, пережили, забрали, были, ткалы, обжилися, отделялася*,

45. Глагол *полоть* имеет форму 1 л. мн. ч – *полэмо*.

46. Числительные *семь, восемь* имеют формы: *сем, сим, восем*.

Словообразование

47. Широко используется деминутивная лексика с ласкательным значением: *овечки, чугуничик, штанишки, сарафанчик, простынка, рубашечки*.

48. Отмечен случай употребления приставки *по-* со значением завершения действия: *я помню яки мать мне платье пошила; сама на руки пошила; одеяло теплое пошила, поубываються, понапываються*.

Синтаксис

49. Наряду с предлогом «с» используется предлог «з»: *з матерью, з ячком, з конопля*. В украинском языке предлог «з» встречается в предложениях с Р., В. и Т. п. и соответствует русскому «с».

50. Частотны случаи употребления определенно-личных предложений: *та босяка ходыли по стерни; приходыли так абы як-нибудь; пиеньцу жалы, вязалы, ну, пучкамы; запряжешь коня; жили плохо-плохо*.

51. Вместо союза *или* используется союз *чи* (укр.): *чи тачки, чи дрожках; я не знаю, че мэни христили, или ни; чи куфайка, чи еще что-то*.

52. Предлог *до* употребляется вместо предлога *к* с Р. п. в объектном значении: *перешла тади до матери*.

Лексика и фразеология

53. Употребляются диалектные лексемы и фразеологизмы, в том числе и украинского происхождения.

Босяка́ – босяком

- Ві́рить** – верить (ср. укр. *вірити*)
- Виткиля́** – откуда
- Верта́ется** – возвращается (ср. укр. *верта́ти* в значении «возвращать, возвращаться, возвратиться, вернуться»)
- Га́рба** – большая телега с высокими бортами
- Дро́жки** – небольшая телега, предназначенная для перевозки 1-2 человек
- Зварі́ть** – сварить (ср. укр. *зва́рювати (техн.); зва́рений*).
- Йха́ть** – ехать (ср. укр. *їхати* в значении «ехать»)
- Казáти** – говорить (ср. укр. казати, кажу, кажеш)
- Ма́ты** – мать (ср. укр. мати)
- Мужі́к** – муж
- Нема́** – нет (ср. укр. *нема́*)
- По́мочь** – помощь (ср. укр. *по́мч, -мочі*)
- Протяга́ться** – проживешь, протянешь (ср. укр. *протягті́ся и протягну́ тися*– в значении «тянуться»)
- Пха́ти** – совать, отправлять (ср. укр. *пха́ти* в значении «толкать, совать, сунуть»)
- Робі́ти** – работать (ср. укр.)
- Рядно́** – полотно, которое ткали из конопли
- Свина́рня** – помещение, где содержат свиней
- Ско́тник** – помещение, где содержат животных, обычно крупный рогатый скот
- Суслон** – связанная в пук сельскохозяйственная культура (пшеница, овес) у установленная определенным образом во избежание намокания
- Стерня́** – остатки скошенной травы на корню
- Тачки** – телега с открывающимся бортиком, предназначенная для перевозки сыпучих грузов
- Тоді́** – тогда (ср. укр. *тоді́*)
- Чи** – или (ср. укр. *чи*)
- Як** – как (ср. укр. *як*)

Крицкая Евдокия Ивановна, 1931 г.р.

Амурская обл., Октябрьский р-н, с. Николо-Александровка

Записали Е.А. Оглезнева, А.В. Блохинская, 2010 г.

Обработала А.В. Блохинская.

Комментарии: А.В. Блохинская

1. О повивальной бабке

– А у нас тут бабушка была отцова мать. Каже. Я кажу: «Мам, а баба дэ?» Она каже: «Васюхно Платон забрал». Она раньше их бабничала, пупы вязала. И она сказала это, каже: «Мне никоуо не надо врачиху, бабу ...». Она там целый день. <...> А то и манэ чужа бабка ж там оказалась. Была така бабка. Понимала хорошо все. Було як гуляют, соберутся ее внуки называются, которых она бабничала. И не позовут гулять.

– А бабничала, то есть, которых она принимала?

– Аҕа, аҕа. Дак она кáжеть: «Пьють да ҕуляють, дак бабу минають, а як дрищут, так и бабу ищуть.

– Как-как говорят? Пьют да гуляют...

– А як пьють да ҕуляють, дак ее мынають, ну, внуки ти, як не позовут ҕулять, а як дрищут, так и бабу ищуть. <...> Дак вона, вот и у нас бабушка была, у мамы, свекровка. Она вона, та бабка принимала роды. Тоже мама нас трое родыла дома. Но она. Тади дома рожалы. Нихто. Ма-ало, я нэ знаю, можа и возыли, да я ж мала была.

– А ребятишек лечил кто? Вот тоже же...

– А булы! Вот той та бабка лечила их. Я знаю, мэнэ мама водыла, яйцом по животи́, кача-ае. Яйцо куриное.

– А что его так?

– Выкачует. Я телёнка спууалася. Корова в хату раньше, и она вставала, я испууалася. Она вылыла у стакан. Кáже: «Дивыся (нрзбр.). Она телят испууалася». Тры раза сходыла.

– А еще как лечили? Вот воду как-то выливали?

– Як по на воску. Я нэ знаю, я це, нэ приходылося. У мэнэ таки хлопцы... Ничё.

– Хорошо, что такие!

– У мэнэ их тры и мужик. Нэ курыл, мужик нэ курыл. И рэбята ни одной нэ курылы.

Молодцы.

2. О еде

– Чем вы кормили такую ораву?

– А чем? Картошка, борщ. В мауазин же не ходылы. Ну, сахару там купышь. Конхвэт также «Дунькина радость». Вот конфэт этих. Ну, прянычки.

– А сами пекли что-нибудь?

– Пэклы. Пирожки пэклы. Хлеб пэклы самы.

– Сами?

– Самы.

– А как пекли? В печки или как?

– У печке, в русской печки, аҕа.

– А у вас русская печка была?

– Была. Вот Иван у мэнэ, вин тут живэ, каже: «Я, мама, дэ нэ им, ни дэ нема добрейшего хлеба, як у нас». Калачи. Он угощал, щас вспоминаю.

– А калачи как пекли?

– А тоже так. В лыстах и в духовке. Уже стали печки русские повыбрасывалы. Да плиты подэлалы.

– А почему печки русские повыбрасывали?

– Чёрти, чего оны им мешалы.

– Ну, вот калачи. Тесто сдобное?

– Нет, тесто не-ет. Сдобно кушалы. А

– А что там? Яичко. Что еще?

– Да, яичка не былы. Вода, дрожжи. Да калачи таки былы в руку.

– А сладкие были? Сладкие?

– Не-е, не сладки. А то придэш из работы. Сало ж тади мноуо было уже ж. Як после Сталина уже. Налюи поснималы. Мёрзло сало несэш, калач, чай з молоком. Наэстися и пошёл. А борщ варылы, вот таки яки-то. Вин и не надоедал кажен день на обид борщ варылы. На второе чё-то.

– *А что добавляли в борщ?*

– А мясо. Зимой ж мяса мноуо было. Мы по двадцать пять гусэй дэржалы.

– Фасоль не добавляли туда?

– Ну, клáлы, лóжины кфасоль. Кфасоль. Вин хороший с кфасолью. З вечера намочишь, чтоб она быстрее разварилась.

– *А гуси куда шли? На рождественского гу(ся)? На рождество?*

– Да цилу зиму ж, так называлась у нас, капустняк варилы. Капуста сквашена. И это, туды үея. Мясо кусок. Картошки дви. Целых. Туди. Её зажариеш. Потолчёшь картошку. Вкусно.

– *То есть картошку зажаришь?*

– Картошку потолчёшь.

– *Потолчёшь.*

– Аүа. На сковородке. Зажаришь.

– *С капустой может быть?*

– *Так. Ну-ка по порядку рассказывайте. Капустняк. Так. Нужно взять...*

– Капусту и мясо разом лóжить.

– *Разом?*

– Аүа. Варится. А потом берэт картошку. По... Опосля картошку натолчили. Она поварится. А тади зажарим. Зажарка вот.

– *А в зажарку, так, лук?*

– Лук и сало.

– *Сало?*

– Сало. Помял, помял эту картошку и туда всё. И үотово. Капустняк. «А капустняк сё(дня) варила». Ну, женчины. Тади уже стали хорошо жить. Пры Брежневем мы хорошо жили.

– *А с фасоли что-нибудь отдельное готовили?*

– А як же, үотовылы. Это пирожки пэклы. Пирожки, сваришь, туда масло, сахару и пирожки стряпаеш. Пирожки стряпалы. Из тыквы. Тыкву крошили, сушили. И ходылы по яюды раньше. Яюд, сушили яюды. То мёрзлы булы, то варэнье варилы. Но самое лучшее любила с үолубницы варэнье. Вот вкусно с үолубницы у мени (*нрзбр.*) варила.

– *Здесь голубница?*

– А, кругом выдэш. Нарвэ(шь). До обиды пятнадцать (*нрзбр.*) литров приносили.

– *А еще какие-нибудь были ягоды?*

– Ой, яюды были. Хороши. Да-то...

– *Ну, вот в пирог добавляете там ягоду?*

– Яюду суху. У туй. В это, у тыкву. Она суха. Мы добавляли.

– *А пирог получается пирожки?*

– Пирожки, пирожки.

- Ну, пирожки жарили в масле или духовке?
 - Не-е, не-е. В духовке, сухи. А щас усэ в масле, оно жирное. А то масло, як вода.
 - Ну, вот Алена говорит: «Голубница. А еще какая ягода здесь растёт?»
 - Ну, щас у нас смородына. У мэнэ у дочки смородыны мноуо там.
 - А в лесу? В лесу? Да?
 - В лесу зэмляныка там растэ. Ну, его пораспахивали щас. Нету уолубницы. А то было как пое(дем) пойдём пешком.
 - Ну, тут вообще интересная местность такая. Всё распахано. Вот грибы какие-то?
 - И үрибы, үрибы. Ходят по үрибы. Я, я нэ бачила их никогда. Не собирала.
 - Рыбы тоже здесь, наверное, нет?
 - Аүа. А не-е. Вот тут дамбу поделалы, так есть рыба там. Эти караси, ротані.
 - Вот мы то женицины, нам интересно всё про кухню да про детей. Вот, ну, еще что пекли? Вот что готовили? Из круп что-то готовили или картошка в основном была?
 - Кстати, мало круп було. Мало. У меня брат из армии пришёл. И уехал в үород жить. И маму забрал. Попродáли корову, хату. И купили там хатку собі. Дак я тогда аж увидела, вот үрэчка. А знаэте, как чушек порежем. Делали этот ... «кóвбык» – кáжуть.
 - Что? Что делали?
 - Мя(со). На кóвбык.
 - Кóвбык?
 - Аүа. Этот. Ну, як бы вам сказать щас. Назвать бы ... получче.
 - Ветчина?
 - Аүа. Ну, да-да.
 - Мясо. Типа мяса?
 - Начинялы мясо, сало. Туда чесноку.
 - Рулет?
 - Ну, у нас называлы «кóвбык».
 - Кобыть. Кобыть?
 - Ковб́ык. <...>
 - Ковб́ык. Балык?
 - Аүа. Як же. Ну, его все называют! Из сэрэдины. Желудок, в общем.
 - А-а. Всё-всё!
 - Начинять туда. И аж к Пасхе дэржуть в ведро. Положу, я положу. Привяжу к потолку.
- К Пасхи уже тади.
- А в желудок, что туда кладут?
 - А тоже мясо. Мясо и это бока вот это.
 - Как его: режут? Крутят?
 - Аа. Режут. Режут.
 - И с чем его там? Лук, чеснок?
 - Лук, чеснок обязательно. Вин па-ахнет так.
 - А обжаривают, или как? Жарят?
 - Тушать.
 - Тушать?

- Тушать у печки. Положить его на протвиль. И вин печётся. Вин не пропадет.
- Ну, а желудок? Его надо же вымыть изнутри?
- А как же. Еҫо вымыть хорошо.
- Это требуха? Да?
- Да, требуха. Да-да. Это.
- Это свиной или коровий?
- Свиной. Свиной. Свиной.
- Ну, и что он такой, как бы круглый, получается?
- Он большой такой. (нрзбр.) Я купыла, а вин мне нэ понравился. <...>

3. О песнях

- «Кукушка» говорят. «Зазуля» не говорят так?
- Зозуля.
- Тоже говорят.
- Зозуля кувала. Аҫа.
- Ну, это из песни из какой-то? Зазуля кувала.
- Нэсэ Уаля воду, коромысло үнется.
- А дальше как?
- А за ней Иванка, як барвинок вьется: Уаля, моя Уаля, дай воды напыться. Ты така хороша...». Уже и забыла. Ей переменилы як, нэсэ тэща воду, коромысло үнется.
- Ну-ка, ну-ка. Кто там?
- Тэща. Тёща.
- А.
- Несэ тёща воду, коромысло гнётся, а за нею зять, як барвинок, вьётся: «Тёща, моя тёща, дай воды напыться. Ты так ковыляешь, аж гад подывится».
- Как подывится? Аж гад подывится?
- Гад. Ну, (нрзбр.) как плохо подывится.
- Всё, всё. Гадко подивиться. Народ переделал.
- Они переделалы.
- А у вас какая песня любимая была? Вот хохляцкие песни же вы поёте, да?
- Хохляцкие.
- А какая? Хохляцкие, то есть украинские? Правильно?
- Украинские, украинские, предкив наших, оны спевали наши старики. Вот собэрутся. Брат придэ до мамы с бутылкой, шо есть. «Давай сестра». И с жинкой. Сидять. Спивають. И мы з ними тоже спивали. И так (нрзбр.).
- Вот у мамы была какая-то любимая песня?
- А я нэ знаю. Она...
- Ну, пела же она?
- О-о-о. Она все песни пела. И плясуха така она была. ... Она як.
- И плясуха и певуха?
- Аҫа. Она, как-то, знаете, вроде в нэй и үоря нэ мае. Вот такая вона. Дрүүи пла-аче, а она не унывала, не унывала никогда. <...>

– А вот, еще интересно, вот столько лет здесь прожили, переселились с Украины, а песни почему-то поются украинские?

– Да.

– А русских почти не поют песен. Почему, как вы думаете?

– Да, чё. Да пою-уть. ... Я вот любила песню, спивала покаместь не болела так, и брат то живой бул.. «Ой, калина, ой, малина. (Какая?) В речке тихая вода, ты скажи, скажи, калина, как попала ты сюда?». «Как-то раннею весною парэнь бравый приезжал, Долго мною любовался, а потом с собой забрал. Он хотел меня калину посадить в своём саду, нэ довёз да в землю бросыл, думал, что я пропаду. Я за землю ухватилась, встала на ноуи свои и на век здесь поселилась, где щебечут соловьи. Ты нэ дуй тут, уолубчик ветер, не считай за сироту, я с землёю породнилась и по-прежнему живу». Тоже чё-то и забыла. Хороша писня. Я её так любила спивать.

– Я не разу не слышала эту песню.

– Не слышала? А мы знаете, приезжалы тоже эти-то, там, сюда, нас собрали, щас она уже вмерла Анна, я хоть ... Мы с ней спивалы. В уазете даже булб. «В дэрэвне уармошка не смолкае». Так. И мы вот эту спивалы. А потом: «Утром, раннею зарёй (нрзбр.) деревенская Катя, пастушка, и понравился ей молодой парэнёк, чернбровый, красивый Андрюшка. «Давай, Катя, с тобой переменим мы жисть деревенскую на уородскую. Деревенскую на уородскую. Снаряжу я тебя в тёмно-синий костюм и куплю тебе шляпу (нрзбр.)» Вот уехал Андрей на побывку с полэй, год прошел, а Андрея все нету. Научилась она в рестораны ходить, научилась она водку уорькую пить, и случайно Андрей повстречался. Видать, у нэй ребенок(?) Научилась она в рестораны ходить, И случайно Андрей повстречался. «Здравствуй, милый Ондрей, муженек дороуой, как тебя давно не ждала». Чернбровый подлец покочал уоловой: «Я тебя не видал и не знаю». Закипела тут кров в уруди молодой, и кинжал ему в сердце вонзила: «Царь и бох за мою, за измену твою, вот за всё я тебе отомстила». Так мы пели их эту.

– Такой прям жестокий романс получается.

– Ага. Песни хоро-оши.

КОММЕНТАРИЙ

Фонетика

1. В речи информанта под ударением различается 5 гласных фонем: /a/, /o/, /и/, /y/, /э/.
2. На месте «ять» под ударением чаще произносится гласный [e]: *хлеб, тесто, век*. Но: *обид (обед), хлиб, пйсня (песня), двй (две), собй (себе)*.
3. Фонемы /a/ и /o/ в первом предударном слогe после твердого согласного различаются. Фонема /o/ реализуется как [o], а – /a/ – [a], то есть наблюдается оканье: *к[о]р[о]ва, д[о]м[о]й, до р[о]д[о]в, см[о]р[о]дына, с[о]л[и]лы*. Однако отмечаются случаи, когда /a/ и /o/ в данной позиции не различаются, и на их месте выступает гласный [a]: *х[а]р[о]ший*.
4. Фонемы /e/ и /a/ в первом предударном слогe после мягкого согласного реализуются как [э] и [a]: *д'этэй, земл'анйка*. Отмечается произношения [и] на месте /e/ в этой позиции: *т[и]п[е]рь, с[и]б[е], н[и]ч[е]тся*. В единичном случае на месте /e/ в первом предударном слогe после мягкого реализуется [a]: *ч[а]сн[о]к* (ср. укр. часнік в значении «чеснок»).

5. На месте /о/ под ударением в некоторых словах произносится [э], при этом согласный может терять мягкость: *вс[э]* (*всё*), *нес[э]шь*, *испеч'[э]тся*, *несэ* (*несёт*), *тэща* (*тёща*).

6. На месте [ы] встречается [у]: *б[у]лы*, *б[у]л*.

7. В речи частотно употребление γ-фрикативного: *е[γ]о*, *я[γ]оды*, *[γ]рибы*, *нало[γ]и*. На конце слова произносится [х]: *бох*.

8. Фонемы /ф/ и /ф'/ реализуется как [ф], [кф]: *[кф]асоль*, *кон[ф]эт*.

9. Аффрикаты /ч/ и /ц/ реализуются в соответствии с произносительной нормой русского литературного языка: *хлопцы*, *качае*, *яйцо*, *выкачие*, *целых*

10. Отмечается утрата /j/ в интервокальной позиции: *така*, *суху*, *суха*.

11. Отмечается краткий мягкий [ж] на месте жж: *дрож'и*.

12. Отмечается доминирование твердых согласных перед гласными переднего ряда: *посыдэть*, *русэй*, *смородына*, *варылы*, *пэклй*, *мынають купыла*, *нэсэ*, *возылы*.

13. Отмечается произношение *шо*, *чё*, *шоб* на месте литературного *што*, *штоб*.

14. Фонема /в/ реализуется в звуках [в] и [у]. У встречается перед согласными: *у^печки*, *у^тыкву*, *у^стакане*. Но: *в^лесу*, *в^русской печки*.

15. Слово *кровь* произносится с твердым согласным на конце: *кров*.

16. Отмечаются случаи употребления твердой фонемы /р/: *тры*, *курыл*, *рэбята*. Но: *прянычки*, *зажарим*, *γрибы*.

Ударение

17. В ряде случаев отмечается отклонение от акцентологической нормы русского языка: *родыла*, *былы*, *прядэшь*, *из серэдыны*, *былó*.

Морфология

18. В форме Д.п. ед. ч. у существительных муж. р. отмечается окончание -и: *по животи*.

19. В форме Р.п. мн. ч. встречается окончание -ив: *предкив наших*.

20. Личное местоимение 1 л. ед. ч. имеет формы: Р. п. – *у меня*, *у мени*, *у мэнэ*, (ср. укр. *менé*), Д.п. – *мэнэ*, В.п. – *мэнэ*.

21. Местоимение 3 л. ед. ч. муж. р. имеет две формы – *он* и *вин* (ср. укр. *він*): *вин печется*, *вин не пропадает*, *он хотел*.

22. Вместо указательного местоимения *те* используется форма *ти*: *внуки ти*.

23. Отмечается употребление стяженных форм прилагательных и местоимений наряду с нестяженными: *такá бабка*, *сдóбно*, *слáдки*, *мерзлó сало*, *мёрзлы*, *ягoду сухú*, *оно жирное*, *он большой*, *тихая вода*.

24. Глаголы в форме 3 л. мн. ч. имеют на конце [т']: *пьють*, *гуляють*, *тушать*, *поють*, *сидять*. Но: *режут*.

25. В возвратных глаголах употребляется постфикс -ся после гласного: *испууалася*, *приходилося*.

26. Глаголы 3 л ед. ч. могут употребляться без конечного [т]: *она и качае*, *выкачие*, *земляника там расте*, *вин живэ*.

27. Глаголы 3 л. ед. ч. могут оканчиваться на [т']: *кажеть* (*говорит*).

28. Отмечен единичный случай употребления глагола 2 л. ед. ч. без [ш]: *выйдешь нарвэ*.

29. Глаголы прошедшего времени мн. ч. имеют окончание -ы: *пэклы, варилы, рожалы, возылы, курылы, повыбрасывалы*.

Синтаксис

30. Наряду с предлогом «с» используется предлог «з»: чай з молоком. В украинском языке предлог «з» встречается в предложениях с Р.п., В.п. и Т.п. и соответствует русскому «с».

31. Отмечен случай рассогласования числа подлежащего и сказуемого: *яичка не были*.

32. Отмечен случай употребления двойных предлогов: *як по на воску*.

33. Предлог *до* употребляется вместо предлога *к*: *придэ до мамы*.

34. Отмечен случай инверсивного построения предложения: *сталы печки русские повыбрасывалы*.

Лексика и фразеология

Ба́бничать – принимать роды, быть повивальной бабкой

Ба́чить – смотреть (ср. укр. *ба́чити*)

Вну́ки – родители младенца, которого принимала повивальная бабка

Голубни́ца – голубица

Го́ря не ма́е – горя не знает

Жи́нка – жена (ср. укр. *жи́нка*).

Зозу́ля – кукушка (ср. укр. *зозу́ля*)

Каза́ть – говорить (ср. укр. *казати, кажу, кажеш*)

Капустня́к – блюдо из квашеной капусты, картофеля и мяса. (ср. укр. *капустняк* в значении «капустник»)

Ковби́к – блюдо из желудка, начиненного мясом, салом, луком, чесноком и тушеного в печи (ср. укр. *ковбик* в значении «рубцы, сычуг») (В словаре Д.С. Ушакова «рубец» и «сычуг» – кушанье из фаршированного мясом желудка)

Има́ти – иметь, знать (ср. укр. *ма́ти*)

Нема́ – нет (ср. укр. *нема́*)

Плясу́ха – человек, который любит и умеет плясать

Подéлать – сделать

Спива́ть – петь (ср. укр. *співа́ти*)

Су́хые пиро́жки – пирожки, испеченные в духовке

Тоди́ – тогда (ср. укр. *тоді*)

Ха́та – дом

ЗАСЕЛЕНИЕ ПРИАМУРЬЯ В ВОСПОМИНАНИЯХ АМУРСКИХ СТАРОЖИЛОВ

Одной из тематических доминант рассказов-воспоминаний амурских старожилов является тема заселения Дальневосточного края. Жители современных амурских сел – потомки тех, кто переселился в Приамурье из Забайкалья, центральных, южных и юго-западных губерний России, из Украины и Белоруссии.

Период активного заселения области начинается с середины XIX века, после заключения Айгуньского и Пекинского договоров с Китаем. В начале XX века Комитетом министров с разрешения императора Николая II было принято решение о переселении в Амурскую область безземельных крестьян с Украины и России – из Черниговской, Полтавской, Харьковской, Киевской, Курской, Тульской, а также Виленской (Литва) губерний и губерний Царства Польского. Государство оказывало существенную помощь переселенцам в виде путевых ссуд и при обзаведении хозяйством. Выходцы из разных губерний закладывали поселения и зачастую давали им «свои» названия. Так появились Тамбовка, Петропавловка, Коршуновка, Нижнее-Полтавка и Верхне-Полтавка, Иннокентьевка, Малиновка, Киселевка, Красный Яр, Константиноградовка, Толстовка и мн. др. Целые села могли быть образованы только русскими, украинцами или белорусами, в то же время в одной деревне можно было встретить уроженцев различных губерний России, Украины и Белоруссии, и это, естественно, не могло не отразиться на формировании того «смешанного языка», который в настоящее время ещё сохраняется в отдаленных от центра области деревеньках. Пестрота населенческого ландшафта, а также некоторые особенности и детали межъязыкового взаимодействия нашли отражение в рассказах-воспоминаниях носителей амурских говоров. Старожилы рассказывают о том, когда, сколько времени, на чем и как ехали:

Токо мы ехали, знаешь, не пассажирской дороґой, а товарной! Товарняком! (Шмендель М.Я.);

Нет, они... её отец, мамин, они ехали на лошадах (Доценко Л.С.).

Конечно, о том, с какими целями отправились в нелегкий дальний путь:

И зямли сколько хочешь тут, а там двадцать пять соток, а у мяни семь дятей и самих два! (Шмендель М.Я.).

О том, как устраивались на новом месте:

Ну, здесь нам дали квартиру, квартира, ну, можно назвать её квартирой, можно нет, потом делали, ремонтировали всё, жили. Там нам подъёмные какие-то давали, скоко-то (Чеушева М.С.);

И о том, как строились отношения между переселенцами:

Коуда деревню называли, перескандалили ўсе! (Крахмалёва П.Р.);

Отец – с Белоруссии, а мать – с Киева. Ну, а я уже смесь (Доценко Л.С.);

А это, ў Покровке щас, знаешь, тут и хохол, хоть и хто, а фси по-русски щас балакають... (Сергеева В.П.).

Картина заселения края в рассказах переселенцев и их потомков предстает зримо, во всех деталях и красках, представляя собой неповторимое документальное полотно.

«И вот столечко не дам!»

*Новицкая Софья Андреевна, 1935 г. р.,
с. Максимовка Октябрьского р-на Амурской обл.
Беседовали Чекотина А., Часовских Н., 2010 г.
Обработала Лагута Н.В., 2010 г.*

– Я тута мало прожила... в Белоруссии... я большинство прожила в Архаре. Меня в Архару привезли... в общем, даже таку, шо в вагоне купали, маленькою! Я выросла вот в Архаре. А сюда, вот тоже, в Белоруссии, тама это, отца мать вызвала в Белоруссию. Мы приехали, там тоже мало пожили, а потом по поселению тут уехали.

– А по переселению вам избу, дом давали? Или сами строили? Место под застройку?

– Нет. Все квартиры выдавали. Это знаете, мы сюда вот как в семь(де)сят пятом году приехали, вон там квартиру, вот вон там (*показывает*), ну, вот по этой, вон там вот, там жили. А потом, э-э-э, там оуорода не было... Не было совсем оуорода! Вот. Соседка была такая, ну, нет уже её давно, она уоворит... её председатель вызвал, шобы хоть урядочку для мелочи шобы дал. Она сказала: «И вот столечка не дам! Потому што я оуород сама корчевала, сама всё делала!». Уоворит: «И вот столечка (*показывает*), – уоворит, – не дам!». Вот. Ну и вот, мы ходили, и вот это, и здесь вот, и сюда, как вам, в этот дом, здесь женщина уже захотела уезжать, тута в ней был этот самый, контейнер, а тута оуород тоже, два ведра они картошки садили. А потом вот то мы распахивали, вот то и... Так и на одном месте сижу, уж с семь(де)сят пятоуо года.

«Две недели ехали!»

*Шмендель Марфа Яковлевна, 1917 г.р.
с. Красный Луч Архаринского р-на Амурской обл.
Беседовала Архипова Н.Г., 2003 г.
Обработала Лагута Н.В., 2010 г.*

– Давно здесь живёте?

– О-ой! С шыисят пято(г)о года! Давно-о!

– А до этого где?

– А до этого на Западе жили, в Брянской области.

– А сюда чего в шестьдесят пятом переехали?

– По вярбоў... по переселению.

– В шестьдесят пятом? Это раньше, наверное, было?

– В шыисят пятом.

– *В шестьдесят пятом какого века?*

– Ну как?! Тыща девятьсот, какого века!

– *Так вы комсомолкой, что ли, сюда?*

– Я привезла семь дятей... комсомолка!

– *Ах!*

– Да-а! Что смяется?

– *А что же? Как же вас с детьми сюда переселяли? Добровольно, что ли?*

– Ко-онечно! Ну как... Са-ами мы вербовались, сами. Два рабочих, а ты дятей хоть и десять вязи!

– *А зачем сюда так далеко ехали?*

– А там (в)он! Работа есть да жить плохо, и щас там плохо!

– *Здесь лучше?*

– Конечно! Это во щас разб`еулася всё так пло... тады было́ знаешь как? Очень добрó было тут, хорошо жить! Ой-ёй-ёй-ёй!

– *А чем хорошо?*

– Ну как? Тута и дома давали хорошие! А тама, только через дома уезжали люди.

– *Землю давали свободную?*

– И зямли сколько хочешь тут, а там двадцать пять соток, а у мяни семь дятей и самих два! Девять чаловек – двадцать пять соток, ху-ути лопни! А сейша (сейчас) от так заступил куды – плáти налох!

– *В шестьдесят пятом году?*

– Да...

– *А как везли семью? Детей своих?*

– Ну, поезд вёз, как же, вязуть, господи!

– *Так ехали вы, муж, дети...*

– У-ёй-ёй! Нас ехало, знаешь, сколько! Вот сколько состав пассажирских вауоноў, и нас полный, етые, все ехали! Токо мы ехали, знаешь, не пассажирской дороґой, а товарной! Товарняком!

– *В товарняке детей везли?*

– Товарной дороґой!

– *А! Дороґой!*

– А пассажирские вауоны вязли нас.

– *А дети? Их же кормить, стирать в дороге... Это же долго! Сколько суток ехали?*

– Сколько ехали...

– *А сколько? Суток семь?*

– Две нядели ехали!

– *О-о! Две недели!*

– С нами маґазин, с нами всё на свете, всё удовольствие! Всё-всё представляли, всё нам удовольствие!

– *А сюда приехали, как здесь устраивались?*

– А тута колхоз давал и дома, мне дали у колхозе сразу коро-ову хоро-ошаю, все там, двух свиней больших дали, десять курей дали, дом хороший с баняй был! Ну я (о)жила сразу, подняла вуши хуть! И дети у мяне повыросли!

«Уже население населено уже было...»

*Чеушева Мария Степановна, 1929 г. р.,
с. Грибовка Архаринского р-на Амурской обл.
Беседовали Архипова Н.Г., Галимова Д.Н., 2003 г.
Обработала Лагута Н.В., 2010 г.*

- *А мать откуда?*
- С запада, с Смоленской, Калужская облас(т)ь. Вон оттуда привезли её.
- *Как везли?*
- А мы жы ехали ваго-оном (нрзбр.)
- *Вагоном везли?*
- Ага. Таки теплушки, вагон, всех переселенцев...
- *В каком году?*
- А-а-а, стой! В пиисятном (?)...
- *Что ехали?*
- По переселению.
- *Осваивать землю?*
- Ну, пере... навербовали сюда людей, на Дальний Восток. Вот мы и приехали.
- *Вы с какого года?*
- Я?! С сорок ... двац(а)ть девятого.
- *Это вы девочкой да сюда?*
- Да, девочкой приехала. Пошти ў мне было уже восимнацать ... дивятнацатый год.
- *Замужем?*
- Не-ет ищё я девчонкой приехала сюды. Замуж вышла уже здесь.
- *Он здесь жил?*
- Да.
- *А он сюда тоже приехал?*
- А он с Белоруссии, его привезли трёхлетнего.
- *А он с какого года?*
- Двацать третьего года.
- Он старше?
- Да. На шесть лет. <...>
- *А сюда когда приехали, что здесь было?*
- Ну, здесь нам дали квартиру, квартира, ну, можно назвать её квартирой, можно нет, потом делали, ремонтиривали всё, жили. Там нам подъёмные какие-то давали, скоко-то.
- *А квартиру, дом дали?*
- Ну вот такую же во... Во такие же вот квартиры дали! В деревню же мы приехали!
- *В колхоз?*
- Вот совхоз.
- *Кто жил?*
- А тут жили люди, обы(на)кновенные.
- *Откуда?*

- Ну ўот насилённыя ўже они раньше к... ходоки-то были раньше.
- *Которые сами сюда приехали?*
- Да-а. Уже население насел(е)но уже было, тут населения большие уже были, нас привизли ко(г)да...

«Когда деревню называли, перескандалили все!»

*Крахмалёва Полина Романовна, 1926 г.р.,
с. Чембары Свободненского р-на Амурской обл.
Беседовала Хорош Н., 2001 г.
Обработала Лагута Н.В., 2010 г.*

Переехали вперёд наш Алексеенко Степан. Он и был первым поселенцем. Мама сюда переехала в четырнадцатом году, а отец в двенадцатом с Киевской области. В шестнадцатом они поженились. Маму звали Мария Григорьевна, а отца – Роман Григорич. Куда родители приехали, здесь жили Алексеенки и Осадчие. Наши купили дом Осадчих. Осадчие уехали, а потом обратно приехали – стали с нами жить. Потом стали папу выгонять! Собрали тогда сход, это собрание в колхозе. И там решили их изгнать!

Куда деревню называли, перескандалили уже! Алексеев хотел, чтобы назвали Алексеевка или Степановка! А был такой Чембаров. Он был нужный человек. Люди отказались. Это было ускорости после свадьбы. Был скандал! Но назвали Чембары. Алексеенку называть стали бурундуком, он был маленький. Школу строили на свои средства. Куда школу сделали, она была одинарная, один этаж был. Школа была до четырёх классов. Это было во время революции. Потом забраковали...

«Весь Дальний Восток так и заселили!»

*Наконечникова Елена Анисимовна, 1940 г.р.,
с. Чагоян Шимановского р-на Амурской обл.
Беседовали Архипова Н.Г., Галимова Д.Н., Оглезнева Е.А., 2002 г.
Обработала Лагута Н.В., 2010 г.*

Вот я что...мы-то живем здесь с пятьдесят первого года, поэтому я мало могу сказать. Ну, у нас здесь был дед Кукин, а его вот свояченица на той стороне, вот уже дедушка умер сам, он все здесь знал, дед Кукин <...>. А на той стороне, вот ей восемьдесят, (Шайтан, все, хватит) восемьдесят три года. Тетя Катя Коновалова. Ихние, ее родители, ихний дом до сих пор стоит, вон там прямо дальше библиотеки, где я... я всю жизнь проработала в библиотеке там. И вот за библиотекой дальше ихний дом стоит. Но уже все он уже, только крыша все, а так, ну, дряхлый. Так ее родители приехали в девятьсот шестом году ... А вот откуда приехали, тетя Катя знает. А она живая, на той стороне живет. Вот с этой стороны, с этой стороны, все старушки там живут. Но в основном может рассказать только одна тетя Катя, Екатерина Ивановна. Она участник, во время войны она связистом была, санитаркой и связистом. Всё на Дальнем Востоке здесь вот, в сорок первом году по сорок пятый, вот. А-а здесь у нас

все эти, все, оттуда начиная, ихные родители, которые все поумерли, а те внуки, уже внукам-то по сорок лет, нашему сыну уже сорок пять лет.

Наши, вот наши родители, мои именно мама с папой, мы сюда приехали в пя(ть)десят первом году, а до этого всю войну, пока война была, жили ниже семь километров. Папа на фронте, мама все время с ребяташками вот была. Дымо(в), поселок Дымо(в), вот ниже семь километров. А родилась она уже здесь, на Дальнем Востоке. Привезли его из Белоруссии, из-под Минска, какой-то поселок, папа говорил, папе было десять месяцев, а мама уже здесь родилась. Все пары молодые выезжали, им разрешили налоги не платить, все рванулись на Дальний Восток. Из Минска, и с Украины, и с Урала, и откуда только люди не ехали! Весь Дальний Восток так и заселили! А щас уже правнуки да заправнуки! Вот так вот, какие вопросы задавали, дед все лекции говорил, рассказывал, все знаю... И когда мы уже жили, он уже токо дед рассказывал, что вот здесь жили... Коробенкин был, ключ назвали Коробенкин. Это оне, го(во)рит, переселились ещё раньше даже, чем эти Натунаевы. А наводнение, говор(и)т, смыло, и они все отсюда уехали. Куда уехали... Ну, может, в город подались. А потом наводнение прошло, и начали заново населяться в девятьсот шестом году. Сначала, говор(и)т, приехало в первый год шесть семей, приехали эти Натунаевы, и, по-моему, дед Дьяченко. Ну, он уже... фронтовик у нас один, на два поселка один фронтовик остался, разведчик, ему вот восемьдесят три будет в августе, он живет там дальше, под конец деревни. Один, бабка умерла, один живет. Он много кое-чего знает, он с фронта пришел и здесь уже женился. Он уже раньше меня, я-то в сороковом родилась, а приехали в пя(ть)десят первом. Он здесь бегал, холостяцкий парень с гармошкой, с фронта пришел весь в орденах да в медалях, а щас вот остался один.

– *Это ж старый Чагоян?*

– Старый, да, точно.

– *Тот новый.*

– Тот новый. Тот... это, в пятьдесят восьмом году там были заключенные, вот это я все знаю. Заключенные, лагерь большой был. И вот эти дома, которые щас живут люди, двухкомнатные, жили офицеровы семьи, а уже заключенные были в бараках. И лес заготовливали вот по этому, по (*нрзбр.*), и по ключу заготовливали лес. Много их было, но оне были как... ну, расконвоированные, не строгорезимники, лес заготовливали. А потом че-то правительство сменило раз – резко все убрали! И офицеры уехали, и заключенные уехали. Дома остались. И начали молодые семьи занимать дома, потому что все работали, отсюда ехали на лодках, утром к восьми часам нужно на смену. А смена была-а, вот, допустим, сутки разделить на восемь... на три... И вот смена ночью: с двух часов до утра. Все посменно, а тамоне вышли с дому да и пошли, правда ведь?! Там-то близенько, восемьсот метров каких-то до берега. А тут каждому нужно было иметь лодочку, чтоб туда... И все, все вот отсюда, в основном, все перебрались туда. Ихные дети, потом и внуки, так одне, сначала ихные родители, а щас у них уже дети взрослые... Ну, конечно, много очень уехало в город: учились же, всё! Если так посчитать, семьдесят процентов отсюда уехало! А потом там хто-то кому-то где-то хто-то женился, откуда-то чё-то привез, и вот так набиралось. А потом после, вот уже в восемьдесят шестом году опять у нас тюрьма там была снова: это, химики, на химию отправляли, тоже опять жены. И многие заключенные – бабы и мужики – пооставались. Тут,

наверно, семей само мало десять, вот так и получился тот большой Чагоян, новый, а этот старый.

– А почему «Чагоян»?

– Чагоян – это называли китайцы. Это уже мой Николай знает, его родители жили здесь, мой муж родился здесь (*нрзбр.*) выше посёлок был Крондштадт. Крондштадт, там жили у него дедушка с бабушкой, вот, и дедушка там похоронен.

– А так называется почему?

– Крондштадт? А я не знаю почему. Там ключ Крондштадт течет. Кто назвал, чего назвал... и Николай родился там.

– А Сивагли?

– Сивагли. Раньше, вперед вот этих наших поселенцев, когда царь, в каком году?... по моему, в девятьсот четвертом разрешение дал, десять лет. А когда японцы да китайцы стали все переползать и уже золото мыли, ходили пешком, всё, ну до него слух-то дошел, что Дальний Восток – то уже не пустой, а заселяют иностранцы, вот! Он дал по всему нашему Союзу, вот, дал такой приказ, чтоб все ехали, десять лет налогов брать не будет! И как рванули молодые откуда...! Откуда ехали? Из Читы, вот Николаева его мать из Читы, отец, правда, русский был, здесь в верховьях жил, тоже неизвестно откуда оне приехали, ну, тоже, мож, откуда-то приехали. А мать с Забайкалья приехала, ее родители привезли. Вот видишь, отовсюду ехали, не только там из Белоруссии, из Украины. Ехали, раз он дал приказ, где было тесно, где земли... а он разрешил иметь и по две по три коровы, и коней, и земли, сколько ты можешь разработать! Ну, люди работающие и рванули все, и все сюда ехали! Вот это уже и бабушка рассказывала, и Николаевы родители.

«И вот они ихалы...»

Доценко Лукерья Степановна, 1938 г.р.,

с. Максимовка Октябрьского р-на Амурской обл.

Беседовали Лагута Н.В., Потапова А., 2011 г.

Обработала Лагута Н.В., 2011 г.

– Лукерья Степановна, вы в Панино родились, а родители ваши? Приезжие?

– Приезжие.

– А откуда приехали?

– Отец – с Белоруссии, а мать – с Киева. Ну, а я уже смесь.

– Приехали они порознь? Уже здесь женились?

– Здесь. Мама где-то окопы копала, и-и-и... а отец... я нэ знаю, как, шо... или, может, и их (г)дэ-то с Панино и посылали, вот этою я нэ знаю. Но оны встретились уже здесь, на Амурской земле.

– А они, примерно, когда приехали? Папа, мама? И как приехали? По переселению?

– Ой! Нет, они... её отец, мамин, они ехали на лошадях. Вот они с Киева, с Киевской губернии, оны, как рассказывали, там зэмли нэ мае, нгүде нычёуо нэ посадить, нэ построиться... и вот оны ихалы, у них було два коня, и вот оны, в общем, дед Авдей, это мамин отец, и баба Анна Анисимова, а у нэй було, у этой Анны Анисимовы было два брата – Даны-

ло и Сакий (?), и вот у них, на это, на три семьи, было два коня. И вот они едут, летом они вот едут-едут, потом начинают заготовливать сено. Сено наготовили и себе, где там разрешать им посадить чё, они продукты, чтоб всё было своё всё, и едут дальше. Вот у них были такие большиие тулупы, шубы, они вот картошку укрывали, чтоб нэ замерзла, свеклу, марковку, а уж за помидоры, уговарять, и за огурцы, уж разговаривать нечего: чё же, куда, уродить, вот шо свежее ели, а то, каже, так, хто нам разрешал и хто семья по-хорошему, всё отдавали им там в селе. Ну, вот, например, у нас тут бы они где-то обосновались, хто им чё давал, а шо осталось, всё забирали. И вот, они сюда приехали, тут – хаты делалы, тут был лес, дедушка рассказывал, прям тайга стояла. Они вот это пилили, всё рубили-пилили, делали квартиры, себе хаты, а-га, а хаты укрывали пырьём. Тут речка – Дим, начало её, вот она протекает, здесь её... така трава большая, пырьёй, и вот, они этот пырьёй косили, и в снопы вязали, и укрывали хаты, крышу. И вот, я помню, как уорела эта хата. <...>

Приихалы в Панино, там же тоже хохлы были.

– *Тожэ переселенцы?*

– Конечно, приезжие, также ехалы.

Там, знаете, у нас казалы, «гамбоши»...

Крицкая Евдокия Ивановна, 1931 г.р.,

с. Николо-Александровка Октябрьского р-на Амурской обл.

Беседовали Оглезнева Е.А., Блохинская А.В., 2010 г.

Обработала Лагута Н.В., 2010 г.

– *А в Покровке родились?*

– Там. В Покровке.

– *А родители ваши тоже там родились?*

– А у меня отец тоже в Покровке родился, десятого году, а мама позже приехала, (г)дэ-то (нрзбр.) это, Полтавский там, губернии, ага, Переясловский уезд.

– *И в каком году она приехала?*

– В одиннадцатом, ей три годика было. А отец тут родился уже.

– *Это вы с первых поселенцев, с самых первых?*

– А хто его... бабушка привезла... и отца тут родила.

– *А вы в каком году родились?*

– В тридцать первом.

– *Ну, там что, в Покровке, деревня, наверно, маленькая?*

– Была хороша деревня, очень хорошая, люди хорошие, веселó всеуда было, дружны булы, а здесь вот приихалы – мы тут чужие. У мэня дочка тут жила и сын.

– *А в Покровке там вот все примерно с одного места переселились?*

– А там... Да, там уже нету их, всё.

– *А раньше?*

– А раньше, мы уговорилы, вот, бабушка моя уговорила, она Киевской губернии, Киевской губернии, Переясловский въезд, дэрэвня Ерковцы, вот це моя бабушка... (В)она жила с намы, она умэрла у нас, она мне мноуо рассказывала, больше, чем мама. Маме некоуда бы-

ло, она работа, война... Отца убылы в сорок втором году. Остались нас трое детей да бабушка, со свэкрывью, мама не... Некоуда было, больше вот вона бабушка нам рассказывала.

– Ну вот, а отец, вы говорите, он здесь родился?

– Да.

– А его корни?

– А его там (г)дэ-то ж на Украине навэрно <...>

– А там (В Покровке) люди все из Украины были?

– Ага, вси так балакают, е...там, знаете, в нас казали, «томбаши», ну, чи «кацапы», а нас «томбащамы» звали. (В)она и дэрэвня... с того краю они и строилися. А село... то (тот край) называли Моцоковка, а це наше, край – Бурхановка называли.

– Моцоковка? А почему так называли?

– А нэ знаю.

– А Бурхановка?

– А це Бурхановка наша.<...>

– А «тамбоши», чем они отличались от вас?

– Ну, оны разуварывалы, ну, русский, кажут, сейчас же... а тоди чё ж, «томбашами»...

– А чем еще, может быть там, ну, еда какая-нибудь другая или еще что-то?

– Нэ знаю. А, каже, «томбашка»... як руґаются хохлуша с томбашкой. такое выражение (смеётся).<...>

– А еще откуда были там люди?

– Да хто их знает. <...>

– А русских не было там?

– Потом уже стали в пиисят пэ-эрвом, пиисятном... приезжать пэрэсэлэцы.

– А их как называли?

– «Курские соловьи»! (смеется).

«...Тут и хохол, хоть и кто, а все по-русски щас балакают...»

Сергеева Вера Прохоровна, 1937 г.р.

с. Покровка Октябрьского р-на Амурской обл.

Беседовали Кузьменко М., Самойленко Т., 2010 г.

Обработала Лагута Н.В., 2011 г.

– А чем отличаются хохлы от украинцев?

– Ну-у, украинц', вин вообще ж не так, украинец' вин вообще ж не так балака, как мы. У его там, знаешь, некоторы слова у их нэ поймэшь. А у нас... мы по хохлацки. У нас тут остались вот я, Буланчиха по-хохлацки, и брат Буланчихи по-хохлацки, и Чиписючка. Ну, Чиписючка, она счита себя и так... она и по-городском балакает, так считае себя, вот Райка (нрзбр.) ещё така, она нэ по-русски балакает. А у нас он сам русский Витька быў, а я по-хохлацки, а дети вси по-русски. Он-то с Курска сам, оны приихалы в трицать пятом ґоду, ему ґодик б'ыло, как они приихалы. И вот, а-а дety вси мэни по-русски этой... бала(кают). А тутэ у Покровке щас, знаешь, шо, и хохол, хоть и хто, а ўси по-русски щас балакають...

«А родился я здесь...»

Приходько Федор Иосифович, 1941 г.р.
с. Максимовка Октябрьского р-на Амурской обл.
Беседовала Самойленко Т., 2010 г.
Обработала Лагута Н.В., 2011 г.

– А вы местный житель, да?

– Конечно.

– А родители ваши?

– Родители мои с Украины.

– А откуда?

– Отец – Кровиподольская (?) там губерния была, а мать с Черниговской губернии там, вот.

– А родились вы уже здесь?

– А родился я здесь и даже дом ещё тот стоит, где я родился.

– А как они сюда переехали?

– Как? А то(г)да переселялись. Мать ко(г)да переезжала, ей убавили на два года, чтоб билеты не брать, два года, на два года она была старше, ей два года уменьшили то(г)да. Так она и до смерти с уменьшенными годами, ну, и жила, и на пенсию ходила с уменьшенными, и проживала практически больше на два года. Мать – тысяча восемьсот девяносто восьмого года, отец – тыща восемьсот восемьдесят восьмого. Ко(г)да революция произошла здесь, он был, ну, то(г)да воевали с этих, с турциев, с Турцией воевал, и ко(г)да уже всё произошло, им объявили, что власть сменилась у нас, он же за ураницей был. Одели их в новые мундирования, и не говорили там «за белых – за красных», в общем, в обстановку объявили, объяснили, какая в России, и отпустили. Он, ко(г)да вернулся на Украину, а его родители, его, уже переехали сюда. И вот, в общем, своим ходом добирался до Дальнего Востока. А то(г)да дорога была как раз до Бочкарёвки, не Белоурска, а ещё там надо было... Бочкарёвка, называлась, а от Бочкарёвки там станция, вот я забыл, вспомню, куда была железная дорога, вот, он туда поездом приехал, потом – пешком, его родители в Максимоуке...

– А вот эта деревня называется почему, ну, Максимовка?

– Её ко(г)да она, ну, намечалась, её называли Софиевка, женщина есть, была, и в честь её хотели назвать.

– А что за женщина это была?

– Ну, которая, ну, ездила и типа того проверяла, ну, комиссия была, какая деревня. Она была старшей, её звали Софья, и вот в честь её хотели назвать Софиевка. А ко(г)да начали заселять Максимовку, первый поселился Максим, имя – Максим, и так её и называли – Максимовка, вот эту деревню.

В настоящем выпуске продолжается публикация материалов для Словаря амурских говоров по итогам диалектологических экспедиций 2000 – 2010 гг. преподавателей и студентов АмГУ в села Амурской области. В разделе представлены лексикографические материалы на букву «М» (МА-МО). Многие диалектные лексемы и их варианты фиксируются впервые.

Принципы подачи материала, списки принятых сокращений представлены в фольклорно-диалектологических альманахах «Слово» Вып. 2 (2005 г.) и Вып. 5 (2007 г.).

Также в выпуске публикуется опыт лексикографического описания старообрядческой лексики из произведения П.И. Мельникова-Печерского «В лесах» (авторы Г.М. Старыгина и С.А. Чайкина).

МА – МО

МАГАРЬЧ, -а; м. Угощение со спиртными напитками в качестве выкупа за невесту. *И вот невесту подвозят и стараются, чтоб остановить этих коней. Ну, вот так. Выкуп, аҕа. И парни такие молодые собираются, берут коня, жениха и едут собирать магарыч. Ну, чтоб водку поставили там... Выкуп, аҕа, выкуп. Весело было (Великокняз. Бел.).*

АС –

МАЁВЫЙ, -ая, -ое. Сшитый из майи – лёгкой хлопчатобумажной ткани. *Сейчас же только маевые платья продают, просвечивающиеся. Куда мне в таких? (Урал. Шим.).*

АС –

МАЁВКА, -и; ж. Отдых на природе с родственниками и знакомыми в начале мая. *Вот, допустим, так: вот собрались мы семей несколько, поехали, как ... сейчас, маёвка, слово это уже не называется, вот в старину называлось, – на пикник. Потом при советской власти маёвка называлось (Светил. Бел.).*

АС –

МА́ЗАНКА, -и; ж. Крестьянский дом, плетённый из лозы и обмазанный глиной; тип жилища, свойственный переселенцам из Украины. *Всё везде стали русские занимать, эти мазанки, и жили в этих мазанках. – Что такое мазанки? – Вот столбики наставят, а потом эти из ...полы на эти поставят, потом переплетали, а потом мазали их глиной со всех сторон (Разд. Тамб.). На Украине у нас они же назывались мазанки, хаты. Тут усё деревянное, а у нас там деревья нету. – Так, а мазали на что? На кирпич? – Нет, просто бывают такие, эти, у доски, үлину замешивают, у доски бьют эту үлину. Вот она высыхает, ряд поднимает выше, эти доски, и опять. Как уот бетонные. А потом их обмазывают, обмазывают, белят (Саг. Арх.).*

АС –

МА́ЗАТЬСЯ, -жусь; -жешься; несов. Наносить макияж. *Теперь чепурься, мажься в туалете при зеркале (Черн. Своб.).*

АС –

МАЗУ́ШКА, -и; ж. Уменьш.-ласкат. к **МА́ЗАНКА**. *Мы и жили в той мазанке, из лозы сплетут, глиной обмажут, это мы на западе жили, там мазушки... (Краснояр. Маз.).*

АС –

МА́ИНА, -ы; ж. Углубление, сделанное во льду для ловли рыбы. *Делают такие маины кругом (камня), токо круг помаленьку такó чистют, чистют, а потом делют на несколько маин ... например, четыре* (Чаг. Шим.).

АС + (майна)

МАЙО́РЫ, -ов; мн. Декоративное садовое растение. *Не расцвели у ней цветочки. Я у неё в прошлый год майоры брала* (Зел. Бор Мих.).

АС + (майорка)

МАКОГО́НЧИК, -а; м. Глиняный продолговатый сосуд для приготовления наркотической смеси из мака. *А я эт макогончик припрятала на всякий случай, в нём же мак разводили, запрещено было* (Великокняз. Бел.).

АС –

МАКІ́ТРА, -ы; ж. и **МАКО́ТРА**, -ы; ж. Большой глиняный горшок для хранения и изготовления молочных продуктов. *Дальше, были большие такие глиняные, вот примерно такие высотой, вот так конусом, они назывались макитра* (Желтояр. Своб.). *Макитры, не, они такие, сделанные, как ведро, токо ни ручки не было, ничего. Только они глиняные такие были, хорошие прямо, красивые. И вот туды мы сметану собирали, там творог* (Зиг. Своб.). *Горшки макитрами называли, они были разной формы* (Черн. Своб.). *Макотры были такие... – А это как? – Это такая большая, объёмистая, серёдка полированная, сметану собирали* (Белояр. Маз.). *Были макотры, вот такая вот. Туды насыпят маку и вот так вот делают, делают. Он получится как молоко. Ой, до чего вкусно* (Гащ. Своб.).

Укр. МАКІ́ТРА – большой широкий горшок

АС –

МАКО́ТРА, -ы; ж. См. МАКІ́ТРА.

АС –

МАКУ́ХА, -и; ж. Жмых из семян масленичных растений (подсолнечника, сои), который использовали вместо сахара, а также в качестве приманки для рыб. *Макуху грызли вместо сахара, макуху. – А макуха это что? – Ну, подсолнечные, ну масло отделяли, остается... – Жмых вот этот? – Жмых вместо сахара* (Н.Андр. Бел.). *И она ... рыба в эту заходила за приманкой там, макуху туда ложили или её чё хлеб зажаренный. ... На маслобойках бьют масло подсолнечное, заводы есть подсолнечные. Это вот по-русски жмых, а по-нашему, по-украински, макуха* (Разд. Тамб.). *Вот масло бьют...это соевое масло, и хлопок вот, который выращивают, хлопок, на это смесь его семена, и вот с этого семена на масло били...* (Краснояр. Маз.).

Укр. МАКУХА, белор. МАКУХА.

АС +

МАЛÉГР, -а; м. Представитель аборигенного населения Приамурья – манегр. *А это, знаете, были тут, как эти, малегры, или как называют их? До переселения русских* (Урал. Шим.).

АС + (манегр)

МА́ЛЕНЬЧКИЙ, -ая, -ое. Маленький. *А там магазин такой маленький* (Заг. Сел. Своб.). ||

Ср. МАХОНЬКИЙ

АС –

МАЛÉСЕНЬКИЙ, -ая, -ое; **МАЛО́Й**, -ая, -ое; **МАНÉНЬКИЙ**, -ая; -ое и **МАСЕНЬКИЙ**, -ая, -ое. Маленький по возрасту. *Много убивают грозой. В одной семье семь человек сразу убило: отца убило, мать убило, трое пацанов убило, лошадь убило, собаку убило – самые малесенькие остались* (Черн. Своб.). *А чё нам сделают, если я малая была, ничё не посадили. (Гильч. Тамб.). Я была ма́лая, папы уже не было, все поворовали... (Черн. Своб.). А нас пятеро ма́лых наших, да вот четверо*

соседских, ну, вот бабка у мене ж покойная, и мать, и тетка, ну и соседка с этими, и с матерью, это ж мы все в том подвале сидим. (Дим Мих.). *Как мы заорали по всему Гурану и старики, и малые: «Ура, война кончилась!»* (Заг. Сел. Своб.). *Собрались все: и старые, и малые, и молодые девчонки* (Урал. Шим.). *Коуда сюда приехали, я ещё маненькая была, потому точно не знаю, почему родители сюда поехали* (Черн. Своб.). *Вот она, Полина масенька, этот семьдесят пятом году родился, этот семьдесят восьмом. Полина сейчас работая в этом, в Белоґорске, следователем, выучилась, на отлично сдала...* (Великокняз. Бел.).

АС –

МАЛЭСЕНЬКО и **МАНЕНЬКО**, нареч. Мало; немного; в небольшом количестве. *Как их воспитывать-то сейчас, эт правильно, можно маненько, и то не надо много родить* (Великокняз. Бел.). *Я говорю: «Налей малесенько, малесенько, лишь бы так, весело было»* (Краснояр. Маз.).

АС –

МАЛЕТКИ, -ок, мн. Дети. *Мы малетками ходили на тырло в городки играть* (Черн. Своб.).

АС –

МАЛИРОВАННЫЙ, -ая, -ое и **МАЛЯРОВАННЫЙ**, -ая, -ое. Эмалированный. *Малированное ведро несем с братом* (Урал. Шим.). – *А вы, когда корову держали, масло делали? – На зиму, девчата, наберу цело ведро малярованное. Натоплю цело ведро малярованное. Вот честно! Не брешу! И творогу ведро!* (Комиссар. Бел.)

АС +

МАЛ-МАЛ, МАЛ-МА́ЛО и **МА́ЛО-МА́ЛО**, нареч. 1. Немного, в некоторой степени. *А просто мал-мал понравился, выходит надо, двадцать два года было мне, я замуж вышла* (Заг. Сел. Своб.). 2. Кое-как, как-нибудь. *Ну, какая тогда ж свадьба была? Мал-мало вечер сделали* (Серебр. Своб.). *Ну, так живут, перебиваются, коров нет, сейчас тяжело с коровой, ну, все работают, живут так, мало-мало* (Зел. Бор Мих.).

АС –

МАЛ-МА́ЛО, нареч. См. **МАЛ-МАЛ, МА́ЛО-МА́ЛО**.

АС –

МА́ЛО-МА́ЛО, нареч. См. **МАЛ-МАЛ, МА́Л-МА́ЛО**.

АС +

МАЛО́Й, -ая, -ое. См. **МАЛЭСЕНЬКИЙ, МАНЕНЬКИЙ, МАСЕНЬКИЙ**.

АС +

МАЛОЛЕТНЫЙ, -на, -но. Малолетний. *Меня держали, говорили, что я малолетна, я сказала, что дома сидеть не буду, поеду работать* (Великокняз. Бел.).

АС –

МАЛЫ́ГА, -и; ж. Каша из кукурузной муки или крупы; мамалыга. *Мололи эту кукурузу. Так она нас выручила, эта малыга. – Это каша кукурузная? – Да. То каша такая крупная, а это как мука* (Краснояр. Маз.).

АС –

МАЛЯРОВАННЫЙ, -ая, -ое. См. **МАЛИРОВАННЫЙ**.

АС –

МАЛЯРОВКА, -и; ж. Эмалированное покрытие. *Ў чугунах готовили. У меня еще чугунка, одна, дак, ведерная, давала на эту, на обед, а там маляровка отскакала споднизу. Я все время делала холодец, как это, холодец варить, холодец варила ў ней* (Н. Андр. Бел.).

АС + (малировка)

МАМА́КА, -и; ж. Мамка; мать. *Мама-ка. Матеръ мамака звали* (Заг. Сел. Своб.).

АС –

МА́МКА, -и; ж. Самка животного, имеющая потомство. *Козули особенно вот весной, сейчас они с козлятами. Мамку с дитём убить, тогда чё будет, да?* (Гуран Своб.)

АС –

МА́МО, -ы; ж. Мама. *А это, наверно, мамо. А это теща моя, это теща, вот это тоже теща...* (Светил. Бел.).

АС –

МАНА́ТКИ, -ок, мн. Личные вещи. *А на то воскресенье, это, сын, внучек поедет с города, там живет в Благовещенске, уже с манатками её привезет, покамест до учений* (Зиг. Своб.)

Укр. МАНАТКИ.

АС –

МАНГЫ́РЬ, -я; м. и **МАНГЫ́РЬ**, -я; м.
1. Дикий чеснок. *Какой травы только не ели. Всё подряд. Был мангирь. Как чеснок вроде, а это дикий. Но он не такой горький* (Урал. Шим.). 2. Дикий полевой лук. *Вот когда только, значит, снег сойдет, ну, начинает уже оттаивать, первое, что мы получали от всего этого, витамины эти, мангирь – лук такой. Лук, он и сейчас на сопках растет, мангирь* (Сыч. Своб.). *Вы знаете, что такое мангирь, вы слышали, нет? Это полевой лук, подвид полевого лука* (Заг. Сел. Своб.). *Мангирь такой как ... лук в лесу растет. Такой – листья широкие, круулые* (Сыч. Своб.).

АС +

МАНГЫ́РЬ, -я; м. См. **МАНГЫ́РЬ**.

АС +

МАНЕ́З, -а; м. Майонез. – *А вот вы окрошку из чего делаете? – Я делаю с*

рассола капустного. Беру рассол, или вперед сварю яичко, колбаски порежу. Укропчику, лучку туда. Картошечку разомну, положу одну туда, ну, и этот рассол заливаю. Наливаю туда водички по вкусу – всё, и туды ещё ... или сметанки, или сейчас вот манез этот кладёшь. Молочка линёшь, и, пожалуйста, вкусно (Комиссар. Бел.).

АС –

МАНЕ́НЬКИЙ, -ая; -ое. См. **МАЛЕ́СЕНЬКИЙ**, **МАЛО́Й**, **МАСЕНЬКИЙ**.

АС –

МАНЕ́НЬКО, нареч. См. **МАЛЕСЕНЬКО**.

АС +

МАНЖУ́РЯ, -и; ж. Маньчжурия. *Там, в Манжури, встретили войну* (Чемб. Своб.).

АС –

МА́НТИЯ, -и; ж. Особенность поведения в определённой ситуации, манера; мания. – *Ну, пойдёмте, чай попьём к нам! – Нет, – говорит, – мы уже до дому поедим. Ну, надо же что-то сказать, а у ей такой мантии нету* (Зел. Бор Мих.).

АС –

МАРИМА́Л, -а; м. Мемориал. *У меня воевал дядька. Он погиб. Есть в Костюковке ... маримал стоит. Там его фамилия* (Зиг. Своб.).

АС –

МА́РКЕР, -а; м. Сельскохозяйственное орудие, которым делают борозды при посадке картофеля. *А маркер этот, вон он сейчас покажет. Просто тянет такую борозду, и по этой борозде ложишь картошку. Она ровненько получается* (Гащ. Своб.). *На огороде мы работали маркером* (Черн. Своб.).

АС +

МАРМИШЕ́ЛЬ, -и; ж. Вермишель. *С молоком и мармишель, и картошку варили* (Чемб. Своб.).

АС –

МАРЬ, -и; ж. 1. Низменное болотистое место, поросшее ягодным кустарником. *У нас вот*

там, где мы жили, было очень много ягоды. Вот таки были мари, вот зай-дешь, вот синё, вот везде синё, всё синё, голубицу собирали (Великокняз. Бел.). Мари есть, это ягода там, на марях-то ягода растет же, называется марь (Гриб. Арх.). Голубица есть там, по марям. (Кр. Луч Арх.). 2. Большое болотистое пространство. А, бываю иду, знаете, вот три доски через марь – болото, и вот, знаете, иду, дышать нечем (Урал. Шим.). Марь – это вон, большое такое расстояние, а падь – это небольшое такое расстояние (Кр. Луч Арх.). 3. Высохшее болото, которое можно использовать под пашню. На переселённом месте копают (деревья) и мари пахнут, и сажают (Урал. Шим.).

|| Ср. **МОТЯЖИНА**

АС +

МА́СЕНЬКИЙ, -ая, -ое. См. **МАНЕНЬКИЙ**, **МАЛÉСЕНЬКИЙ**, **МАЛОЙ**.

АС –

МА́СЛЕНКА, -и; ж. Праздник Масленица. Катаешь на масленку. Вот масленка, катались на конях, разукрашены лошади (Урал. Шим.). Новый год отмечали, седьмое ноября – государственный праздник, а так свои уже праздники старые: пасха, рождество, масленка, еще какие-то старинные праздники, да их много всяких (Чаг. Шим.). У нас престольный праздник был, все съезжались, вся родня, крещение. А ну, все: рождество, крещение, пасха, масленка, ну, вы знаете это всё (Сыч. Своб.).

АС +

МАСЛЁНКИ, -ок; мн. и **МАСЛЮКИ**, -ов; мн. Маслята. Да, маслénки – самые вкусные грибки (Черн. Своб.). А грибы собираете? – Раньше собирали. Там сушеные у меня лежат. А еще маслénки,

вон тут их полно (Урал. Шим.). Грибы у нас растут всякого рода: и маслюки, и обабки (Черн. Своб.).

АС –

МАСЛОБОЕЧКА, -и; ж. Уменьш. к **МАСЛОБО́ЙКА**. Масло в маслобоекке делают, это ступа такая, тама палочка, на ей кружочек небольшой, ступу закрываешь и бьешь, и масло получается (Черн. Своб.).

АС –

МАСЛОБО́ЙКА, -и; ж. и **МАСЛОБО́ЛКА**, -и; ж. Приспособление для домашнего приготовления масла, представляющее собой небольшую бочку с крышкой, в отверстие которой вставляется палочка с крестообразной деталью внизу для сбивания. Маслобойки были, раньше сами масло били (Желтояр. Своб.). Я всё время била масло в маслобойке (Черн. Своб.). У нас раньше молоко было, и сметану, и масло в маслобойке взбивали (Черн. Своб.). А такая, маслобойка така круглая бочка, колпак так, колотишь, колотишь, колотишь (Урал. Шим.). Так отдавала масло, что делать, бить ... Маслобойку... просто она была и сделана. Такая бочечка, кружок такой, палочка, в кружке – дырочка. Вот так вот в этой бочечке гоняешь, и масло сбивает там (Гриб. Арх.). Масло раньше били в маслоболке (Черн. Своб.).

АС + (масленка, маслénка)

МАСЛОБО́ЛКА, -и; ж. См. **МАСЛОБО́ЙКА**.

МАСЛЮК, -а; м. См. **МАСЛЁНКИ**.

АС +

МАСЛЯ́НКА, -и; ж. Молочный продукт, получаемый после переработки масла. Потом отходы от масла, бьешь масло со сметаной, отходы у нас называли кто пахта, кто маслянка (Урал. Шим.).

АС + (другое значение)

МАСТЕРО́Й, -ая, -ое. Человек, умеющий искусно мастерить, делать что-либо своими руками; мастер. У нас дедушка был мастеров-

вой. Он был сапожником, всё сам делал.
<...> – Ступа большая, да? – Ага. Она у нас на улице была, вот у нас батька-то был мастеровой... (Краснояр. Маз.).

АС –

МАСТЬ, -и; ж. Вид, облик. Деревянный дом одной масти, тогда заключенные строили, в сороковом году, до войны еще (Зиг. Своб.).

АС –

МАТ, -а; м. Спец. Мешок из грубой ткани, который используется для промывания золота. Она большая такая бутара, и наверх стелется мат, так толстый ... шерстяной (Урал. Шим.). Ну, трафареты металлические. Внизу суконный коврик <...> Это рогожевы мешки. Мы их матами называли (Урал. Шим.).

АС –

МАТ \diamond **МАТА ЗАВЕРНУТЬ**. См. **ЗАВЕРНУТЬ**.

АС –

МАТ \diamond **МАТОМ ЗАГНУТЬ**. См. **ЗАГНУТЬ**.

АС –

МАТЕРИ́НШИЙ, -ая, -ое. Любящий сквернословить (о человеке) Мы сюда приехали, мы удивились: доярки такие маты ѳнут! Не знаю, почему они такие материнские были! (Зел. Бор Мих.).

АС –

МА́ТЕРНЫЙ, -ая, -ое. Относящийся к матери; материнский. А у моей матерной сестры отец был без ноѳи, на деревяшке ходил (Ин-ка Арх.).

АС –

МАТЕРКЇ́, мн. и **МАТЮГЇ́**, мн. Неприличные, бранные слова; мат. Вот оне до двенадцати ночи пляшут, гуляют. Ни пьяных нету, ни матерков нету (Урал. Шим.). Мы раньше ничё не боя-

лись, а сейчас все всего боятся. Парни обижают, матерки говорят (Черн. Своб.). Ничё молодым не скажи! Если скажешь, заорет и пошлет, где ни был, такими матюгами (Н.Андр. Бел.).

АС –

МАТЁ́РЬ, -и; ж. Материал, тканевое полотно, предназначенное для шитья. А низ, вот это полотно, матерь, материал же, полотно (Желтояр. Маз.).

АС –

МАТЕРЬЯ́ЛЬЧИК, -а; м. Уменьш. к **МАТЕРИАЛ**. Еще такой матерьяльчик дорогой и вот называли пльсс (Великокняз. Бел.).

АС –

МАТЕРЬЯ́ЛЬЧИСТЫЙ, -ая, -ое. Сделанный из материала; матерчатый. Пошла в первый класс. А тут не ходили так, такое вот всё матерьяльчисто. «Ой, холшевятина приехала», – шубы с борчатами подавай. Мы как в школе – да в слезы. И не пошли. Так и осталась я неграмотная (Краснояр. Маз.).

АС –

МА́ТКА¹, -и; ж.; **МАТИ**, -и; ж. и **МА́ТЫ**, -и; ж. Мать. Моя матка крепко не хотела, чтоб я шла за него (Дим Мих.) Ну, и чё, и матка плачет, и всё, и «Ой, не надо, не надо». (Краснояр. Маз.). Сын ейный тоже буйный, матке по башке бил так, аж палка напололам поломалась (Чемб. Своб.). – А как называли своего отца? – Батька, матка (Белояр. Маз.). – А как к этим девкам относились, которые в войну принесли детей-то? – Ну, а чё, матки поругали, поругали, да тоже семья (Н.Андр. Бел.). Сейчас матка уже умёрла (Желтояр. Своб.). У нас даже мати делала какой-то сладкий сыр, такие формы деревянные отец сколотил ей, и вот она это всё это делала (Сыч. Своб.). Маты своего сына в армию провожала. А маты и отвечает, что рада (Успен. Бел.). То видная маты, она про-

вожсала сыночка в солдаты (Великок-
няз. Бел.).

Укр. МАТИ, белор. МАЦІ.

АС –

МА́ТКА², -и; ж. Овца. *А овец как зовё-
те? – Маткой, больше никак* (Чаг.
Шим.).

АС –

МА́ТКА³, -и; ж. Опорная потолочная
балка. *Они так вот, внизу под полом
называются балки, где пол строят. А
уже перекрытие на потолок называется
матка* (Мих. Маз.).

АС +

МА́ТИ, -и; ж. Устар. См. **МА́ТКА**,
МА́ТЫ.

АС –

МА́ТЫ, -и; ж. См. **МА́ТКА**, **МА́ТИ**.

АС –

МА́ТОЧНИК, -а; м. Личинка пчелы в
стадии развития. *Есть маточники, от-
тягивают они, а потом с маточника
выходится пчела, матка. Пчела выво-
дится и размножается. Вылетает*
(Комиссар. Бел.).

АС + (другое значение)

МА́ТОШНЫЙ, -ая, -ое. Содержащий
неприличные бранные слова; матерный.
*Подожди, забыла я, как её, как они,
ведь матошные частушки пели, это ку-
да годится* (Гильч. Тамб.).

АС –

МАТРАСÓВКА, -и; ж. Большой мешок
из непромокаемой ткани, используемый
в качестве упаковки. *Всё зашито было,
всё запаковано, уже три матрасовки,
две упаковки ... Матрасовка – упаковки
такие, которые вот зашивают, вот
эти товары идут, они такие непромо-
каемые, как палатка, вот с такого ма-
териала* (Урал. Шим.).

АС –

МАТРОСЁНОК, -нка; м. Сын матроса. *На
руках сына несла, крепко целовала: «Прими,
мама, прими нас, беда небольшая; Матросё-
нок будет звать бабушка родная. (Мать доч-
ке говорит, матрос замуж не возьмет,
насмеется, бросит)* (Урал. Шим.).

АС –

МАТЬ, -и; ж. Обращение к жене. *О чем
можно рассказать? Иди, мать, рассказывай*
(Заг. Сел. Своб.).

АС –

МАТЬ, -ю, -ешь; несов. Иметь. *А кто дочек
мае, пускай научает, гулять не пускает*
(Успен. Бел.).

Укр. МАТИ, белор. МЕЦЬ

МАТЮ́ГА. ◇ **МАТЮ́ГОЙ НАГНУ́ТЬ**. Вы-
разиться нецензурно, с использованием ма-
терной брани. *Я нико́го не трогаю, а кто за-
тронет, матюгой нагну* (Чемб. Своб.).

АС –

МАТЮ́ГІ, мн. См. **МАТЕРКІ**.

АС –

МОТЯЖИ́НА, -и; ж. То же, что **МАРЬ**. *Вот
есть такие мотяжины, где вот марь, вот
ягодники. Ну, там в основном мох...* (Гриб.
Арх.). || Ср. **МАРЬ**

АС +

МА́ХОНЬКИЙ, -ая, -ое. Маленький. *Ребенок
народился, помёр, суточки прожил, как ку-
колка махонькая была, живая* (Дим Мих.). ||
Ср. **МАЛÉНЬЧКИЙ**

АС + (махочкий)

МАШКАРА́ДЫ, мн. Участники народных
гуляний, наряженные в необычную одежду. –
*А потом я оттуда иду, а машкарады меня
как встретили ... - А в кого наряжались? –
Понаднут шапки, понамажутся сажеей, ну,
черти да и черти* (Краснояр. Маз.).

АС –

МАШКАРА́ДИТЬСЯ, -ишься; несов. и
МАШКИРОВА́ТЬСЯ, -уюсь, -ешься; несов.
Рядиться в костюмы для участия в народных

гуляниях. *Так мы и не машкарадимся* (Краснояр. Маз.). *А на Новый год машкировались, иду как-то, а они меня тут встретили, ну, подружки также понарядились* (Краснояр. Маз.).

АС +

МАШКИРОВАТЬСЯ, -уюсь, -уешься; несов. См. **МАШКАРАДИТЬСЯ**

АС +

МАЩІНА, -ы; ж. Машина. *Парень один меня тащит в мащину, я упираюсь, не иду, не иду и всё* (Великокняз. Бел.).

АС –

МА́ЯТЬ, -ю, -ешь; несов. Иметь, испытывать. *А кто работал? Кто нужду мает, тот и работает. А сейчас молодежь работать не хочет* (Черн. Своб.)

АС –

МЕДА́ЛЯ, -и; ж. Нагрудный знак; медаль. *Медалью получала за пятидесятилетие* (Великокняз. Бел.).

АС –

МЕДВЕ́ДКА, -и; ж. Телега с березовыми колесами для перевозки бревен. *И медведки эти, на которых вот весной ... Там березовые такие колеса выпиливали* (Урал. Шим.)

АС –

МЕДИЦІ́НА, -ы; ж. Собир. О врачах скорой медицинской помощи. *Если пожарка – тушат, если по медицинам – медицина хватает, в госпиталь сразу, потом ... разбираются* (Светил. Бел.).

АС –

МЕДІ́ЧКА, -и; ж. Женщина – медицинский работник, медсестра или фельдшер. *А приехала к нам молодая медичка, она нас учила танцевать под патефон* (Урал. Шим.). *У нее уже вот Лена работает медичкой* (Урал. Шим.). *А невестка медичка. Ну, фельдшером ра-*

ботаает (Зел. Бор Мих.). *Наша медичка приходила, ему уколы наипарила* (Черн. Своб.). *Когда Валера приехал, я говорю: «Идите, свою медичку с города позовите»* (Черн. Своб.). *А медичка только в городе была, в деревне у нас ее нет* (Черн. Своб.).

АС –

МЕДМЕ́ДЬ, -я; м. Медведь. *Дед Назар Богородов зарезал косой медмедя* (Черн. Своб.).

АС +

МЕДОГО́НКА, -и; ж. Самодельное устройство, с помощью которого добывают мед. *Дед сделал медогонку сам, мой дед вот умел делать, сделать, ну, вот качать стали мед* (Дим Мих.). *Когда качаешь этот мед, и там медогонка стоит, там и качаешь его. Рамки вынимаешь с этого улика, ставишь в ее, в медогонку, и мед вылетает* (Юхта Своб.). *Медогонка – это бочка, в ней, значит, расположены рамки, крутят, движется очень быстро, и выходит весь мед, вытекает, и выливают в флягу* (Светил. Бел.).

АС –

МЕДУ́ЗА, -ы; ж. Хлебница. – *Вот, медузу откройте. – А медуза – это хлебница? – Ну да, это хлебница, это мы так ее называем* (Кухт. Луг Шим.). *Медуза – это хлебница? – Хлебница, ну, это мы так, нарочно называем* (Урал. Шим.).

АС –

МЕЛЕСТІ́Н, -а; м. Плотная хлопчатобумажная ткань тёмного цвета с блеском. *Вот телогрейки, знаете, может быть, видели, вот телогрейки есть такие, а то мелестин, он блестящий такой, это самое, как сатин вот есть, блестит он, а это вот потолще, мелестин его называли* (Великокняз. Бел.).

АС +

МЕЛКА́ШКА, -и; ж. Небольшое ручное огнестрельное оружие; винтовка. *Мелкашка была. Ну, мелкашка – это та же винтовка, только от знаешь, как биатлонисты показы-*

вают, стреляют, маленькая такая (Чаг. Шим.).

АС –

МЕЛКИЙ. ◊ **МЕЛКАЯ РОДНЯ.** См. **РОДНЯ.**

АС –

МЕЛОЧЬНА, -ы; ж. Собир. Небольшие, мелкие деньги. *Совсем плохо живем, но все-таки месяц пройден – пенсию дают. А тогда же ни копейки, где какая мелочина там – вот молоко там или сметана – всё на базар, яйцо сами не едим – на базар* (В. Урт. Конст.).

АС –

МЕЛОЧЬ, -и; ж. Изделия из теста небольшой формы; печенье. – *Ну, мелочь другой раз захочешь, мелочь: тарок, печенюшек напечешь. – А что такое тарки? – Да, тарочки, печенюшки* (Н. Андр. Бел.).

АС –

МЕЛЬ. В знач. сказ. Множество, в большом количестве. *Комара мель, прям жуть, всего искусают. Да мошки всякой не меньше* (Урал. Шим.).

АС –

МЕНИНЫ, мн. Именины. *Допустим, менины или чё там, праздник какой там, где-то немного собираются, конечно. Иногда поёт кто там, ну, мало* (Костюк. Своб.).

АС –

МЕНОВАТЬ, -ую, -уешь; несов. Именовывать, называть. *Иванчиковский сельсовет, сейчас не знаю, как они менуют, ну, как старая была, я помню* (Лохв. Бел.).

АС –

МЕНЬШОЙ, -ая, -ое. Младший. *Нас в семье много было, я шибко уж меньших любила* (Черн. Своб.). *У меня только меньшая внучка живет* (Черн.

Своб.). *Меньшой ходит, бичует* (Черн. Своб.).

АС –

МЕРЕЖИТЬ, -у, -ишь; несов. Вышивать, вытягивая и соединяя нити в узор. *Раньше мода была: вышивали, мерезжили, мерезжку делали. Мерезжка – это вот нитки выдерживаешь, а потом нитки соединяешь, как ты хочешь* (Краснояр. Маз.).

Укр. МЕРЕЖАТИ.

АС –

МЁРЗЛЫЙ, -ая, -ое. Замерзший (о человеке). *До сих пор мокрые, не высохшие, мокрые, мёрзлые* (Разд. Тамб.).

АС –

МЕРИКА́НСКИЙ, -ая, -ое. Американский. *Своё у нас тут ничё не было, все мериканские. Хлеб был американский, белый-белый-белый* (Сыч. Своб.).

АС –

МЁРКА, -и; ж. Двухметровая палка с насечками для измерения спиленных деревьев. *В руках мерка. Палка это двухметровая. Там на ней рассечено по полметра. Отмерить сколько надо. К примеру, шесть метров* (Урал. Шим.).

АС –

МЕРТВЕЧА́ТИНА, -ы; ж. Труп человека или животного. *А туда дальше в лесу, там болото и речка. Такая бойня была! После мы туда ходили в лес один раз. А так идешь: там нога лежит, ну, уже кости. Мама: «Вот это с ноги кости, а вот это с руки кости ... А там волки, а они же привыкли мертвечатину эту есть...* (Великокняз. Бел.).

АС –

МЕРТВУ́ШКА, -и; ж. Морг. *Мы вот сошлись с дедом, имели семеро детей, пять сынов. И мы прожили всю жизнь. А потом он помер, в мертвушку везли, похоронили, лет десять прошло* (Черн. Своб.). *И меня скорая,*

сразу в больницу положили, а этих в мертвушку троих увезли (Урал. Шим.).

АС –

МЁСЛО, -ы; ж. Танец [какой?]. *Вот под «Семеновну» мы и танцевали, меслу танцевали, круковяк. Все были так, ой, цыганочку плясала, яблочку плясала (Дим Мих.).*

АС –

МЁСЯЦ, -а; м. Радуга. *А радугу звали месяц (Разд. Тамб.).*

АС –

МЕТА́ЛЛ, -а; м. Металлический лом. *А пацан несет там металл немножко накопанный (Черн. Своб.).*

АС –

МЁТРИКИ, -ов; только мн. Свидетельство о рождении. *Когда сельсовет сгорел, все наши метрики и погорели (Чемб. Своб.). Ну, это паспорт, у вас чё, а это свидетельство о рождении, метрики назывались (Заг. Сел. Своб.). У меня метриков не было, или как свидетельство щас называют, раньше метрики называли (Светил. Бел.).*

АС –

МЁША́НКА, -и; ж. Кормовая смесь из злаков, травы, с добавлением комбикорма. – *Как вы говорите – мешанка? – Ага, вон намешаю, а он и не поставил. Таз наклал, целый таз. А это комбикорм покупаем птичий и туда травы молочай, там в огороде в конце растёт, и это всё нарежем мелко, и его нарежем, и хорошо получается (Н.Андр. Бел.).*

АС +

МЕШКО́ТИНА, -ы; ж. Грубая ткань; мешковина. *Так деревянные, вот так вот, и там обошьют этим, мешкотинной, повесют и качают, вот так (Гильч. Тамб.).*

АС +

МЕШО́ЧНИК, -а; ж. Человек, перевозящий товары в большом количестве. *Приехали мы с нём, с Витькой, на вокзал. Там сидят эти, мешочники (Черн. Своб.).*

АС –

МЁРКАТЬ, -ю, -ешь; несов. Тщательно мыть, очищать от чего-либо *Я мыла, наклонилась, мёркала его, ну, бак такой большой (Великокняз. Бел.).*

АС –

МЁРТВЫЙ, -ая, -ое. Неподвижный. *И как илётнулась этим боком, перевернулась, да и лежу мёртвая (Урал. Шим.).*

АС –

МЙ́ЛКА, -и; ж. Привлекательная девушка, молодая женщина. *Мы сильно не голодовали, у матери был скот был, я, милка, вязала, вышивала (Разл. Своб.).*

АС –

МЙ́ЛОСТИ́НКА, -и; ж. Милостыня. *На Пасху милостинку разносили (Черн. Своб.).*

АС –

МИ́НИ́СТЕР, -а; м. Министр. *Я вот недавно радио включил, министр сельского хозяйства, значит, должен просить Ивана какого-то, чтоб он дешевле продал солярку сельскому хозяйству (Дим Мих.).*

АС –

МИ́НУ́ТЬ, -ую, -ешь; сов. Пойти (о дожде), пролиться. *Хоть бы дождь минул, а то совсем всё засохнет (Чемб. Своб.).*

АС –

МИРСКО́Й, -ая, -ое. Предназначенный для посторонних, пришедших в гости людей. *Отдельная посуда для гостей мирская называлась. Мы-то ели со своей посуды, нам не разрешали с мирской (Юхта Своб.).*

АС –

МЙ́ССИ́НГ, -а; м. Митинг. *У нас у Бигамле, у районе был миссину (Разд. Своб.).*

АС –

МИСТУРА, -ы; ж. Микстура. *Там врачиха, чё-то не знаю, мистуру каку-то давала* (Великокняз. Бел.).

АС –

МНУК, -а; м. Внук. *Ну, езжай! Учись. Ну, поучилась. Потом Андрюшу нам принесла. Была это самое, мы-то Андрюшу сюда заберем, мнука, то туда привезем, она работала, а работала там недалеко от маузина* (Великокняз. Бел.).

АС –

МНУЧКА, -и; ж. Внучка. *С больницы вышла я, дочь приехала и мнучка за мной* (Великокняз. Бел.).

АС +

МОГЫ́ЛА, -ы; ж. В значении сказ. Скучно, невесело. *Ой, весело как было, а сейчас могила стала. Мне не ндравится сейчас* (Великокняз. Бел.).

АС –

МОДАЛЬЁР, -а; м. Модельер. *А другая дочка за немца вышла, на модальера выучилась* (Чемб. Своб.).

АС –

МО́ЖА и **МО́ЖЕ**, вводн. сл. Употребляется для выражения неуверенного подтверждения; возможно, может быть. *Он кричит, одного я знаю кто, а, можа, меня не один бил* (Черн. Своб.). *Анжел у меня хороший, спас вот так, ага. Я часто смеюсь, и вот почему, може, я японцев не люблю* (Великокняз. Бел.).

АС –

МО́ЖЕ, вводн. сл. См. **МО́ЖА**.

АС –

МО́КОВКА, -и; ж. и **МОХО́ВКА**, -и; ж. Ягода, растущая на болотах. *Моковка – это что за ягода? – Вот така, как смородина, тока такими полосочками. Крыжовник, знаете же, крыжовник?* (Зиг. Своб.). *Ягода голубица была, брус-*

ника была, моховка была ... А моховка, она на болоте росла, там на Наре (Покр. Благ.).

АС + (моховка)

МОКРЕ́Ц, -а; м. Сорная однолетняя трава. – *Какие есть на огороде сорняки? – Ой, сейчас дак вот этот, мокрець замучал. Мокрець, я не знаю, где он взяла, его никогда не было, вот уже сколько лет этот мокрець, ух, он как мучает. А он такой, заслоняет землю, как стелется всё равно ...* (Зел. Бор Мих.).

АС +

МОЛОДЕ́ЙШИЙ, -ая, -ее. Молодой. *Эдак, я была молодейша, молодая когда* (Разд. Тамб.).

АС –

МОЛОДИ́ВО, -а; ср. Беловатая жидкость, выделяемая грудными железами самок млекопитающих перед родами и в первые дни после них; молозиво. – *А когда корова отелится, первое, это как? – Молодиво, ну, эт теленку ток надо, молодиво* (Великокняз. Бел.).

Белор. МОЛОДЗІВА

АС +

МОЛОДИ́К, -а; м. Молодой месяц в первой четверти новолуния. – *А на молодике зубы заговаривают хорошо! Вот я выйду, когда молодик обязательно поможет человеку. – А молодик – это когда? – А молодик – только одна четверть, как палец, урбочек такой. Луна полукруглая такая. Молодой месяц* (Краснояр. Маз.).

АС +

МОЛОДИ́ЦА, -ы; ж. Молодая женщина. *А с этой, как раз мы молодницей, соседкой, поссорились* (Разд. Тамб.).

АС –

МОЛОКА́Н, -а; м. Представитель христианской веры, выступающий против обрядов и традиций официальной церкви; молоканин. – *Ну, молоканы, вера такая. У православных своя вера, у молокан своя. Православных*

здесь мало было, баптисов мноуо и молокан мноуо, вот (Жарик. Тамб.). Ну, что, молокане очень любили лапишу с гусятиной, это и свадьба, и похороны, без лапиши не обходилось (Толст. Тамб.). И детей у нас не крестили, у молокан не крестили. Они не понимали этот крест, крест этот налаживають. Что за крест? (Гильч. Тамб.). Там молоканы живут, ну. – Кто такие молоканы? – Ну, русские! Мы их называли молоканами. – Почему их называют молоканами? – Ну, даже я тебе не скажу, это молоканы (Дим Мих.). У молокан были чисто намытые стёкла, блестели, прямо, как жар, уорели, а всё прозрачно было (Толст. Тамб.). А длинные юбки, кофточки короткие с оборочками, со стёжечкой молоканы носили (Жарик. Тамб.). А молоканы – русские люди. Обычай какой у них: раньше они свиней не держали, урех, как тебе сказать, урех был, и лошадь они не резали никогда, не ели (Гильч. Тамб.).

АС –

МОЛОКА́НКА, -и; ж. Женск. к **МОЛОКА́Н**. У меня мать – молоканка, отец тожеть (Краснояр. Маз.). Вот у меня, например, бабушка вот эта, молоканка, она не ела ни свинину, ни, знаешь, если там пирожки испекуть, да там, бывает сало попадет, Боже упаси, не станет исть (Гильч. Тамб.).

АС –

МОЛОКАНЬЁ́, -ья; ср. Собир. к **МОЛОКА́Н**; молокане. Это они молоканьё. У них такая вера. Они ... курить не курют, водку не пьют. Ну, у них, видите... Православны, у них и иконы там есть, а у молоканов нет. Попов нет у них, у них только старцы (Краснояр. Маз.).

АС –

МО́ЛОНЫЙ, -ая, -ое. Молотый (о перце). Нонче запекала, когда сын приходил. Туда чеснок, лавровый лист, перец молоный (Чемб. Своб.).

АС –

МО́ЛОНЫ́, -и; ж. и **МОЛОНЫ́Я**, -и; ж. Молния. Вот... муж был: «Что ты лечишь?» Туда-сюда, давай ругаться. Ну, и однажды уворит: «Тучка большая». Он все равно работать. Хоп – и убила молонья, молонь его (Рош. Тамб.).

АС + (молонья)

МОЛОНЫ́Я, -и; ж. См. **МО́ЛОНЫ́**.

АС +

МОЛОТÍЛКА, -и; ж. Устар. Ручное орудие труда в виде палки с цепом для обмолота зерна. Молотилка есть, вот когда они крутят эту молотилку. – Муку делали? – Нет, така ... вот сейчас комбайн, а то была молотилка (Урал. Шим.). Ну, всякие сноповязалки, молотилки (Толст. Тамб.).

АС +

МОЛОТÍТЬ, -чу, -ишь; несов. Экспр. Много, долго говорить. – А они чё – муж, сын сидят, молотят свои проблемы. Не вспоминают (Н.Андр. Бел.).

АС + (другое значение)

МОЛО́ЧНИЦА, -ы; ж. Кормящая грудью женщина, у которой много молока. Я детей своих по два года кормила, не обижался на меня. Я молочница была, молока много было (Черн. Своб.).

АС –

МОНГО́ЛЯ, -и; ж. Монголия. Отправили на фронт нас в Монголю (Чемб. Своб.).

АС –

МО́РДОБРЕ́Й, -я; м. Неодобр. Парикмахер. – Он тут всё знал, и мы сюда уехали. А он вообще мордобрей. – Это кто такой? – Парикмахер. Мордобрей. – Понятно. – Там работал в парикмахерской (Куроп. Тамб.).

АС –

МОРДУ́ША, -ы; ж. Приспособление для ловли рыбы, сплетенное из лозы или проволоки, округлой или вытянутой формы с двумя небольшими отверстиями – *А чем ловили рыбу? – Удочкой. И плели еще с проволоки вот ... алюминиевой, мордуши делали. Она так и закрыта, завязывается туда приманку – хлеб или там чё – оттэда заход у ней (Жар. Тамб.). Ну, мордуши – это плетут из... ива у нас растет, в основном, и плетут из алюминиевой проволоки. Ну, значит, идёт так вовнутрь маленькое горлышко, рыба туда заходит, а там пространство большое, а выйти не может, а приманку туда кладут вовнутрь. Кто их называет «корчаги», кто их называет «мордуши», кто их называет «верши». Это в зависимости от старых происхождений, способов ловли и прочее (Урал. Шим.). Ещё рыбу ловят этой, мордушей. Она делается из лозы, как корзинку такую плетут длинную. От такая горловина, а туда внутри плетется и закрывается крышечкой, а когда рыбу ловят, ее открывают (Урал. Шим.) Дак вот, я там мордушу ставлю. А ну, какие-то тоже студенты, две девчонки пришли, тоже так вот спрашивают. А так я потом подумал, и если потом как за рыбу будешь отвечать. Здесь же они, мордуши, не разрешаются. Ну, а я ставлю, ловлю такую, сорную рыбу, синявка (Великокняз. Бел.). – А чем рыбачили? Перемётов не было? – Не, мордуши были, да поворовали люди (Великокняз. Бел.). Ну, обыкновенная как бы мордуша, как бы куда ей заплывать, тут крылья такие большие были (Светил. Бел.). Это рыбу ловят. Корчага, а это мордушка. Мордуша вот она алюминиевая проволока*

*(Заган Своб.). Удочки, мордуша. Это вот так вот начинается, а тут четыре проволоки, а здесь замыкаешь, так переплетаешь. Она заходит туда, в эту дырку (Костюк. Своб.). На речке ставили запруду, мордуши ставили, такая плетеная сеть, поставят, потом утром пришел и снял её (Сыч. Своб.). – Ну, мордуши ставить называется. – А мордуши – это что такое? – Ну, такая, как сетка, сплетенная такой длиной. – Где-то с метр, да? – Да. Ну, можно поменьше, есть и маленькие, всякие (Мих. Маз.). – А здесь проволоки плетеные, это как называется? – Ага, мордуши. Вон там вон, красивые такие наплел (Н.Андр. Бел.). || Ср. **ВЕРША, КОРЧАГА***

АС +

МОРДУ́ШКА, -ы; ж. Уменьш.-ласкат. к **МОРДУ́ША**. *Вот рыбак поехал, мордушки повез (Великокняз. Бел.).*

АС +

МОРК, -а; м. Пасмурная ненастная погода; морок. – *Как у вас называется плохая погода? – Ну, есть морк называется (Гриб. Арх.).*

АС + (морок)

МОРЧА́ТЬ, -ает, безл., несов. Становиться ненастным, пасмурным (о погоде). *Вот это вот морчает, тучи, вот это вот морчает называли, тучи ходят (Гриб. Арх.).*

АС + (морочать)

МОРКО́ШКА, -и; ж. Огородное растение; морковь. – *А огород у вас есть? – А оуород есть, ага. – Что садите там? – Картошку, мелочь усяку. – Морковку, свеклу, да? – Моркошка, ага, моркошка всё. Всё это есть, и помидоры, и капуста, и всё, и лук, чеснок... (Гильч. Тамб.).*

АС +

МОХО́ВКА, -и; ж. См. **МО́КОВКА**.

АС +

МОХОМО́Р, -а; м. Несъедобный ядовитый гриб; мухомор. *Мохоморы есть. Вот тут*

в лесу после дождя их полянка такая
найдется (Урал. Шим.).

АС –

МОХОТКА, -и; ж. Глиняный горшок.
Подымала желудок мне, такая длинная
у неё мохотка, как горшок. Ложит ее
на живот, и засосало мне. Это она чем-
то там намазала — и вспыхнет, и раз

положила, и тянет, тянет (Гильч. Тамб.).

АС +

МОХОТОЧКА, -и; ж. Уменьш. к **МОХОТКА**.
А раньше-то были чугузки и мохоточки.
Это глиняные, из глины сделанные. Такие
горшочки небольшие (Костюк. Своб.).

АС –

Г.М. Старыгина, С.А. Чайкина

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА П.И. МЕЛЬНИКОВА-ПЕЧЕРСКОГО «В ЛЕСАХ»)

В настоящее время объектами лингвоисточниковедческих описаний становятся источники, разнообразные в хронологическом, территориальном и жанровом отношении. Наша публикация представляет собой опыт создания фрагмента словаря, источником которого стал текст художественного произведения.

Роман П.И. Мельникова-Печерского «В лесах», опубликованный в журнале «Русский Вестник» в 1871 г., рассказывает о жизни заволжского старообрядчества середины XIX века. Используя разнообразную лексику, автор детально описывает реалии жизни представителей старообрядческой веры: промысловые занятия, скитскую жизнь, обряды, моления. Тематика произведения предопределяет богатство его лингвистической содержательности. Особый интерес представляет словарный состав рассматриваемого источника.

Лексический пласт произведения образуют общеупотребительные слова (*носить, праздник, глаза, место, воскресенье, болото, лес и др.*) и диалектные единицы (*помочь 'угощение', зыбка 'колыбель', коты 'женская обувь' и др.*). Роман насыщен устаревшей лексикой: волость 'область', боярин 'крупный землевладелец', гребень 'продолговатая пластинка с рядом зубцов для расчесывания волос' и др. В источнике широко представлены просторечные лексемы: *пужать, видючи, вдосталь, задаром, покаместь, ихний* и др.

Яркую группу слов произведения образуют такие ономастические единицы, как *антропонимы* (Потап, Манефа, Аксиныя, Фленушка, Чапурин, Лохматый, Стуколов, Морковкин; Максимыч, Никитична); *топонимы* (Верховое Заволжье, Китеж, Светлый Яр, Понизовье, Шишинка, Чернушка); *этнонимы* (черемисы, татары, чуваша, немцы) и др.

Особый стилиевой колорит придают произведению *фольклорные фразеологические обороты* (путь-дорога, ум-разум, правда-истина, житье-бытье, горе-беда, вьюга-метелица, мгла-морок, санки-катунки, светло-радостно, пьяный-веселый, дума-кручина и др.), *поговорки* (гадала сокола поймать, поймала серу утицу; сват сватом, брат братом, а денежки не родня; долго спать — долгу наспать; рука пречиста все причистит и др.).

Из перечисленного лексического богатства романа предметом нашего изучения явилась старообрядческая лексика. Вслед за исследователем Т.Б. Юмсуновой, под старообрядческой

мы понимаем маркированную лексику, активно функционировавшую в русской речи старообрядцев XIX века и составлявшую её специфику в отличие от языка общенародного.

В состав старообрядческой лексики мы включаем несколько групп наименований:

– наименования предметов быта старообрядцев (например, *волосник* – ‘повязка на волосы, обвитая вокруг головы, которую надевали женщины под платок или под кокошник’, *горбуша* – ‘малая коса с кривым косьем’);

– наименования предметов и явлений, связанных с обычаями и традициями старообрядцев (например, *апостольник* – ‘монашеское покрывало на шею и грудь’, *исправиться* – ‘исповедаться’);

– лексические единицы, которые используются в речи старообрядцев, отражают их мировоззрение и отношение к иноверцам (например, *бритоус* – ‘православный человек, бреющий усы’, *беспоповец* – ‘представитель одного из старообрядческих толков, не признающих таинства священства’);

– диалектные единицы. Территориально ограниченные лексемы включаются в словарь в связи с тем, что старообрядцы не занимали определенной территории, а постоянно мигрировали и вступали в контакт с местным населением (например, *бурак* – ‘посудина из бересты, имеющая цилиндрическую или круглую форму для хранения или переноски чего-либо, с деревянным дном и крышкой’, *вареги* – ‘рукавицы’).

Структура словарной статьи

Словарная статья в «Толковом словаре старообрядческой лексики» состоит из следующих компонентов: 1) заглавное слово (слова); 2) грамматическая характеристика, 3) толкование значения, 4) контекст, иллюстрирующий значение слова, 5) пометы. Словарные статьи располагаются в алфавитном порядке.

Принципы лексикографической обработки слов, применяемые в словаре, традиционны. Заглавное слово словарной статьи подается в орфографической записи без указания места ударения в слове, полужирным шрифтом и прописными буквами. После слова, вводящего в словарную статью, следуют частеречная и грамматическая характеристики слова. У имени существительного заглавной формой является форма именительного падежа единственного числа, далее указывается род. Для имен прилагательных заглавной формой является форма именительного падежа единственного числа мужского рода:

УРОСЛИВЫЙ, прил. Капризный, упрямый.

Для глагола в качестве исходной формы приводится инфинитив, из грамматических характеристик указывается вид:

ВСТОСКОВАТЬСЯ, глаг., сов. Предаться тоске, грусти; затосковать.

Синонимы толкуются и перечисляются в первой по алфавиту словарной статье после знака || Ср. (сравни). Толкование других синонимов осуществляется через отсылку к первому по алфавиту синониму словами *то же, что*. Например:

ПОМОЧЬ, сущ., ж. Угощение за работу. *Кто говорил, что, видно, Потану Максимычу в волостных головах захотелось сидеть, так он перед выборами мир задабривает, кто полагал, не будет ли у него в тот день какой-нибудь помочи* (ч. 1, гл. 6). || Ср. **ТОЛОКА**

ТОЛОКА, сущ., ж., *то же, что ПОМОЧЬ*. *На толоку народ собирать ему тоже не стать: мужик богатый, к тому же тороватый, горд, спесив, любит почет: захочет ли миром одолжаться?* (ч. 1, гл. 6).

Фразеологические обороты сопровождаются знаком ◊ и помещаются в словнике с учетом синтаксически главного слова.

◊ **ЯВИТЬ В ПРОНОС**. Предать гласности.

В Словаре применяются три типа помет: 1) пометы грамматические (указывают на принадлежность слова к части речи: *сущ.*, *прил.*, *глагол.*, *нар.* и на его грамматические значения и формы: *м.* — мужской род, *мн.ч.* — множественное число и т.д.) 2) пометы с экспрессивно-эмоциональной характеристикой (*неодобр.*, *осуд.*, *презр.*, *прост.*, *бран.*); 3) семантические (*перен.*, *иноск.*).

Для характеристики обрядовой лексики вводится помета *Обряд*.

СЫТА, *ж. Обряд*. Вода, подслащенная медом или сахаром, подкрашенная ягодой.

Под пометой *Перен.* понимается употребление слова в переносном значении:

ЗАКРОЙ, *сущ., м. Перен.* Небесный свод.

Толкование значения слова осуществляется через развернутую дефиницию или литературный синоним:

БЕЛИЦА, *сущ., ж.* Женщина, живущая в монастыре, но не постриженная в монашество, а готовящаяся к нему.

ВЫШКА, *сущ., ж.* Чердак.

Семантизация некоторых лексем в словаре проводится через развернутое описание, предлагаемое автором произведения. При использовании такого толкования сохраняется авторский порядок слов и указывается помета [М.-П.]¹:

КАНОННИЦА, *сущ., ж.* Уходящая в разные места женщина читать по умершим каноны и Псалтырь. Канонницы бывают из скитов или из деревень, монахини и не монахини. Если умрет богатый раскольник, то родственники выписывают к себе в дом канонницу читать Псалтырь и каноны [М.-П.].

Для установления лексического значения слова нами используются материалы целого ряда словарей. Ссылка на словарь дается в квадратных скобках через фамилию автора или через принятое сокращенное название лексикографического издания:

БЕСПОПОВЕЦ, *сущ., м.* Представитель одного из старообрядческих толков, не признающих таинства священства [СГСЗ]².

Иллюстративная часть словарной статьи представляет собой цитату из анализируемого источника, которая подается курсивом с указанием в скобках на часть и главу произведения. Например:

ЗАХРЕБЕТНИК, *сущ., м. Осуд.* Человек, живущий за чужой счет. *Того старосту звали Алексеем, оттого мирскому захребетнику вышло полное прозвище: Карп Алексеев Морковкин (ч. 3, гл. 5).*

¹ [М.-П.] – П. И. Мельников-Печерский

² [СГСЗ] – Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / под ред. Т. Б. Юмсуновой – Новосибирск, 1999.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Бран. – бранное	Осуд. – осудительное
Гл. – глава	Перен. – переносное значение
Глаг. – глагол	Презр. – презрительное
Ж. – женский род имени существительного	Прил. – прилагательное
Иноск. – иносказательное	Прост. – просторечное
М. – мужской род имени существительного	Собир. – собирательное
Мн.ч – множественное число имени существительного	Сов. – совершенный вид
Нар. – наречие	Спец. – специальное
Неодобр. – неодобрительное	Ср. – средний род имени существительного
Несов. – несовершенный вид	Сущ. – имя существительное
Обряд. – обрядовое	Ч. – часть

СЛОВАРИ

[БАС] – Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти тт. / под ред. В.И. Чернышева. – М.: Наука, 2004.

[Даль] – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. В 4-х тт. репринт. изд. – М.: Русский язык, 2000.

[Ефремова] – Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т.Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000.

[МАС] – Словарь русского языка: В 4-х тт. / под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

[СГСЗ] – Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / под ред. Т.Б. Юмсуновой и др. – Новосибирск: СО РАН; Научно-издательский центр ОИГГМ, 1999.

[Сомов] – Сомов В.П. Словарь редких и забытых слов / В.П. Сомов. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996.

[СРНГ] – Словарь русских народных говоров: В 41-м тт. / [Гл. ред. Ф.П. Филин]; АН СССР, Ин-т рус. яз., Словарный сектор. – Л.: «Наука».

[Ушаков] – Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. В 4-х тт. / Д.Н. Ушаков. – М.: Сов. Россия, 1940.

[ЦСС] – Церковно-славянский словарь / под ред. Г.М. Дьяченко [Электронный ресурс]. Издательский отдел Московского Патриархата, 1993.

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

(фрагмент)

АЛЕКСАНДРИЙКА, *сущ., ж.* Дорогая, красивая ткань для праздничной одежды. *Алексей вынимал из укладки праздничное платье: синюю, хорошего сукна сибирку, плисовые штаны, рубашку из александрйки* (ч. 1, гл. 11).

АПОСТОЛЬНИК, *сущ., м.* Монашеское покрывало на шею и грудь [М.-П.]. *Опираясь на деревянный костыль, медленно выступала за ними мать Манефа в длинной черной мантии, в апостольнике и камилавке с черною креповой наметкой* (ч. 2, гл. 3).

БЕЛИЦА, *сущ., ж.* Женщина, живущая в монастыре, но не постриженная в монашество, а готовящаяся к нему [Сомов]. *Мы белицы, мирское нам во грех не поставится...* (ч. 2, гл. 9).

БЕСПОПОВЕЦ, *сущ., м.* Представитель одного из старообрядческих толков, не признающих таинства священства [СГСЗ]. *Антоний, инок из беспоповцев, вновь законным бысть в совершенного инока* (ч. 4, гл. 8).

БЛАЗНИТЬ, *глагол, несов.* Соблазнять, подавать повод к предосудительным поступкам [М.-П.]. *Манефа отказала ему наотрез потчевать тем вином гостей на трапезе: «Отобедавши, в келье что хошь твори, а на трапезе людей не блазни»* (ч. 4, гл. 8).

БОЖНИЦА, *сущ., ж.* Полка с иконами. *Груня подбежала к божнице, взяла две иконы, одну подала Потану Максимычу, другую Аксинье Захаровне* (ч. 4, гл. 18).

БОТАЛО, *сущ., ср.* Изготовленный из железного или медного листа колокольчик, который подвешивали на шею коровам и лошадям, пасущимся без пастуха [М.-П.]. *Тишь была невозмутимая, лишь вдали в заколосившемся хлебе трещали кузнечики да по лесу раздавались изредка глухие звуки ботал* (ч. 2, гл. 13). || Ср. **ГЛУХАРЬ**

БОТНИК, *сущ., м.* Маленькая лодка, выдолбленная из ствола одного дерева. *Зато другие за Волгой забавы есть: катанья в ботниках по вешним разливам с песнями, а часто и с ружейной пальбой* (ч. 3, гл. 1).

БРИТОУС, *сущ., м.* Бран. Православный человек, бреющий усы. *Там-де учат бритоусы да еще по гражданской грамоте, а гражданская грамота святыми отцами неблагословенная, пошла в мир от антихриста* (ч. 1, гл. 17).

БУЛЫНЯ, *сущ., м.* Бродячий по деревням скупщик, преимущественно льна, всегда большой руки плут. Лен скупает булыня по осени и зимой, а летом торгует косами и серпами [М.-П.]. *Это булыня. Вот идет онazole подводы, а сам подпрыгивает, носами да серпами побрякивает, затейными прибаутками народ смешит* (ч. 3, гл. 6).

БУРАК, *сущ., м.* Посудина из бересты, имеющая цилиндрическую или круглую форму для хранения или переноски чего-либо, с деревянным дном и крышкой [Сомов]. *«На, прими», – сказал он, подавая жене закрытый бурак* (ч. 1, гл. 2).

ВАРЕГИ, *сущ., только мн.ч.* Рукавицы (вязаные или валеные), надеваемые под кожаные [М.-П.]. *(Заволжанин) vareги зачал вязать, поярок валять, шляпы да сапоги из него делать, шапки шить, топоры да гвозди ковать* (ч. 1, гл. 1).

ВЕРЕЯ, *сущ., ж.* Столб, на который навешивается полотно ворот [СГСЗ]. *А коль я к воротам твоим, тетенька, босая приду да, стоя у вереи в одной рубахе, громко, именем Христовым, зачну молить, чтобы допустили меня к жениху моему?.. Прогонишь?.. Запрешь ворота?* (ч. 1, гл. 6).

ВЕСНЯНКА, *сущ., ж.* Весенняя лихорадка. *Голова болит, ног под собой не чую, никак веснянка накатывает* (ч. 2, гл. 10).

ВОЗЗВАХИ, *сущ., только мн.ч.* Церковные песни (на вечерне), начинающиеся словами псалма: «Господи, воззвах тебе» [М.-П.]. *Допевали «воззвахи», руководимые искусной головщицей, звучные голоса «певчей стаи» стройно носились в высокой часовне* (ч. 4, гл. 7).

ВОЛОСНИК, *сущ., м.* Повязка на волосы, обвитая вокруг головы, которую надевали женщины под платок. *Поспорь эдак Аксинья Захаровна с сожителем о мирском, был бы ей окрик, пожалуй, и волосник бы у ней Потан Максимыч поправил* (ч. 1, гл. 1).

ВОЛОСЯНКА, *сущ., ж.* Редкая ткань, плетенная из конского волоса. [Сомов]. *Лавок в тех горницах вдоль стен не было; стояли диван и кресла карельской березы, обитые черной волосянкой* (ч. 3, гл. 7).

ВОЛОЧОК, *сущ., м.* Верх повозки или кибитки, обитый циновкой [М.-П.]. *Только не знаю, как с **волочками-то** вы сладите, не пролезть с ними сквозь лесину... Оять же, поди, дорогу-то теперь перемело, – сказал дядя Онуфрий* (ч. 1, гл. 15).

ВОСПРИЕМНИК, *сущ., м.*; **ВОСПРИЕМНИЦА**, *сущ., ж.* Обряд. Человек, принимающей на руки ребенка из купели при обряде крещения. *Мать Салоникея была **восприемницей**, часовенный уставщик Василий Баранов был **восприемником*** (ч. 1, гл. 13).

ВСТОСКОВАТЬСЯ, *глагол., сов.* Предаться тоске, грусти; затосковать [Ефремова]. *Была у станового свояченица, и та по Алеше Лохматом **встосковалась**...* (ч. 1, гл. 3).

ВЫСТУПКИ, *сущ., только мн.ч.* Женские башмаки с высоким передом и круглыми носами [М.-П.]. *Марья Гавриловна поспешно надела на босу ногу **выступки*** (ч. 3, гл. 12).

ВЯЗИГА, *сущ., ж.* Спинная струна (хорда) красной рыбы, употребляемая в пищу [Сомов]. *Была кулебяка с пшеном и грибами, была другая с **вязигой**, жирами, молоками и сибирской осетриной* (ч. 1, гл. 16).

ГЛУХАРЬ, *сущ., м.* То же, что **БОТАЛО**. *За Волгой нет особых пастбищ и выгонов. Скот все лето по лесу пасется. Коням нарочно боталы да **глухари** на шею надевают, чтоб, когда понадобится лошадь хозяину, по звону ее*

скорее можно было сыскать (ч. 1, гл. 9).

ГОЛБЕЦ, *сущ., м.* Деревянная лежанка возле русской печи [Сомов]. *И на супрядках место ему (Карпу Алексеичу) не у **голбца**, где деревенские ребята стоят, а место поповское – в переднем, почетном углу под иконами* (ч. 3, гл. 5).

ГОЛУБЕЦ, *сущ., м.* Могильный памятник, состоящий из деревянного сруба с кровлей на два ската и с крестом на ее середине. Прежде в лесных сторонах ставили их и на кладбищах; теперь они запрещены [М.-П.]. *Малая полянка в лесу, старый **голубец** на ней стоит, а возле четыре высоких креста...* (ч. 3, гл. 1).

ГОЛОВЩИЦА, *сущ., ж.* Запевала в хоре певчих в скиту [М.-П.]. *Красивая, пышущая здоровьем и силой Марьюшка, **головица** правого клироса, после Фленушки первая баловница всей обители* (ч. 2, гл. 2).

ГОРБУША, *сущ., ж.* Малая коса с коротким и кривым косьем [М.-П.]. *Вот идет он возле подводы, а сам подпрыгивает, носами да серпами побрякивает, затейными прибаутками народ смешит. У него на возу и косылитовки, и косы-горбуши и серпы немецкие* (ч. 3, гл. 6). || Ср. **ЛИТОВКА**

ГОРЯНЩИНА, *сущ., ж.* Собр. Крупный щепной товар: обручи, дуги, лопаты, оглобли и т. п. [М.-П.]. *Они больше скупкой **горянцины** да деревянной посуды промышляют* (ч. 1, гл. 1).

ГРЕБТИТЬСЯ, *глагол., несов.* Заботиться, беспокоиться [Даль]. *И о том **гребтятся**, матушка, хорошенько бы гостей-то угостить, упокоить бы...* (ч. 4, гл. 5).

ГУЛЕНА, *сущ., ж.* Картофель [М.-П.]. *Ладят сани, грузят их запасами печеного хлеба и сухарей, крупой да горохом, **гуленой*** (ч. 1, гл. 15).

ДВУПЕРСТИЕ, *сущ., ср.* Двуперстное крестное знамение [Ушаков]. *А в одной из задних уютных горниц, пропитанной запахом*

воска, деревянного масла и ладана, с кожаной лестовкой в руке ставала в то время на молитве молодая княжна Болховская, тщательно скрывая от людей свое **двуперстие**... (ч. 4, гл. 3).

ДЕМЕСТВЕННЫЙ, прил. (о пении) Вид церковного пения, одно из стилизованных направлений древнерусского певчего искусства [Сомов]. *Начинай, Варюша, – обратилась она к голосистой чернобровке улангерской, малым чем уступавшей по красоте Дуне Смолокуровой, по демественному пению Марьюшке-головице* (ч. 4, гл. 11).

ДОСУЖИЙ, прил. (о человеке) Знающий своё дело, умелый [СРНГ]. *Другой на месте заволжанина давно бы с голода помер, но он не лежебок, человек досужий* (ч. 1, гл. 1).

ДРАДЕДАМОВЫЙ, прил. Сделанный из легкого сукна. *Разложил на столе подарки: сукна на шубу, черный платок драдедамовый, икры бурак, сахару голову, чаю фунт* (ч. 1, гл. 13).

ДРЮЧОК, суц., м. Спец. Толстая палка; жердь. *Иной год в леса хожу, а иной на плотях до Астрахани и на самое Каспийское море сплываю. Чегень туда да дрючки гоняем...* (ч. 1, гл. 15).

◇ **ДУВАН ДУВАНИТЬ**. Делить, распределять добычу [СГСЗ]. *В казачьи времена атаманы да есаулы в нашу родину зимовать заходили, тут они и дуван дуванили, нажитое на Волге добро, значит, делили...* (ч. 1, гл. 15).

ЕПИТИМЬЯ, суц., ж. Церковное наказание. *На поклоны в часовне тебя не поставлю... А вот тебе епитимья: до дня пятидесятницы – по тысяче поклонов на день* (ч. 2, гл. 8).

ЖАЛЬНИК, суц., м. Могила. *Как не помянуть сродников, вышедших из сы-*

рых темных жальников на свет поднебесный? (ч. 2, гл. 8).

ЖЕМКИ, суц., только мн.ч. Пряники из плотного теста, вырезанные различными фигурными выемками. *Григорий Ильич городецких пряников закупит, жемков, орехов и продает их скитским белицам* (ч. 1, гл. 3).

◇ **ЗАДАТЬ ЛЫТУНА**. Убежать [М.-П.]. *Трусит Потап Максимыч, по-свойски бы с ним не расправился... И сдается мне, что хочет он отсель лытуна задать* (ч. 4, гл. 6).

ЗАЗВОНИСТЫЙ, прил. Великолепный, важный, знатный [Сомов]. *Пир готовят зазвонистый* (ч. 1, гл. 1).

ЗАКРОЙ, суц., м. Перен. Небесный свод. *Спряталось за небесный закрой солнышко, алой тканью раскинулась заря вечерняя, заблистал синий свод яркими, безмолвно сверкающими звездами* (ч. 2, гл. 8).

ЗЕЛЕНУХА, суц., ж. Трехрублевая бумажка [М.-П.]. *Вот тебе на праздник зеленуха* (ч. 4, гл. 11). || Ср. **ТРЕШНИЦА**

ЗЕПЬ, суц., ж. Кожаная, иногда холщовая, мошна привесная. В зепи держат деньги и паспорт [М.-П.]. *Вынул каждый лесник из зепи по грошу* (ч. 1, гл. 15).

ИНОЧЕСТВО, суц., ср. Старообрядческая шапочка монахинь [СРНГ]. *Спорили матери, спорили, да обе горячие, слово за слово, ругаться зачали, друг с дружки иночество сорвали* (ч. 1, гл. 1).

ИСПРАВИТЬСЯ, глаг., несов. Обряд. Исповедаться [М.-П.]. *Мне бы исправиться... Смертный час приходит...* (ч. 1, гл. 13).

КАМИЛАВКА, суц., ж. Высокий цилиндрический с расширением кверху головной убор монахов и священников [Ушаков]. *И она, и мать Никанора, обе в полном иночестве, в длинных соборных мантиях с крепкими наметками на камилавках, стали перед иконой и, положив начал, вполголоса стали петь утреню* (ч. 4, гл. 2).

КАНАУС, *сущ., м.* Дешевая шелковая ткань [М.-П.]. *Возьми канаус, что из Астрахани привезен, сарафан имениннице справа* (ч. 1, гл. 10).

КАНДИЯ, *сущ., ж.* Медная чашка, служащая в монастырских трапезах колокольчиком. Звоном ее назначают начало и конец трапезы, перемену блюд и пр. В нее ударяет старшее лицо, присутствующее за трапезой [М.-П.]. *Игумен ударил в кандию, все встали и, стоя на местах, где кто сидел, в безмолвии прослушали благодарные молитвы* (ч. 1, гл. 16).

КАНОННИЦА, *сущ., ж.* Уходящая в разные места женщина читать по умершим каноны и Псалтырь. Канонницы бывают из скитов или из деревень, монахини и не монахини. Если умрет богатый раскольник, то родственники выписывают к себе в дом канонницу читать Псалтырь и каноны [М.-П.]. *Канонница с хозяйскими дочерьми вышла* (ч. 1, гл. 2).

КАПОТЕЦ, *сущ., м.* Верхняя женская праздничная одежда: легкое стеганое полупальто, отрезное по линии талии, со сборками [СГСЗ]. *Марья Гавриловна вздела на плечи стеганый капотец, повязала голову шерстяной косыночкой* (ч. 3, гл. 12).

КАФИЗМА, *сущ., ж.* Один из двадцати разделов, на которые поделена Псалтырь (сборник молитвенных песнопений, входящих в Ветхий Завет) [Сомов]. *Настя да Параша в обители матушки Манефы и «часовник» и все двадцать кафизм псалтыря наизусть затвердили...* (ч. 1, гл. 1).

КАФТЫРЬ, *сущ., м.* Полукруглая шапочка, надеваемая монахами. *Старцы стояли рядами, все в соборных мантиях*

с длинными хвостами, все в опущенных низко, на самые глаза, камилавках и кафтырях (ч. 1, гл. 16).

КЕЛАРНЯ, *сущ., ж.* Кладовая для хранения припасов в монастырях; в старообрядческих скитах – также столовая и кухня [Ефремова]. *Иной раз и сама придет в келарню* (ч. 1, гл. 4).

КЕЛЕЙНИЦА, *сущ., ж.* Девушка, склонная к расколу и скитской жизни, затворница и боггомолка, Христова невеста; ходит под черным платком, потупляя очи, занимается чтением и рукоделием [Даль]. *Жила она [Аксинья Захаровна] там [в Комаровском скиту] в холе да неге, думала и на век келейницей быть, да подвернулся молодой, красивый парень, Потап Максимыч Чапурин...* (ч. 1, гл. 9).

КОКУРКА, *сущ., ж.* Пшеничный хлебец с запеченным в нем яйцом [М.-П.]. *Рассыпается народ по божьей ниве, зарывает в могилки красные яйца, поливает жальники сычёной брагой, убирает их свежим дерном, раскладывает по жальникам блины, оладьи, пироги, кокурки, крашены яйца* (ч. 2, гл. 8).

КОНАТЬСЯ, *глагол. несов.* Жребий метать [М.-П.]. *Ну, ваше степенство, с твоим бы счастьем да по грибы ходить... Что ж, одного Артемья берешь аль еще конатся велишь?* (ч. 1, гл. 15).

КОПАНЬ, *сущ., ж.* Лесина с частью корня, образующая угольник, идет на стройку судов, на застрехи кровель крестьянских домов и на санные полозья [М.-П.]. *Еще с вечера в копанни по загородью они запрячутся, либо залягут в крапиву* (ч. 3, гл. 6).

КОРЧИК, *сущ., м.* Особого вида ковш для черпанья воды, кваса, для питья суслу и браги [М.-П.]. *Похваливал дядя Онуфрий, поглаживая жилистой рукой по белым, но сильно закопченным волосам Петра, когда тот разливал брагу по корчикам* (ч. 1, гл. 15).

КРАСНОЯРКА, *сущ., ж.* Фальшивая ассигнация [М.-П.]. *Ноне же этих проклятых*

красноярк больно много развелось... (ч. 1, гл. 15).

КУМИТЬСЯ, глаг., несов. Совершать обряд вокруг березы или лиственницы (кумушки) в Троицын день [СГСЗ]. *Здесь, в светлых струях Светлого Яра, крестили кукушек, кумились, завивали семицкие венки...* (ч. 1, гл. 1).

ЛАДАННИЦА, сущ., ж. Металлическая коробка на ножках с шатровой крышечкой. В ней хранится ладан [М.-П.]. *В переднем углу келарни, под киотом с иконами, лежало несколько книг в старых черных переплетах, стояли кацея и ладанница* (ч. 2, гл. 1).

ЛЕСТОВКА, сущ., ж. Старообрядческие четки. *Матушка Манефа сидя перебирала лестовку и творила молитву* (ч. 1, гл. 5).

ЛИТОВКА, сущ., ж. То же, что **ГОРБУША**. *У него на возу и косы-литовки, и косы-горбуши и серпы немецкие...* (ч. 3, гл. 6).

◇ **ЛОМАТЬ ШАПКУ**. Заискивать. *Глянь-ка на него, человек молодой, мирским захребетником был, а теперь перед ним всяк шапку ломит* (ч. 1, гл. 3).

МЕТАНИЕ, сущ., ср. Обряд. Малый земной поклон. Для исполнения его становятся на колени, кланяются, но не челом до земли, а только руками касаясь положенного впереди подручника, а за неимением его – полы своего платья, по полу постланной [М.-П.]. *Иван Григорьич с Аграфеной Петровной сотворили пред Манефой уставные метания, набожно вполголоса приговаривая: «Прости, матушка, благослови, матушка!»* (ч. 1, гл. 11).

МОЛЕННА, сущ., ж. Старообрядческая молеельня [СГСЗ]. *Отец скоро с базара приедет, утреню будем стоять;*

помогли бы лучше Евпраксеюшке моленну прибрать... (ч. 1, гл. 2).

МОНАШЕНКА, сущ., ж. Курительная свечка [М.-П.]. *А у Потапа Максимыча в доме все на ногах. В горницах и в сенях огни горят, в передней, где гостям сидеть, на каждом окошке по две семитки лежит, и на каждой курится монашенка* (ч. 1, гл. 10).

НАМЕТКА, сущ., ж. Черный креп, что накидывается поверх шапочки, спускается вроспуск по плечам и спине, закрывая лоб черницы [М.-П.]. *Матушка Манефа во всем иночестве, даже в наметке, а в таком наряде на глаза исправнику показываться нехорошо* (ч. 1, гл. 11).

НАМОЛВКА, сущ., ж. Молва (чаще нехорошая), наговор [Сомов]. *Денег в мошине у него (у Потапа Максимыча) никто не считал, а намолвка в народе ходила, что не одна сотня тысяч есть у него* (ч. 1, гл. 11).

НЕРЕТО, сущ., ср. Рыболовный снаряд, сплетенный из сети на обручах в виде воронки [М.-П.]. *Будь покоен: попал карась в нерето – не выскочит* (ч. 1, гл. 16).

ОБЛИВАНЕЦ, сущ., м. Наименование человека, крещенного не погружением в воду, а обливанием [Сомов]. *Обливанцы. Австрийские-то, что ли? Сумнительны они* (ч. 1, гл. 2).

ОДИГОН, сущ., м. Переносной престол, на котором можно совершать литургию. *Святокупец святокупцом и остался, – слегка запинаясь, ответил Василий Борисыч. – Попа поставит – пятьсот целковых, одигон – та же цена и выше* (ч. 2, гл. 9).

ПЕЛЕНА, сущ., ж. Кусок вышитой ткани, натягивающийся в углу за иконами. *Матушка приказала синелью да шерстями пелену вышить, к масленице надо кончить ее беспрерменно* (ч. 1, гл. 5).

ПОАМИНИТЬ, глаг. сов. Обряд. Сказать «Аминь». *Справили семипоклонный начал,*

старец Иосиф замолитвовал, мать Манефа поаминила... (ч. 4, гл. 8).

ПОВОЙНИК, *сущ., м.* Головной убор замужних женщин. *А будет с невестой какая молодлица, голову-то бы ей в церкви расчесать да повойник вздеть* (ч. 4, гл. 16).

ПОЛИКОВОВАТЬСЯ, *глагол., сов.* Поцеловаться. У старообрядцев монахи и монахини, иногда даже христосуюсь на Пасхе, не целуются ни между собой, ни с посторонними. Монахи с мужчинами, монахини с женщинами только «ликуются», то есть щеками прикладываются к щекам другого. Монахам также строго запрещено ликоваться с мальчиками и с молодыми людьми, у которых еще ус не пробился [М.-П.]. *Игуменьи друг дружке поклонились и меж собой поликовались* (ч. 4, гл. 5).

ПОМОЧЬ, *сущ., ж.* Угощение за работу. Хозяин, желающий какое-нибудь дело справить разом в один день, созывает к себе соседей на работу и ставит за нее сытный обед с пивом и вином. [М.-П.]. *Кто говорил, что, видно, Потапу Максимычу в волостных головах захотелось сидеть, так он перед выборами мир задабривает, кто полагал, не будет ли у него в тот день какой-нибудь помочи* (ч. 1, гл. 6). || Ср. **ТОЛОКА**

ПОНАЧАЛИТЬ, *глагол., сов.* Поругать, повоспитывать [Даль]. *Хоть бы ты его хорошенько поначалил, Максимыч* (ч. 1, гл. 2).

ПОПЕННЫЙ, *прил.* (о деньгах) Уплачиваемый казне за вырубку леса по количеству пней [М.-П.]. (Заволжанин), *заплатив попенные, рубит лес в казенных дачах и сгоняет по Волге до Астрахани бревна, брусья* (ч. 1, гл. 1).

ПОСИДКИ, *сущ., только мн.ч.* Посиделки. *Раз, сидя в келарне на посидках у матери Вирины, уставщица Аркадия при Тане рассказывала, что сама она своими глазами видела, как к Егорихе огненный змей прилетал...* (ч. 3, гл. 12).

ПОЯРОК, *сущ., м.* Шерсть от первой стрижки молодой овцы [СГСЗ]. *Заволжанин зачал поярок валять, шляпы да сапоги из него делать* (ч. 1, гл. 1).

РАЗБОЛОКАТЬСЯ, *глагол., сов.* Раздеться [М.-П.]. *Трифон Лохматый, сидя на лавке возле двери, разболочался* (ч. 3, гл. 2).

РАСТАБАРЫВАТЬ, *глагол., несов.* Прост. Рассказывать. *Тут по всем дворам бабам ровно повестку дали; все к колодцу с ведрами сбежались и зачали с Акулиной про Чапуринскую свадьбу растабарывать* (ч. 1, гл. 6).

РЯСНА, *сущ., ж.* Украшение в виде подвесок из золота и драгоценных камней. *Малые образа древней иконописи, расставленные по полкам, были украшены ризами с жемчужными цатами и ряснами* (ч. 2, гл. 1).

СВЕТИЛЬНЫ, *сущ., только мн.ч.* Стихи заутрени после канона [М.-П.]. *Когда Василий Борисыч воротился к Комаровским спутницам, они допевали светильны. Утрене скоро конец...* (ч. 4, гл. 2).

СЕМИТКА, *сущ., ж.* Плоский подсвечник. *В горницах и в сенях огни горят, в передней, где гостям сидеть, на каждом окошке по две семитки лежит, и на каждой курится монашенка* (ч. 1, гл. 10).

СИБИРКА, *сущ., ж.* Верхняя одежда, короткий кафтан в талию, со сборами, без разреза сзади и со стоячим воротником [Ушаков]. *Обернулся Сергей Андреич – видит старика в длиннополой, осыпанной снегом сибирке с заиндевелой от мороза густой бородой* (ч. 1, гл. 7).

СКИТ, *сущ., м.* Небольшой отдельный старообрядческий монастырь. *В скитах завсегда*

грех со спасеньем по-соседски живут (ч. 1, гл. 1).

◇ **СЛЕЗА ИЕРУСАЛИМСКАЯ**, Водка [Сомов]. *Хоть мать Меропея паче меры любила слезу иерусалимскую, однако и черницы и белицы поверили ее рассказням...* (ч. 3, гл. 12).

СМОТНИЦА, суц., ж. Презр. Сплетница [М.-П.]. *Это что келейницы-то толкуют? – со смехом отозвался Захар. – Врут они, смотницы* (ч. 1, гл. 15).

СОЛЕЯ, суц., ж. Возвышение, ступень перед алтарем. [Даль]. *Мать Аркадия, как уставщица, стояла у анаоя, поставленного среди солеи* (ч. 2, гл. 3).

СПОРНИК, суц., м. Крупный бульжник в каменной бане. *Прибавь парку, миленькие! У, жарко! Поддавай, а ты, поддавай! И дюжие бельцы, не жалея мятного кваса, плескали на спорник* (ч. 1, гл. 16).

СРОДНИК, суц., м. Родственник. *Оленевские игуменьи уехали, а мать Аркадия долго еще оставалась у гостеприимного сродника* (ч. 3, гл. 1).

СТАРИЦА, суц., ж. Пожилая монахиня. – *Мы не черницы! – громко смеясь, отвечала старице Фленушка* (ч. 2, гл. 9).

СТРЯПУЩАЯ, суц., ж. Помещение для приготовления еды. *Аксинья Захаровна в кладовых да в стряпущей с утра до ночи возилась: то припасы принимала, то наливки подваривала да по бутылкам разливала, то посуду стеклянную и фарфоровую из сундуков вынимала и отдавала дочерям перемыть хорошенько* (ч. 1, гл. 8).

СУПРЯДКА, суц., ж. Вечеринка, на которой девушки совместно прядут пряжу [Ушаков]. *Бывало, по осени, как супрядки начнутся, деревенские девки*

ждут не дождутся Алеши Лохматого; без него и песен не играют, без него и веселья нет (ч. 1, гл. 3).

СЫТА, суц., ж. Обряд. Вода, подслащенная медом или сахаром, подкрашенная ягодой [СГСЗ]. *После венчания молодица в притворе расплела Прасковье Потаповне косу, расчесала её смоченным в медовой сыте гребенем и, убрав по-бабьему, шелковый повойник надела на молодую* (ч. 4, гл. 18).

ТЕЛЬНИК, суц., м. Крест, носимый на шее. *Нагнув две молодые березки, связывают верхушки их платками, полотенцами или лентами и вешают на них два креста-тельника* (ч. 3, гл. 1).

ТОБОЛКИ, суц., только мн.ч. Пресные пироги с творогом. *Дел по горло, а иной хозяйшке вдвое того: есть зять молодой – готовь ему теца петровский сыр, есть детки богоданные – пеки тоболки, неси их крестникам на розговенье* (ч. 4, гл. 7).

ТОЛОКА, суц., ж. То же, что **ПОМОЧЬ**. *На толоку народ собирать ему тоже не стать: мужик богатый, к тому же тороватый, горд, спесив, любит почет: захочет ли миром одолжаться?* (ч. 1, гл. 6).

ТРЕБА, суц., ж. Обряд. Богослужебный обряд, совершаемый священником по желанию, просьбе одного из верующих (крестины, венчание, отпевание и т.п.) [Ефремова]. *Только б их не тревожили, только б у них на дому треб не справляли, вдвое, втрое большие дадут, чем самый усердный церковник за исправление треб* (ч. 4, гл. 16).

ТРЕШНИЦА, суц., ж. То же, что **ЗЕЛЕНУХА**. *Глазам не верил Груздок, получив трешницу. Зараз столько денег в руках у него давно не бывало* (ч. 4, гл. 18).

ТЫСЯЧНИК, суц., м. Прост. Богач, обладатель тысячного капитала [Ушаков]. *Вот уж тридцать лет, как он каждый год выправляет торговое свидетельство и давно слывет тысячником* (ч. 1, гл. 1).

ТЯБЛО, *сущ., ср.* Ярус в иконостасе [Даль]. Древний деисус с ликами апостолов, пророков и праотцев возвышался на вызолоченном **тябле** старинной искусной резьбы (ч. 2, гл. 1).

◇ **УБИТЬ БОБРА**. Обмануться в ожиданиях. Эх, *Потап Максимыч, Потап Максимыч, убил же ты бобра*, любезный друг! На поверку-то парень дрянью выходит, как кажется (ч. 3, гл. 13).

УРОСЛИВЫЙ, *прил.* Капризный, упрямый [СГСЗ]. Сама знаешь, какой *привередливый он (Тимофей Гордеич)* да **уросливый** (ч. 4, гл. 5).

УСМЕННЫЙ, *прил.* Кожаный [М.-П.]. За ними стояли ряды послушников и трудников из мирян; все в черных суконных подрясниках с широкими черными **усменными** поясами (ч. 1, гл. 16).

УСТАВЩИК, *сущ., м.* Глава старообрядческой общины, духовно-нравственный руководитель [СГСЗ]. *Наперечет знаю всех рогожских уставщиков и других книжных людей тоже знаю* (ч. 3, гл. 11).

УТРЕНЯ, *сущ., ж.* Ранняя (на рассвете) церковная служба. *Отец скоро с базара придет, утреню будем стоять* (ч. 1, гл. 2).

ФИНИКИ, *сущ., только мн.ч.* Один из видов украшения рукописной книги [Даль]. *Потап Максимыч любил на досуге душеспасительных книг почитать. Как любо было сердцу его родительскому перечитывать! Какие (Настя) «финики» по бокам выводила – любо-дорого посмотреть!* (ч. 1, гл. 1).

ХОЛОДНИК, *сущ., м.* Шелковая или парчовая нагрудная распашная одежда. *Чапурин поминает шелковый сарафан да парчовый холодник!* (ч. 1, гл. 2).

ЦАТА, *сущ., ж.* Подвеска у икон [Даль]. *Малые образа древней иконописи, расставленные по полкам, были украшены ризами с жемчужными цатами и ряснами* (ч. 2, гл. 1).

ЧЕРНИЦА, *сущ., ж.* Монахиня. *Гляди-ка-сь, в черницы захотела, и что ей это в головоньку втемяшилось?* (ч. 1, гл. 6).

ШАБЁР, *сущ., м.* Сосед [Сомов]. *Оба из одной деревни: старик-от Заплатин тоже был осиповский и в шабрах проживал с Максимом Чапуриным* (ч. 1, гл. 10).

ЩЕПОТНИК, *сущ., м.* Приверженец официальной православной религии, который крестится троеперстием [Сомов]. *С бритоусом, с табашником, с щепотником и со всяким скобленным рылом не молись, не водись, не дружись, не бранись* (ч. 1, гл. 1).

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Аргудяева Ю.В. Русские старообрядцы в Маньчжурии. Владивосток: ДВО РАН, 2008.
- 2 Банкова Т.Б. Словарь сибирских обрядов: к постановке проблемы. Томск: Издательство Томского Университета, 1998.
- 3 Букринская И.А., Кармакова О.Е. Лексика диалектов как отражение народной картины мира. // Язык: изменчивость и постоянство. Сб. статей к 70-летию Л.Л. Касаткина / отв. ред. М.А. Каленчук. М.: Изд-во РАН, 1998. С. 55-62.
- 4 Иванова Н.Н. Обоснование принципов словаря диалектизмов среднеобского ареала (на материале произведений писателей). Кемерово: Кемеровский государственный университет, 1989.
- 5 Мельников П.И. (Андрей Печерский). В лесах. В 2-х кн. М.: Сов. Россия, 1984.
- 6 Поздеева И.В. Русское старообрядчество конца XIX в. // Алтарь России. Вып. 1. Владивосток: Большой камень, 1997. С. 7-12.
- 7 Религиоведение. Энциклопедический словарь / под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. М.: Академический проект, 2006.

8 Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 4. Амурское старообрядчество: речевые портреты. Речевые жанры. Словарь. Язык фольклора / под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2006.

9 Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (31 мая – 1 июня 2007г., г. Улан-Удэ). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2007.

10 Юмсунова Т.Б. Язык семейских – старообрядцев Забайкалья. М.: Языки славянской культуры, 2005.

ЛИНГВОГЕОГРАФИЯ

В настоящем выпуске мы продолжаем публикацию материалов по результатам лингвогеографического обследования сел Амурской области. Представленные в разделе таблицы составлены по итогам экспедиции 2010 г., которая проходила в селах Николо-Александровка, Покровка, Максимовка Октябрьского района. В основе таблиц лежат вопросы «Программы сбора сведений для диалектологического атласа русского языка».

Перечисленные села интересны тем, что в них проживают, по нашей гипотезе, носители разных говоров – русских и украинских. Материалы таблицы в этом плане показательны: наряду с русскими диалектными вариантами в них представлены и украинские. Можно утверждать, что речевой континуум этих сел сложнее и разнообразнее, чем в иных местах, где нет такого взаимопроникновения разных диалектных систем. Полагаем, что многочисленные варианты разнодиалектных систем, зафиксированные в говорах этих сел, по-разному функционируют в речи их жителей: активно – в речи носителей, для которых они являются «родными», «своими», пассивно (на уровне понимания) – в речи носителей других, «чужих» диалектных систем. При этом не исключено заимствование инодиалектных элементов, особенно лексического характера, с последующим ее активным использованием в новой диалектной системе.

Таблица 1. Результаты обследования сел Николо-Александровка, Покровка, Максимовка Октябрьского района Амурской области по вопросам «Программы сбора сведений для диалектологического атласа русского языка» в 2010 году

Село	с. Николо-Александровка	с. Покровка	с. Максимовка	Примечания
ФОНЕТИКА ГЛАСНЫХ				
1. Гласный в первом предударном на месте <i>о</i> (вода, вада, въда)	вода вада	вода въда	вода въда	Доминирует вариант, свидетельствующий о преимущественном различении о и а в указанной позиции. Возможно, это обусловлено влиянием украинских говоров, бытующих в этих селах наряду с русскими

Село	с. Николо-Александровка	с. Покровка	с. Максимовка	Примечания
2. Гласный на первом предударном месте <i>е</i> перед твердым согласным (<i>вела, вёла, вяла, вила</i>)	вела вила	вела вила	вела вила	Доминирует вариант, при котором в указанной позиции произносится [е]. Вариант не совпадает с литературным.
3. Гласный на первом предударном месте <i>е</i> перед мягким согласным (<i>деревня, диревня, дяревня</i>)	деревня диревня дяревня	деревня диревня дяревня	деревня диревня	Доминирует вариант, при котором в указанной позиции произносится [е]. Вариант не совпадает с литературным.
4. Гласный в первом предударном месте <i>я</i> перед твердым согласным (<i>пязала, прела, прила</i>)	пязала визала	пязала визала	пязала визала	Конкурируют вариант, совпадающий с литературным, и диалектный вариант (иканье и яканье). Доминирует диалектный вариант.
5. Гласный в первом предударном месте <i>я</i> перед мягким согласным (<i>напязди, непязди, наприди</i>)	напязди напреди	напязди напреди	напреди напязди	Зафиксировано функционирование диалектных вариантов произношения: произносится [а] и [е] в указанной позиции
6. Гласный в первом предударном месте <i>е</i> после шипящих (<i>жена, жана, жона, жына</i>)	жена жына	жена жына	жена жына жона	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
7. Гласный на месте <i>а</i> в первом предударном после шипящих (<i>жара, жыра, жера</i>)	жара	жара жыра	жара	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
8. Прибавление гласного в начале слова перед <i>р, л</i> (<i>аржаной, альняной, оржаной, ильняной</i>)	нет прибавления	нет прибавления	ржаной аржаной	Доминирует вариант, совпадающий с литературным

Село	с. Николо-Александровка	с. Покровка	с. Максимовка	Примечания
9. Гласные <i>о(ё)</i> или <i>е</i> под ударением на месте буквы <i>ё(е)</i> (<i>несёшь – несешь</i>)	несёшь несешь	несёшь несешь	несёшь несешь	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
ФОНЕТИКА СОГЛАСНЫХ				
10. Твёрдый или мягкий <i>р</i> (<i>курю – куру</i>)	варю тры (=3)	смотрю	говорю	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
11. Согласный на месте <i>ц</i> (<i>улица, улица, улица, улиса, улис'а</i>)	курица	курица	курица	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
12. Согласный на месте <i>щ</i> (<i>шчука, шшука, щ'ч'ука, ш'ш'ука, с'ц'ука</i>)	ш'ш'ука	ш'ш'ука борщч	ш'ш'ука шчука ешо	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
13. Как произносится слово <i>что</i> (<i>што, шт'е, шчо, ш'ч'о, шче, чо</i>)	шо што чо	шо што чо	шо што чо	Конкурирует вариант, совпадающий с литературным, и диалектные варианты. Частотен вариант <i>шо</i> , являющийся украинским по происхождению.
14. Сочетание <i>жж</i> (<i>вожжи, вож'ж'и, вожджи, вож'д'и, воз'з'и</i>)	вожжи вож'ж'и	дрож'ж'и дрожжи	дрож'ж'и дрожжи	Доминирует вариант, совпадающий с литературным, прослеживается общезыковая тенденция к отвердению долгих шипящих
15. Согласный на месте <i>ф</i> (<i>сарафан, сарахан, сарахван, сарахфан</i>)	сарафан сарахван сарафан хундамент	сарахван сарафан	сарахфан сарахван сарафан	Конкурируют вариант, совпадающий с литературным, и диалектный вариант; диалектный вариант занимает прочную позицию в говорах

Село	с. Николо-Александровка	с. Покровка	с. Максимовка	Примечания
16. Согласный на месте <i>з</i> в конце слова (<i>снег, снек, снех</i>)	снех снек	снек снех	снех снек	Конкурируют вариант, совпадающий с литературным, и диалектный вариант; диалектный вариант занимает прочную позицию в говорах
17. Согласный на месте <i>в</i> перед согласным и на конце слова (<i>лафка, лаўка, лавка, короф, короў, коров</i>)	короф коров короў	короф коров короў	короф коров короў	Конкурируют вариант, совпадающий с литературным, и диалектный вариант
18. Прибавление согласного в начале слова к согласным <i>о, у</i> (<i>вострый, вулица</i>)	узкая	узкая	узкая вумывальник	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
19. Согласный на месте <i>л</i> в конце слова и перед согласным (<i>знал, знаў</i>)	работал работаў	работал работаў	работал работаў	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
20. Сочетание дн, бм (<i>ладно, ланно, обман, омман</i>)	видно	видно	видно	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
21. Согласные <i>з, к</i> перед т, п, к и д, б , <i>г</i> (<i>кто, хто, к пятнице, х пятнице, к кому, х кому, к дому, г дому, у дому</i>)	кто ү-дому г-берегу	кто кто ү-дому	кто ү-дому х-печке	Доминирует диалектный вариант
МОРФОЛОГИЯ				
22. падежные окончания в род., дат. и предл. падежах ед.ч. существительные ж.р. на <i>-а, -я</i> , (<i>у жены, у жене, у жене к сестре, к сестри, к сестры</i>)	у-сестры у-сестре к-свекры	у-сестры	у-сестры к-сестре	Доминирует вариант, совпадающий с литературным

Село	с. Николо-Александровка	с. Покровка	с. Максимовка	Примечания
	дедушка	дедушка	дедушка	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
24. Наличие звательной формы (<i>сыне, сестрице, Марусю, мамо</i>)	батько	тато	сыне	Используется звательная форма. Возможно влияние украинского языка, в котором такая форма имеется
25. Окончания прилагательных в им. п. ед. ч. женск. и мужск. рода (<i>молодая, молода, молода</i>)	молодая молода	молодая молода	молода молодая	Используются как полные, так и стяженные варианты, часто в речи одного носителя
26. Окончания прилагательных и местоимений в род. п. ед. ч. муж. и ср. рода (<i>каво, кого, коуо, коо, доброво, доброва, доброго, доброга, доброуо, доброуа</i>)	доброуо	доброуо доброво	доброуо доброво	Доминирует диалектный вариант
27. род. и вин. пад. личных и возвратного местоимений (<i>у меня, у мене, у мня, у мне, у мя, у себя, у себе, у сабе, у себе, у собя, у ся, у се; видишь, тебя, тея, тебе, тее, те, тя, тебе, табе, себя, чебе, се, ся, сабе, собя</i>)	у мене у меня у мэнэ у тебе у тебя у табе у себе	у мене у меня у мэнэ у тебе у тебе у себе собе	у мене у меня у мне у мэнэ тобе у себе у се	Доминирует диалектный вариант. Частотен вариант украинского происхождения <i>у мэнэ</i>
28. им. и вин. пад. местоимений тот та, те (<i>тот, той, тый; то, тое, тоё, тае, тые; та, тоя, тая, тыя; вижу ту, тое, то'е, ты'е, то'ю, т'ую, тую, старушку</i>)	общерусские формы+тейные, тойный, ти, ты	общерусские формы + ти, ты	общерусские формы +той,тыя, тую, тые	Используется вариант, совпадающий с литературным, а также диалектные варианты, в том числе украинского происхождения <i>ти, ты</i>

Село	с. Николо-Александровка	с. Покровка	с. Максимовка	Примечания
29. Окончания глаголов второго спряжения в 3-м лице (<i>ходят, ходют, ходя, ходю, ходята, ходюто</i>)	ходють ходют	ходют ходят	ходют ходять	Преобладает диалектный вариант
ЛЕКСИКА				
30. Крестьянский дом (<i>изба, хата, курень</i>)	хата дом изба	хата дом изба коттедж	хата дом изба	Доминирует диалектная лексема, характерная для южнорусских и украинских говоров. Кроме того, данная группа названий пополняется новыми лексемами, заимствованными из литературного языка
31. Колыбель (<i>зыбка, люлька, колыска, качка, колыбель, колыбка</i>)	люлька колыска	люлька колыбель качка	люлька колыска колыбель кроватька	Доминирует диалектная лексема, характерная для южнорусских говоров
32. Петух (<i>петух, пеун, пеюн, певун, кочет, кур</i>)	петух пивень	петух когут	петух кочет петюша	Доминирует лексема, совпадающая с литературным названиями реалии
33. Курица (<i>наседка, наседалка, клуша, квочка, кочка</i>)	квочка	квочка наседка клуша курка	квочка клокуша	Доминирует лексема, совпадающая с литературным названиями реалии
34. Цыплята (<i>цыплята, цыпушки, сильки, селёнки</i>)	цыплята цыпочки	цыплята курчата цыпушки цыплатко	цыплята курчата цыпленки цыплатки	Доминирует лексема, совпадающая с литературным названием реалии

Село	с. Николо-Александровка	с. Покровка	с. Максимовка	Примечания
35. Кукушка (<i>кукушка, зозуля, зезюля</i>)	кукушка зозуля	кукушка зозуля	кукушка зозуля какушка	Доминирует лексема, совпадающая с литературным названиями реалии
36. Радуга (<i>радуга, райдуга, дуга, весёлка</i>)	радуга	радуга веселка	радуга	Доминирует лексема, совпадающая с литературным названием реалии
37. Туча (<i>туча, хмара, хмарь...</i>); плохая погода (<i>не'погодь, не'годь, хмарная погода</i>) ясная погода (<i>те'пля, вёдро, ядрёная погода</i>)	туча хмарь хмара хмарная погода ведро	туча хмара хмарная погода хорошая погода плохая погода	туча хмарь хмарная погода ядреная погода	Доминирует лексема, совпадающая с литературным названиями реалии
38. Мужская одежда, обувь (<i>армяк, зипун, козляк, кафтан, свита, свитка, косоворотка,; ичиги, бродни, лапти, моршни</i>)	кафтан (пассив.) катанки	брюки рубаша рубашка кальсоны кафтан (пассив.) свитка (пассив.) ботинки штаны сорочка	зипун (пассив.) катанки брюки рубаша шаровары фуфуйка (хвухвайка) пиджак туфли ботинки	Диалектные названия мужской одежды и обуви обычно имеют статус историзмов. В данной группе названий много общерусских слов. Вместе с тем мы наблюдаем слова, называющие составную часть украинского костюма: <i>шаровары</i>
39. Женская одежда, обувь (<i>сарафан, саян, понёва, андарак, сорочка, сарафан, сак, запон, увиток, триполка...; чирки, ичиги, чуни</i>)	сарафан катанки платье баретки «полу-	сарахан (сарафан, сарафан) платье сорочка	сарафан плюшка румынки спидныца «широ-	Диалектные названия мужской одежды и обуви обычно имеют статус историзмов. В данной группе названий много общерусских слов.

Село	с. Николо-Александровка	с. Покровка	с. Максимовка	Примечания
	ботинки» полотья, платя (платье) сорочка	кохта спидныца «широкая верхняя юбка» румынки «ботинки»	кая верхняя юб- ка» хустка «платок» рубаха сорочка	Вместе с тем мы наблюдаем слова украинского происхождения: <i>хустка, спидныца</i>

Варианты ответов и их количественные характеристики

1. Доминирует вариант, совпадающий с литературным, – 19 ответов (№ 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 18, 19, 20, 22, 23, 32, 33, 34, 35, 36, 37).
2. Конкурируют вариант, совпадающий с литературным, и диалектный вариант – 8 ответов (№ 4, 13, 15, 16, 17, 21, 25, 28).
3. Доминирует диалектный вариант – 9 ответов (№ 1, 2, 3, 5, 26, 27, 29, 30, 31).
4. Функционирует диалектная форма при отсутствии таковой в литературном языке – 1 ответ (№ 24).
5. Записана только одна лексема, совпадающая с литературным названием реалии, – нет
6. Диалектные названия определенной тематической группы устаревают; вместе с тем данная группа пополняется заимствованиями из литературного языка – 2 ответа (№ 38, 39).

Всего 39 ответов.

Анализ полученных данных позволяет указать на некоторые особенности говоров обследованных сел.

1. Преобладание диалектной специфики в области вокализма, что нетипично для говоров переходных, вторичных, у которых система вокализма в настоящее время обычно уже близка к вокализму русского литературного языка (ответы № 1, 2, 3, 5). Возможно, это проявление системы украинского вокализма, для которой, в частности, характерно различие *o* и *a* в первом предударном слоге после твердой согласной, что мы и наблюдаем в большинстве случаев употребления в говорах обследованных сел.

2. Присутствие элементов украинской диалектной системы, а также элементов, общих для украинских говоров и говоров южнорусских, в диалектном континууме обследованных сел (ответы № 4, 15, 16, 21, 24, 26, 27, 28, 30, 31, 32, 33, 35, 36, 37, 38, 39).

3. Развитая синонимия (ответы 31-37). Так, обычно ответы на вопросы 36 и 37 содержат только одну лексему, соответствующую литературному названию реалии (*радуга* и *туча* соответственно). В говорах обследованных сел в ответах на эти вопросы прозвучало несколько лексем, что позволяет говорить о существовании синонимических рядов слов радуга и туча. Причиной этого можно считать междиалектное взаимодействие и, как следствие, лексическое обогащение диалектной системы.

Е.А. Оглезнева

КОГНИТИВНАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

В настоящем разделе представлен когнитивный анализ диалектных единиц в аспекте их миромоделирующего потенциала.

Статья Д.Н. Галимовой продолжает начатое ею в прошлом выпуске исследование диалектных метафорических единиц, выражающих идею неконтролируемости событий.

Д.Н. Галимова

Неконтролируемость жизни как одна из ключевых характеристик диалектной картины мира

Такие экзистенциальные категории, как *время, социально-исторические явления, смерть, болезнь*, наиболее регулярно получают метафорическую интерпретацию в речи диалектоносителя. Представления об этих сущностях относятся к «зонам актуального внимания». Метафоры, которые отражают экзистенциальные понятия, чаще не содержат эмоциональных оценок; они свидетельствуют о том, что в русских языковых структурах выражается пассивный взгляд человека на мир: диалектоноситель склонен интерпретировать свою позицию как объектную по отношению к другим субъектным позициям. Данную особенность, свойственную русской языковой картине мира в целом [см. 1, 2], можно определить как *неконтролируемость* – «ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизненные события ограничена; склонность русского человека к фатализму, смирению и покорности; недостаточная выделенность индивида как автономного агента, ...как контролера событий» [3, с. 33-34]. Модели, выделяемые на основании анализа метафорической системы говоров Амурской области, свидетельствуют о том, что невозможность определять свою судьбу, контролировать происходящие в жизни события является одной из основных особенностей мировосприятия диалектоносителей. Во многих метафорах диалектного дискурса отражается пассивность как одно из состояний человека живущего, например, в метафорической интерпретации жизненных событий, жизненных этапов как активных субъектов, а человека как пассивного субъекта.

В настоящей статье мы рассмотрим эту особенность на примере метафор, отражающих понятия «время», «смерть», «болезнь» и некоторые другие.

Часть отмеченных в диалектном дискурсе метафор **времени** свидетельствуют о пассивной позиции, которую занимает человек по отношению к временным отрезкам и времени вообще. Поскольку движущееся время воспринимается как необратимое и человек не может повлиять на скорость смены суточных и годовых циклов, то время чаще всего сопоставимо

с проходящим мимо человека активным субъектом, без остановки движущимся в одном направлении. Время-субъект находится на оси временного пространства, точка отсчета на которой является местом расположения человека. Наступление какого-либо периода интерпретируется как приближение времени к этой точке отсчета (и к человеку), последовательная смена периодов осмысляется как перемещение, в ходе которого время-субъект минует человека. По отношению к смене одного временного промежутка другим используются метафоры движения активного субъекта (*подойти, подходить, пойти, пробежать*): *Тридцать третий год подошёл – и все умерли; Колхозы начались – лучше стало. ...Может, это уже тридцатые года пошли; Полмесяца, вот ещё неделька и полмесяца. Уже и этом, месяц. Так пробежит летьчко.*

Время, как и жизнь, интерпретируется как множество активных субъектов (разные периоды, сроки, времена года, дни и т.п.), которые приходят на территорию бытования человека, его жизненное пространство, или проходят мимо него.

Как активный субъект, время *позволяет* или не позволяет человеку совершать какие-либо действия: *Возьми, девочка, там табуретку и присядь. Если у вас время позволяет.*

Так же неподконтрольно человеку течение реки, поэтому совершенно естественно для природного человека, каким можно назвать диалектоносителя, сопоставление времени и реки: *Вот таки дела были. Всё прошло. Время бежит, течёт, как вода течёт, правда? (В)от я была молодая, теперь вон какая старая.*

Представление о времени как об активном субъекте, перемещающемся *независимо* от человека, свидетельствует о восприятии времени как сущности неподвластной человеку, неконтролируемой. Таким образом, отмеченные в диалектном дискурсе метафорические модели времени свидетельствуют о пассивной позиции, которую занимает человек по отношению к временным отрезкам и времени вообще.

В потоке времени человек склонен выделять некоторые ненормированные отрезки, на протяжении которых происходят конкретные события социального характера, и интерпретировать их также метафорически. Для наших информантов такими знаковыми событиями, повлиявшими на ход их жизни, являются Великая отечественная война и изменения в постсоветскую эпоху.

Война интерпретируется как агрессивно настроенный по отношению к человеку субъект, который оказывает на него деструктивное воздействие. Такая интерпретация объяснима ситуацией, связанной с данным понятием: в ходе войны некто нападает, проявляет агрессию – эта агрессивность действий распространяется на войну-субъект; т.е. война в представлении говорящих – это агрессивный субъект, негативно воздействующий на человека: *война напала.*

Великая Отечественная война так или иначе коснулась всех информантов. У одних она пришлась на пору детства, другие во время войны уже начинали самостоятельную жизнь;

и тех, кто жил на Украине, в Белоруссии или в западных регионах Советского Союза, и тех, кто всю жизнь провел на Дальнем Востоке, война *захватила*. Этот образ является основным в воспоминаниях информантов. Ситуация, обозначенная глаголом приобретения *захватить*, включает в себя физическое действие в отношении объекта, в результате которого он оказывается в чьем-либо владении, не волен распоряжаться собой, подчинен кому-либо; в метафорическом контексте человек оказывается «пойманным» войной: *Да многих из нас война-то захватила. Досталось*. В метафоре содержится информация о том, что война как субъект негативного воздействия, захватывая объект, ограничивает его возможности. Данная метафора присутствует, пожалуй, в сознании всех информантов, переживших войну и характеризующих ее, поскольку метафорически диалектоносители часто говорят о последствиях войны как о результатах *ограничения*.

Большинство наших информантов – женщины, которые переживали войну в тылу или в оккупации, поэтому описываются ими не сами военные действия, а их последствия или сопровождающие их ситуации. Военная ситуация меняет привычный ход жизни, заставляя человека приспосабливаться к новым условиям, поэтому говорящий оценивает происходящее как негативные действия в отношении себя, например, сама война как активный субъект мешает человеку жить: *Брат в Ленинграде служил. Война помешала пожить ему*.

Война по отношению к человеческой жизни выступает как субъект, воздействующий на нее деструктивно, искажающий: *Война многие жизни перековеркала*. Война как субъект ограничивающий исключает многие обыденные ситуации; поскольку отношение к ней у информантов именно как к воздействующей злой – живой – силе, ее действия подобны действиям человека: *У меня пять классов. Во время войны... война не дала доучиться*.

Физическое или психологическое воздействие, которое оказывает человек на кого-либо, принуждая к определенным действиям или поступкам, может оказывать на человека война: *Нас война заставила траву есть, лебеду есть; Тогда (в войну) люди подбирали друу друуа, такие все были ласковые, все отзывчивые были, а щас не люди, а звери! Мне кажется так. Они не уважают друу друуа, всяко обзывают, сами себе. Не-е, тогда не было. Или война заставила быть добрыми людьми, не знаю*. Проявление войны интерпретируется как воздействие на волевую сферу человека.

Если война интерпретируется через деструктивные действия, которые являются проявлением агрессии, направленной на человека, то по отношению к общественным изменениям в постсоветскую эпоху объектом деструкции выступает не человек, а социальное устройство, материальные неодушевленные объекты и вся жизнь.

Люди, прожившие основную часть своей жизни в одном общественно-политическом строе и под конец жизни попавшие в совершенно иные социально-исторические условия, метафорически оценивают сложившуюся в стране и, в первую очередь, в деревне ситуацию как

переворот или *распад*, *развал*, причем говорящий зачастую не конкретизирует, чего именно касаются эти изменения, потому что в его представлении переменялось всё.

Изменение социального устройства интерпретируется как изменение физического положения объекта: *перевернуться*. То, что раньше осознавалось как норма, поменялось на прямо противоположное – «не-норму»: *Ну вот чё, перевернулось всё. За тысяч лет; Перевернули всё на свете, и совсем жизнь другая стала, теперь ничё не сделаешь*.

Происходящие изменения жители села связывают в первую очередь с исчезновением колхоза (совхоза) как организующего начала в деревенской общине советского времени. Понимание современного состояния деревни очень точно передает глагол *распадаться*, актуализирующий в переносном значении признак «разделенный на части», «не цельный». Целостность воспринимается как обязательное качество объекта, а особенно такой сложной территориальной и социальной общности, как деревня, село. Но если *разбили*, *развалили* колхоз, то начала *разваливаться*, *распадаться* и вся деревня: *Они тут пожили, пожили. А чё они тут будут жить. Она распадается вся, деревня. У них дочка кончила 10 классов, и они уехали*. Нарушение социального порядка воспринимается как разделение целого на части.

Все использующиеся в метафорах глаголы деструктивного воздействия на объект и глаголы разрушения/разделения (*разбить*, *развалить*, *разломать*, *разрушить*, *разбурить*) передают отрицательную оценку говорящего, поскольку используются для обозначения нарушения целостности объекта, воспринимаемой как норма (для метафорического переосмысления значимым выступает общий для ИЗ глаголов признак «нарушение целостности»). Все описываемое неподконтрольно говорящим и происходит помимо их воли.

Жизнь в сознании говорящего связана не только с движением, но и со звуковым сопровождением его (речью людей, звуками, издаваемыми всем существующим в мире). Поэтому подавление звучания, сведение его к нулю сопоставимо с «подавлением» жизни, прекращением ее: *Совхоза нет, это личное уже сеют. Заулушили жизнь в селе, я так могу сказать*.

В целом современное состояние деревни самими сельскими жителями оценивается как состояние, близкое к гибели: *Той деревни нету, и Иннокентьевка, считай, всё, гибнет деревня, она уже поубаивает. Вот на днях было сто сорок пять лет ей, а она уже развалилась, деревня, тут никого не остаётся, одни старики. Развалили всю деревню, короче, как раскулачили вроде бы*. Ухудшение социальной обстановки интерпретируется диалектоносителями как физическая гибель.

Метафоры, отражающие интерпретацию социально-исторических явлений не содержат эмоциональной оценки, они выражают рациональное оценивание происходящего как отступающего от нормы.

В силу возраста наших информантов одной из самых актуальных тем является тема болезни, что, наряду с абстрактным характером данного понятия, объясняет значительное количество в диалектном дискурсе метафорических выражений, связанных с этой темой.

Наиболее частотный образ *болезни* – образ агрессивного субъекта – отражает представления диалектоносителя о болезни как о неконтролируемом состоянии, последствия которого в большинстве случаев разрушительны для организма человека. Это можно объяснить тем, что болезнь «проявляет себя» по отношению к человеку негативно, заставляя его испытывать боль, что сопоставимо с чьим-либо разрушительным физическим воздействием извне.

О появлении, распространении и исчезновении болезни чаще всего сообщается посредством метафоризации глаголов перемещения относительно объекта (которым выступает человек): *болезни ходили, болезнь пришла, грипп нашёл (на кого-л.), шишки наскакивают, грыжа ушла* и т.п. Называемые глаголами *идти, ходить, приходиться, уйти* исходные ситуации содержат общий для них компонент значения «изменять местоположение», выступающий основанием для метафоризации. На этом же основании болезнь, переданная контактным путем, может характеризоваться как переходчивая: *Появились (бородавки) на руках, бывает частенько. Они же **переходчивые**, если у кого-то есть, чё-чего пообщался или там рука за руку.*

Если проявления болезни на коже отсутствуют, диалектоноситель метафорически говорит о болезненном состоянии чаще как о перемещении болезни внутри человека (*Да чё-то я никак не поправлюсь. Болезнь где-то внутри **ходит**. Всё кашляю*), а о выздоровлении – как о выходе болезни из человека (*До сих пор я ноги парила и ноги вылечила. Кончается, уговорю, болезнь, **выходит***).

Появление болезненных симптомов у человека передается через глагол *садиться* (ИЗ – ‘Принимать сидячее положение, занимать место, предназначенное для сидения’). Образ *садящейся* болезни мотивируется образом садящегося субъекта, который при этом располагается на некоей поверхности и прекращает движение, замирая в точке пространства: *Здесь вишь таёжное место, здесь <...> больше болезней человеку делается на ноги. **Садятся**. Здесь место сырое.* Как субъект, действующий независимо от воли человека, болезнь может *приставать* к кому-либо: *У нас корь была в доме, а до меня ничё не **приставало**.*

Во время болезни человек страдает от боли, которая может проявлять себя по-разному – как уколы, как резь, жжение, давящее чувство, следовательно, болезнь *давит, бьет, крутит*, а так как это, в общем-то, сходно с действиями, которые может проявлять по отношению к другому агрессивно настроенный субъект, то проявление болезни метафорически обозначается чаще всего глаголами, называющими в прямом значении физическое отрицательное воздействие на объект: *сыпь напала, грыжа схватила, припадки стали бить, родимец бьет, склероз разбил, болезнь замучила, тиф валил, давление жмет, водянка мучить* и т.п.

Лишая человека физической активности, резко ограничивая его возможности, болезнь *приковывает* его (*Когда молодой был, он тоже выпивал, и я выпивала. Этим сейчас вот уже, болезнь, она **приковывает**, всё*). Проявления болезни метафорически передают глаголы воздействия на объект *выдёргивать* (*Моя внучка... болеет здорово <...> А то тоже у меня побудет, поправится, ноги не так **выдёргивает**. А то как приедет, недели две – о-о!*), *трясти, бросать* (*Одна (женщина) идёт, стахановка такая, а ей малярия **трясла**. Вот тогда малярия-то, чё-то съешь, да, она **бросает***), *бить* (*У нас сестру младшую, самую последнюю, стали припадки **бить**, она спугалась шибко*). Приведенные глаголы в прямом значении обозначают действия, чаще всего деструктивного характера, совершаемые над каким-то предметом и предполагающие применение физической силы. Человек как объект воздействия оказывается беспомощен против болезни.

Болезнь, способная повлечь смертельный исход, физически уничтожающая человека, оказывает деструктивное воздействие на него, результатом чего является уничтожение человека: *Мать умерла и всё. <...> Рак её **съел**, рак. Всё*. Деструктивное воздействие на объект, обозначенное глаголом *косить*, создает образ болезни, осуществляющей массовое уничтожение людей: *Тиф, так болели, детки, тиф так **косил** этих*. Уничтожая человека, болезнь *уносит* его с собой, извлекая из жизни-пространства: *А сибирская язва сколько? Три семьи **унесла**. Это в пиисят третьем году была сибирская язва здесь*. Все перечисленные образы болезни сближают ее образ с архетипическим метафорическим образом смерти-старухи с косой.

Народные представления о *смерти* в традиционной картине мира вербально слабо выражены, что может быть объяснено табуированностью темы. Названия ситуаций и действий, связанных со смертью «составляют преимущественно эвфемистические обозначения и идиомы, базирующиеся на неспецифической лексике, которые, однако, мотивированы всей системой представлений о жизни и смерти и соотнесены с обрядовой практикой» [4, с. 229]. Метафорические единицы, относящиеся к данному понятию, в значительной мере определяются представлениями славян о смерти как о переходе в «иной мир».

Представления диалектоносителей о смерти связаны с мифологическим образом антропоморфного существа (субъектный образ) или с пространством, куда уходит умерший (пространственный образ). Это дает основание выделить соответствующие образы *смерти* в диалектном дискурсе.

Образ смерти, в котором она персонифицирована, представлена как независимый субъект, возможно, связан с проецированием на ситуацию смерти общей модели поведения человека. Как человек, она может *прийти* (*Мама дояркой была. Всё время дояркой, до самой старости. А смерть **пришла**, дак она заснула да и не проснулась*), её, как другого человека, можно *ждать* (*Вот уже смерти **жду**, вот уже огород обдeldывать не могу*). При этом смерть сама решает, когда должна появиться (***Жду-жду** этой смерти, она никак **не идёт***).

Тяжело уже мене), и не дает человеку возможности выбора (- Баба Уля, вы смотрите, чтоб икона ни к каким алкашам, ни к кому не попала. Вы-то помоложе будете. - Да и-и помоложе, смерть не спрашивает).

Пространственный образ смерти представлен в высказываниях диалектоносителей, скорее, косвенно: когда сообщается об умерших, о них говорят как о тех, кто *ушёл*, т.е. перешел в другое пространство (*А папку вообще родного не знаю. А неродный был – вслед за мамой через два года **ушёл***). Умирая, человек уходит из жизни-пространства в смерть-пространство, при этом соблюдая «очередность» ухода (*Мы все пожилы, уже нету никóу. Мноуо **ушло** из жизни. Наша **очередь** подходит*). Место, куда уходят умершие, обычно не называют, обозначая его указательными местоимениями: *А я уже старая, я мноуо прожила, и мне уже **туда** надо собираться, уже ничёу*.

Представления о жизни в целом и ее отдельных событиях, времени, смерти формируются через конкретные образы, вписанные в реальное пространство, источником которых является реально наблюдаемый и ощущаемый мир.

О неконтролируемости происходящего в жизни человека можно говорить и на основании метафор, интерпретирующих психические свойства и состояния человека. То, что касается интеллектуальных способностей человека, связано в сознании диалектоносителя в первую очередь с человеческой памятью и способностью / неспособностью удерживать в ней информацию. *Память* (синонимом к которой в диалектном дискурсе выступают *голова, ум, мозги*) интерпретируется как пространство, заполненное информацией (в первую очередь *мыслями* и *воспоминаниями*), как субъект, выполняющий какую-либо работу, и как объект, наличествующий либо отсутствующий у человека. Информация, хранящаяся в пространстве памяти, в свою очередь, может быть интерпретирована как объект (который, к примеру, теряют или находят) и как субъект (который может самостоятельно перемещаться в пространстве памяти или выходить за ее пределы).

О ментальных способностях человек чаще всего вспоминает, когда испытывает затруднения, вспоминая о чем-то или размышляя. Забытая информация оказывается *выкинутой, вышедшей, вылетевшей, выбитой, вышибленной* из памяти (головой): *Ты смотри-ка, то всегда пою эти песни, а тут как **вышибло**; Он же и работает там, и это... ой, вот как вот **выйдет с уоловы**, ничё – забывается; Возьмёшь три тоненькие э-этих, э... проволочки. **Вылетело из уоловы** слово; – А как собак зовут? – Одного Бим, друуой Лорд, белый этот. А чёрный этот... **выбило из памяти**. Информация, которую человек вспоминает, *приходит* или *заходит* в голову (ум): *Я уже и забыла. «Шумела степь донская...». Ну вот, **зайдёт в голову**, и всё. Пропустим, ладно); - А вы говорите, рассказать нечего! - Да **чёрт** его знает, **на ум** пришло.**

Метафорические контексты свидетельствуют о том, что **память** воспринимается говорящим как **вместилище, забытое** – как нечто удаленное из пространства памяти, **вспом-**

нившаяся информация – как **пришедшее в пространство памяти**. При этом синонимичными по отношению к памяти оказываются *голова* и *ум*, которые также мыслятся как вместилща информации.

В.В. Туровский отмечает, что глаголам памяти (*помнить* – *забыть* – *вспомнить* – *вспоминать*) соответствуют глаголы, относящиеся к сфере предметных действий: *иметь* – *потерять* – *найти* – *находить* – *искать*; «*потерять*, подобно *забыть*, обозначает неконтролируемое "мгновенное осуществление", так же, как и *найти*» [5, с. 93]. При такой метафорической трактовке происходящих в памяти процессов человек оказывается субъектом действия, описываемого метафорической ситуацией, в которой он *сам* теряет некоторую часть того, что хранится в памяти, хотя это и неконтролируемо с его стороны.

В диалектном дискурсе в метафорической интерпретации забывание также не подлежит контролю со стороны человека, но чаще всего не зависит от личных особенностей и поведения человека (ср. компоненты ИЗ *потерять* – ‘Лишиться чего-л. по небрежности (забывая, оставляя, роняя и теряя где-л.)’ и компоненты ИЗ *выкинуть* – ‘Кинуть вон, наружу, прочь; освободиться от кого-, чего-л. как ненужного; выбросить’, среди которых есть периферийные семы «самостоятельно», «по вине человека» (*потерять*), «по инициативе человека» (*выкинуть*), т.е. семы, акцентирующие внимание на человеке как субъекте действия, а также с компонентами ИЗ *выбить* ‘Ударом (ударами), резким толчком удалить, заставить выпасть из чего-л., откуда-л.; вышибить’, ИЗ *вышибить* – ‘Ударом, резким толчком удалить откуда-л., заставить выпасть; выбить’). Диалектная метафора в большинстве случаев свидетельствует о том, что забытое исчезает либо само по себе, либо из-за физического воздействия не названного субъекта.

Немногочисленные метафоры, в которых человек выступает субъектом действия, описывают более или менее сознательное отношение говорящего к тому, что не употребляется в речи и потому забывается (*Робила – это работала по-белорусски. А вот я уже скоко живу (в Амурской области), а вот слова ще не **выкидываю** белорусские. Я их уже многих **выкинула**, но всё равно (з)де-то скажешь по-белорусски*).

Забывшееся, исчезнувшее словно само по себе, метафорически интерпретируется также как отпавшее от памяти без контроля говорящего: *Щас всё забываешь, всё. Голова... Всё **отпадает***.

Мысли как «продукт» работы мозга в диалектной метафоре приобретают способность собираться в кучу и расходиться в стороны: *Я уж не знаю щас, чё я помню, чё не помню. У меня мысли, вот иноуда я понимаю, а иноуда вот скажет человек, я слышу, а через секунду **мысли в кучу**. Тода соображаю, чё он уоворит, как тока мысли **расходятся***. РЗ *мысли в кучу* мотивировано оценкой исходной ситуации: соединение чего-либо в кучу обычно нарушает исходный порядок и оценивается как не соответствующее норме.

Отдельные воспоминания, хранящиеся в памяти, могут *крутиться* в ней, словно не останавливаясь и не давая возможности человеку ухватить (вспомнить) их: *Нет, не Эдик, а как же его, забыла уже. В голове это крутится* (мотивировочной базой является компонент ИЗ *крутиться* «безостановочный»).

Метафорически интерпретированная ситуация вспоминания подчеркивает независимость этого процесса от воли говорящего. Глаголы, используемые для метафорического переосмысления этой ситуации, в прямом значении обозначают перемещение в пространстве: *идти, зайти, найти, прийти*, – что акцентирует большую степень «вольности» воспоминаний: *Всё оно как-то в жизни, то то, то то вспоминается. Потом уже забываешь, много позабываешь. То с кем станешь разговаривать, тот одно сказал, тот другое, и так воспоминания идут*.

Отдельные метафоры демонстрируют интерпретацию памяти как водного пространства, в котором то, что вспоминается, всплывает на поверхность (*Уже двадцать семь лет как вот в сентябре будет, всё равно не забыла я. Всё равно все молодые годы всплывают*), а также восприятие того, что неожиданно вспомнилось, как птицы (*Хорошая песня есть, да что-то она мне на ум не налетела*). Оба образа отражают восприятие воспоминаний как неконтролируемых человеком сущностей.

Исследователи языковых способов выражения чувств и эмоций отмечают, что практически все качества, свойства и проявления человека в сфере психического не имеют материального выражения, следовательно, могут быть вербально оформлены в основном именно через метафору. В метафорической интерпретации чувства и ощущения предстают чаще всего как активные субъекты, совершающие физические действия по отношению к человеку-объекту. Антропоморфность, приписываемая абстрактным сущностям, позволяет говорящему описывать собственное состояние: «действие» абстрактного объясняется через метафорические употребления слов, в прямом значении относящихся к материальному, освоенному человеком, измеримому. Метафорически чаще интерпретируются те эмоциональные состояния, которые оцениваются как отрицательные: *зло берет, обида взяла, печаль подковыривает, страх забрал* и т.п. При этом все эмоциональные состояния, включая и «положительные» – счастье, радость, в метафорической интерпретации оказываются неподконтрольны человеку.

Для метафорического выражения отрицательных эмоциональных состояний используются глаголы деструктивного физического воздействия на объект, глаголы принуждения или владения, таким образом, человек, испытывающий какие-либо эмоции, в сознании носителя диалекта метафорически осмысливается как оказавшийся в их власти. «Прямые», неметафорические выражения названных эмоций (*разозлиться, обидеться, опечалиться, испугаться, затосковать*) лишены эмоционального компонента и не передают всех смысловых оттенков, отраженных в метафорах. Состояние, выраженное метафорически как *страх забрал* содер-

жательно не совпадает со значением, отражаемым глаголом *испугаться* и не может быть истолковано только через прямое значение глагола *забрать*. Основанием для метафорического отождествления выступает тот факт, что в исходной ситуации действие совершает активный одушевленный субъект, который овладевает неким объектом, получая возможность распоряжаться им. В переносном значении этим объектом оказывается человек, а в роли субъекта выступает абстрактная сущность, которую говорящему проще структурировать в терминах сущности конкретной.

Отрицательные эмоциональные состояния, которые испытывает человек, персонифицируются, метафорически концептуализируются как враждебная человеку сила, завоевывающая его. Горе, страх, зло, обида, печаль – «стихийные эмоции», в которых преобладает чувство, а не интеллектуальная оценка происходящего, они словно овладевают человеком, «присваивают» его себе, *берут*, так что, оказавшись в их распоряжении, человек не способен «распоряжаться» своими действиями: *Вот оно зло берёт, что мы вот вам щас бы вам такую жизнь дать, как мы её видели – пить бы не стали; Работала у войну, 42 года стажу, а пенсия у мэнэ 1 800. А работала всю войну. А хто совсем не работал, получает одинаково, а то (е)щё и больше. Обида берёт, так оно щё тут сделаешь.*

Печаль пытается подобраться поближе к человеку, пролезть внутрь него, словно старается подцепить, подковырнуть какую-то крышку: *Вот три брата похоронила. Я похоронила мужа, не могла успокоиться. Хожу, в окошко гляжу да плачу. А щас думаю: я уже себя совсем решаю. Совсем. ... Надо прожить. Радоваться. А вот она, радость, не идёт, а всё какая-то подковыривает печаль, и всё, а радость не идёт никакая. Вот подковыривает тебя печаль, и всё.*

Стихийность эмоции метафорически выражается глаголом *нападать*: *Зимой день маленькая, а ночь – до часу сижу, кака-нить печаль нападёт на меня, вот я сижу, свяжу.* Концептуализация *печали, страха, беспокойства* как враждебной силы, завоевывающей человека, в языке осуществляется посредством актуализации в ИЗ глагола признаков «внезапный», «быстрый», «агрессивный».

«Убивая» человека, какое-либо чувство «уничтожает» в нем способность позитивно воспринимать окружающее: *Я знаю мноуо песен, но знаете, у меня такое состояние... Я убита этим уорем. Я чувствую, что я постарела на скоко лет – у меня такое состояние нехоршее.*

Метафора *радости*, относящаяся к положительным эмоциональным состояниям, единична в анализируемых нами фрагментах диалектного дискурса, что является весьма показательным для характеристики диалектной метафорической картины мира. *Радость* оказывается неподконтрольной человеку, неуловимой; она интерпретируется как свободное существо, которое приходит и уходит по своему желанию: *Надо прожить. Радоваться. А вот она, радость, не идёт, а всё какая-то подковыривает печаль, и всё, а радость не идёт ни-*

какая. Состояние *радости*, как и состояние *счастья*, не является нормой жизни для наших информантов, переживших тяжелые военные годы, оккупацию или работу в тылу, вынесших тяготы послевоенного времени и перестроечного периода (*Пели когда-то. Сейчас никого не слышно нигде. Такая жизнь, **нерадостная***). Не случайно диалектоносители говорят об отсутствии *счастья* в их сегодняшней жизни, счастливые годы, если они и были у кого-то, остались далеко в прошлом (*– А кто на Ивана Купала папоротник найдёт, что будет? – Счастье будет, счастье. А наше **счастье** уже **прошло**. Наше, наше **ушло***)¹.

Эмоциональное состояние, таким образом, неконтролируемо со стороны человека. Оказывая деструктивное физическое воздействие или независимо от него перемещаясь в пространстве, эмоции, которые испытывает человек, делают его зависимым, несамостоятельным объектом.

Как показал проведенный анализ диалектного материала, многие метафоры диалектного дискурса отражают пассивность как одно из состояний человека живущего: невозможность определять свою судьбу, контролировать происходящие в жизни события, что является одной из основных особенностей мировосприятия диалектоносителей. Данная идея метафорически выражается через интерпретацию жизненных событий, жизненных этапов, времени, эмоциональных состояний, проявлений болезни как активных субъектов, оказывающих воздействие на человека либо независимо от него перемещающихся в пространстве (*война заставила, жизнь сгубила, горе убило, жизнь прошла, счастье ушло, болезнь пришла*). Наделяя абстрактные сущности способностью действовать независимо от человека, говорящий одновременно констатирует невозможность контролировать происходящее у его жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая; пер. с англ. А.Д. Шмелева; под ред. Т.В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999. 776 с.
2. Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006. 672 с.
3. Вежбицкая А. Русский язык // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. С. 33–88.
4. Толстая С.М. Славянские народные представления о смерти в зеркале фразеологии // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 229–237.
5. Туровский В.В. Память в наивной картине мира: забыть, вспомнить, помнить // Логический анализ языка. Культурные концепты / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1991. С. 91-95.

¹ Ср. аналогичные выводы А.А.Зализняк, анализирующей счастье и наслаждение в русской языковой картине мира: «...ни в каком смысле *счастье* не относится в русском языке к числу «базовых эмоций». В отличие от англ. *happi*, констатирующего, что состояние человека соответствует некоей норме эмоционального благополучия, русское слово *счастлив* описывает состояние, безусловно отклоняющееся от нормы» [2, с. 267-268].

ЯЗЫК ФОЛЬКЛОРА

В разделе представлено систематизированное собрание текстов различных жанров: лирических песен, частушек, пословиц, поговорок, гаданий, записанных во время фольклорно-диалектологической экспедиции 2010 г. в села Октябрьского района Амурской области.

Самый распространенный жанр, записанный в селах Октябрьского района, – лирические песни: любовные, семейные, шуточные, а также солдатская, тюремная, бытовая и колыбельная песни. Некоторые из них представлены в нескольких вариантах, записанных от разных информантов. Зафиксированы и разные варианты одной и той же песни у одного исполнителя, что является следствием устного бытования фольклорного произведения. Песни иногда сопровождаются комментарием исполнителя. Все это мы попытались передать при формировании содержания раздела для создания более полного представления о современном бытовании лирических песен.

Любопытен вариант песни «Ой, калина, ой, малина...», записанный в селе Николо-Александровка от Е.И. Крицкой. В этом варианте звучит тема чужбины, ставшей родной, что очень актуально для исполнителей этой песни. Не случайно исполнительница говорит об этой песне как о любимой:

*«...Я за землю ухватилась,
Встала на ноги свои
И на век здесь поселилась,
Где щебечут соловьи.
Ты не дуй тут, голубчик ветер,
Не считай за сироту,
Я с землёю породнилась
И по-прежнему живу».*

В разделе широко представлены обрядовые песни – колядки и песни свадебного обряда. Колядки – это песни, которые исполняются на Рождество и содержат пожелания благополучия, здоровья, обильного урожая. Заканчиваются они чаще всего просьбой о подаянии и предостережением о возможном вреде, если колядующих ничем не угостят. Обращает на себя внимание использование в тексте слов, отсылающих к украинскому наименованию колядок, – щедровки и щедривки. В песнях свадебного обряда представлена «песня про «сподманницу» – девушку, которая нарушила свое обещание не выходить замуж, а также зазывание гостей на свадьбу.

В раздел помещены также записи частушек игровой, любовной, бытовой тематики и веселых озорных куплетов сатирического содержания.

В этом выпуске мы публикуем рождественские, предсвадебные гадания на любовь и будущую жизнь, а также записи местных и общерусских пословиц и поговорок, демонстрирующих этические ориентиры и нравственные ценности, присущие жителям сел Амурской области.

В бытовании фольклора в Октябрьском районе обращает на себя внимание тот факт, что, наряду с русским, здесь функционирует и украинский фольклор. Так, записано

много украинских лирических и шуточных песен, поговорок. Однако жизнь в смешанном национальном коллективе не могла не отразиться на языке фольклора. Сосуществование русского и украинского фольклора привело к смешению текстов, вследствие чего язык фольклорных произведений претерпел различные изменения на всех уровнях своей структуры. Об этом – в статье, посвященной описанию свадебного обряда, бытовавшего в селах Амурской области, и запись спевки, сделанная в селе Максимовка Октябрьского района. Спевка – это своеобразные деревенские посиделки, на которых собираются женщины пожилого возраста, чтобы вспомнить и исполнить свои любимые песни, многие из которых они слышали еще от своих матерей, а заодно поговорить, обсудить волнующие их проблемы. Помимо песен на таких встречах можно услышать различные прибаутки, анекдоты, присказки, поговорки, частушки. В этом номере представлена запись спевки, сделанная в 2010 г. в селе Максимовка Октябрьского района с участием А.А. Федирко, М.П. Брусовой и Л.Н. Мироненко.

В статье о свадебном обряде приведены записи рассказов деревенских жителей о том, как раньше игрались свадьбы: «Вот свадьба проходить, ну у нас було не так як щас, прыдумалы йихать у те кохфэ (кафе). Я не была там вообще-то, но представляю, не нравится. То знаете, каких прибауткив было ... веселье таки было» (А.А. Федирко, с. Максимовка Октябрьского р-на).

Все фольклорные тексты, как русские, так и украинские, даются в современной русской орфографической записи с указанием ярких диалектных черт. В записи гаданий, спевки, свадебного обряда мы постарались максимально сохранить особенности спонтанной речи информантов и присущую им манеру изложения, ведь именно в фольклорных текстах находят свое отражение исчезающие реалии мира диалектоносителей, особенности существования их уникального языкового сознания.

А.В. Блохинская

Н.Г. Архипова, А.В. Блохинская

УКРАИНСКАЯ СВАДЬБА НА АМУРСКОЙ ЗЕМЛЕ: ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

К 1916 г. выходцы из Украины составляли значительную часть населения Амурской области: 43,78% всех переселенцев [1, с. 123]. Новоселы прибыли из Полтавской, Харьковской, Черниговской, Подольской, Киевской, Екатеринославской, Кубанской, Таврической, Бессарабской, Херсонской губерний, а также из Войска Донского. Больше всего украинцев переселилось из Полтавской губернии.

До сих пор в амурских селах можно услышать украинскую речь, быть свидетелем совместных спевков русских и украинцев, с одинаковой задушевностью исполняющих напевные украинские песни. В памяти старожилов остаются и семейные обряды, связанные с важнейшими событиями в жизни человека: рождением, браком и смертью. Информанты с желанием рассказывают о крещении детей, уходе за ними, оберегах от сглаза, способах лечения и др.

Особой устойчивостью и частотностью обладают тексты, описывающие свадебные обряды, хотя и претерпевшие естественные изменения под воздействием социальных факторов, но зато сохранивших свое своеобразие в Приамурье дольше, чем на Украине, как бы «законсервировавшиеся» [2, с. 167].

Свадьба была одним из важнейших событий в жизни человека, а традиционный свадебный ритуал – ярким явлением народной культуры, состоявшим из сложного комплекса разнообразных элементов.

В литературе указывается, что у украинцев существовала своеобразная система добрых отношений, которая проявлялась в форме знакомства, ухаживания, сватовства [3, 4]. Жители амурских сел рассказывают, что молодежь общалась в пределах своего села или улицы, но не исключался выбор жениха и за пределами места проживания, что обуславливалось малой заселенностью Амурской области, удаленностью сел друг от друга и меньшим количеством женского населения относительно мужского. В лексике амурских говоров сохранилось немало слов, описывающих период знакомства: *толока* – «совместная работа в помощь односельчанина»; *вечорница* – «вечерние собрания молодежи с песнями и танцами»; *ночное* – «ночной выпас лошадей». Именно на толоке, вечернице, в ночном происходил выбор суженого или суженой: «*На вечерницу у какой-нибудь там вдовы нанимали хату, хто какую еду приносил. Танцы, игры играли. Женихались там*» (Крахмалева П.Р., с. Чембары Свободненского р-на).

Традиционно выбор жениха целиком зависел от воли родителей, как и все вопросы, связанные с браком. Однако информанты, рожденные в 20-30-е гг. XX в., указывают, что уже в первой половине XX в. выбор суженого – чаще всего это добровольное желание девушки: «... *выходишь же замуж не так хто попало. Вот. А я говорю: подборна была что ли? Что там кто пришел, я за того и вышла. Не-е-ет. А не пришёл, пришла б я в двадцать один, так бы и жила не той. Ну, не переться (жениться) же не по любви, правда же? Зачем это? Вот. Як бы за коуо выскочить. Не-ет. А в деревне же друг друга знаем же*» (Шульга М.С., с. Николо-Александровка Октябрьского р-на).

Свадебный ритуал состоял из целого ряда обрядов. В украинской среде брак считался далеко не личным делом, на него имели большое влияние как родственники (*тато, мама, ятровка, свекр, свекровка, тещь, теща, крестные и др.*), так и односельчане, которые выступали как *сваты, дружина, дружки, бояре, тысяцкий* и др.

Свадьба имела три периода (цикла): предсвадебный, сама свадьба, послесвадебный.

Предсвадебный цикл начинался со сватовства, которому предшествовал *сговор* – *змовины* – соглашение между родителями и родственникам юноши и девушки при посредничестве сватов о назначении дня свадьбы. На сговоре накрывался стол в доме невесты, родственники жениха приходили с подарками: «*Змовины наперёд, жениховы приносят выпить, самогонку там, магарыч. Стол накрывали небольшой. Договаривались там о сватах*» (Крахмалева П.Р., с. Чембары Свободненского р-на).

Если на сговоре семья будущих жениха и невесты решили играть свадьбу, то в дом к невесте присылали *сватов*, которыми могли выступать крестные, пожилые родственники или уважаемые односельчане.

На самой свадьбе сваты также выполняли важные функции: участвовали в *розглядах*, подносили угощение: «*Всех сажають за стол, всю, всех народ и той. И жених з невестой уже тоди обхажують. Наливають, на тарелку ставят четыре там рюмочки. Свашка,*

это пожила женщина, свашка – закуску. И это всех обходят. Жених наливает, имы четырьмя рюмочками усих обходят» (Федирко А.А., с. Максимовка Октябрьского р-на).

На сватовство (*сватины*) сваты и сам жених (*волк* – «сватающийся поздно вечером или ночью») обычно поздно вечером, взяв обрядовый хлеб, шли в дом невесты для получения предварительного согласия на брак. Пришедшие спрашивали: *«Разрешите ли присесть?»*, потом начиналась игра словами. Сваты жениха говорили: *«Вот мы шли мимо, смотрим, у вас есть ярочка, у нас же барашек. Если вы не против, то можем поторговаться. Мы посмотрим ваш товар, а вы посмотрите наши»* (Крахмалева П.Р., с. Чембары Свободненского р-на). В этой ситуации могли упоминаться *охотник и куница, купец и товар*. Если согласие было получено, невеста перевязывала сватам через плечо полотенца, а жениху подавала на тарелочке платок, а потом приглашала за стол. Платок выполнял магическую функцию оберега на всем протяжении свадьбы: *«Дружки заводят невесту, берётся самый старший, кто и спрашивает отца и мать: «Разрешите завести невесту?»». «Разрешаю». Он сказал, берет платочки вот так. Ты берешься за конец платочек и я, вместе за платочки держимся, за кончики, и идем садимся за стол. Сели»* (Шульга М.С., с. Николо-Александровка Октябрьского р-на). В случае отказа девушка возвращала сватам принесенный хлеб, а жениху могла подать *гарбуз* (тыкву): *«Ежели невеста не схочет идти замуж, гарбузы выкатывали»* (Крахмалева П.Р., с. Чембары Свободненского р-на).

Если сватовство прошло успешно, то назначались *оглядины*. Родители невесты шли в дом жениха, осматривали дом, двор, состояние надворных построек, домашний скот. Иногда родители жениха шли на хитрость: брали у соседей коней, мешки с зерном, домашнюю живность, чтобы произвести хорошее впечатление не будущую родню. Затем на *смотринах* родители жениха осматривали хозяйство родителей невесты: *«Сперва оглядины. Невестина родня идет в хату, во двор. Смотрят, богата ли будущая родня. После на смотринах уже жениховы к родителям невесты идут»* (Крахмалева П.Р., с. Чембары Свободненского р-на).

После *смотрин* и *оглядин* назначалась дата *запоя*, где родители невесты накрывали богатый стол, устраивали застолье, куда приглашали, главным образом, родню жениха. Со стороны невесты могли быть только близкие родственники и крестные. Когда невесту *запивают*, она должна на столе нарезать хлеб и угостить всех присутствующих. На *запое* устраивается веселое гулянье, а родители договариваются о дне будущей свадьбы.

Последним этапом предсвадебного цикла являлся *девичник*, который назначался вечером накануне свадьбы. В этот день жених и невеста отправлялись на *запросины* – приглашать родственников и соседей на свадьбу. Заходя в дом, невеста произносила: *«Просимо мамо и батьку на хлиб – соль, и я прощу на свадьбу»* (Крахмалева П.Р., с. Чембары Свободненского р-на) и подавала *шишку* – сдобную булочку в виде еловой шишки: *«Берут шишки свадебные. А что такое шишки? Это как ёлочные шишки, они только слеплены из теста. Понимаете? Знаете, как пекутся? Проще пареной репы. Вот так тесто раскатывается, полоски, и делаются такие зубчики, так тесто раскатаешь. Полоски вот так порежешь ножиком, а потом вот это крутишь вот так. И получается, как роза. Понимаете? Испекут, а потом, када эту розу вытащат, и тут красные яюдки, и калина, и малина, и чё-нибудь, яюдки. Шишка свадебная»* (Шульга М.С., с. Николо-Александровка Октябрьского р-на). Свадебный каравай и шишки пекли накануне свадьбы.

Днем невеста со своими подругами шла в дом к жениху и дарила ему сшитую и вышитую ей самой рубаху. Эту рубаху жених надевал в первый день свадьбы: *«Жениху вышиван-*

ную сорочку невеста дарит. Он ее надеет в первый день свадьбы» (Крахмалева П.Р., с. Чембары Свободненского р-на).

На девичнике девушки плели венки, изготавливали *весильне гильце* – свадебное дерево, украшенное лентами, цветными нитками, веточками калины, пели обрядовые песни. Подруги невесты приносили *кокурки* – булочки с начинкой в форме жаворонков, украшенные *столбочками* – скрученными бумажками. Кокурки начиняли кашей, мясом, могли их печь и без начинки. Подруги клали кокурки на божницу, а жених кормил кокурками невесту перед брачной ночью: «*Кокурки жених невесте давал, когда молодые спать шли. Их подружки испекут и на божницу положут. Булочки такие, как жавороночки. С кашей, с мясом или так, с таким*» (Крахмалева П.Р., с. Чембары Свободненского р-на).

Первый день свадьбы начинался обрядом *покрывания*: подруги невесты расчесывали ей волосы и надевали *дымку* – венок из бумажных цветов, украшенный атласными лентами. Иногда к дымке прикрепляли фату: «*Берутся ленты и делается венок. Можно платье любого цвета. Голубое, потом розовое платье, лишь бы цвет был светлый, и венок. Вот, а сзади ленты висят разных цветов, ленты*»; «*И такие пышные красивые цветы. Вот такие разных цветов, вот они собираются на проволочку тут, разноцветные ленты. Фата была одна на всю деревню*» (Шульга М.С., с. Николо-Александровка Октябрьского р-на).

Немного позже к дому невесты подъезжал жених со своей *дружиной*: *сватами, тысяцким, дружками, боярами*, – и родственниками. В дом их не пускали, заставляли платить выкуп: «*А потом говорят: «Приехал жених». Как уже выпили все немножко, ага. Приехал жених, начинает ломиться в двери. Жених тут стоять, не пускают. Обычно такая поценка. Продает невесту. Я тоже Нинку продавала. Сидела там с подружкой. Берут колотушку, вот такую, как у нас вот. Круудая, длинна. «Не отдам невесту, не отдам», – стучали мы по этому. Жених приехал, у-у, не выпускают, пока выкуп не даст. Там бутылку шампанского или конфет, или чё-то. Ага. И мы сидим требуем выкуп за невесту. Витька наш дал мне печенье, горько, горько было, и копейки и, наверно, килограмм печенья. Девчата кричат: «Не мы, не вылезем». А-у-у. Потом дал печенья, эти монетки нам. Мы вылезли, вот так нырнули под стол, из-под стола вылезли, ушли уулять, уже нам дали за невесту. Жених сел и начинает свадебные песни» (Шульга М.С., с. Николо-Александровка Октябрьского р-на); «*Потом выкупают, там тые сидят двое, ну, з родственников, ну, маленькие той, хто с качалкой, рубэль був. <...> И (в)от то там дети сидят и выкуп с жениха требуют за сестру там, или за тё-отку, или там племя-анники, ну, в общем, родственники той. Дети. И то жених встал и стоить, выстоить до тех пор, зь ею сто потов вылье. Дети той, а на-а тарелку кйдають ей там мелочь, а дружки спивають:**

*Казали люды,
Шо зять боуат,
Шо урошей цилый мих (ну, мешок, мих),
А выкинул копейку, як на смих!
И ту подэщи ву свэщи*

Выкупыть винок у тэщи. Опять оны копейку ты... той, ну, для интересу. Вот. А то они тики эти дети вылазят, а страша дружка чи... хоп! и сила на тэ мисто. На женихово. И опять выкупать. Ну, тоди уже як выкупать, дак зь ею пот льётся-д не так. А оны-то торуюются, торуюются. Им уже и рубли кйдають там, и з десятки так, якие там деньуи былй! Вот. А ще, кричат, мало той. А тоди дружка старша уговорит: «Так, надой, всим

налывай по стопке!». Закуски всим дружкам дают, оны выпили, закусили и вылазят» (Федирко А.А., с. Максимовка Октябрьского р-на). Во время выкупа родственники невесты могли везти приданое (*постель*) девушки в дом жениха: «*Раньше было же, постель собиралы ж. Приданое ж тэ, аҫа. И было, везуть на лошади уперёд, ще невеста, невесту ще выкупають, а вже приданое повэзлы до жениха. И там у жениха торуюются, выкупають они баҫаж, вот, а тоди вже невесту привозят*» (Федирко А.А., с. Максимовка Октябрьского р-на). Затем молодые просили благословения у родителей.

На Дальнем Востоке в 30-40-е гг. XX в. в силу идеологической обстановки молодые в церкви не венчались, а *расписывались* в сельской администрации. После регистрации брака *свадебный поезд* проезжал все село. До 60-70-х гг. XX в. катались на лошадях: «*Лошади вот этимы цветами, колокольчики... Везде приколоно. На дугу навешано. Красиво так...*» (Крахмалева П.Р., с. Чембары Свободненского р-на).

После катания на лошадях молодые ехали в дом невесты, где начиналось свадебное гулянье. Мать невесты выносила *свадебный каравай*, украшенный лентами, цветными нитками, веточками калины. Крестная обвязывала руки новобрачных *рушником* и обводила вокруг праздничного стола, начиная от красного угла по ходу солнца: «*А жениха с невестой связывают рушником, шоб они не разлучились. <...> Привязывают руки, да, выше. И вот на иконах рушник еще один. Вот жениха с невестой связывают рушником, шоб они всю свадьбу. Если они разорвутся, значит, они разойдутся. А чтобы никуда не пошли, жених держит невесту вот так за юбку, шоб она никуда не убежала. Если он отпустил, она убежала, значит, считается плохая примета. Что она уйдет или кто-то между женихом и невестой пройдет. Значит, уже плохо жить будут. Понимаете? Вот. Вот такие вот приметы. Заходят они только с этой стороны вот. Вот стол, и должны выйти только оттуда. Если назад пойдут, то еще раз жениться будут. Понимаете? Вот тут посидели и пошли по выходу солнца, вылезли. Свадьба кончилась – они ушли. Вот. А сидят они вечер там. Три, четыре часа за столом. Всё они ушли, а хто хочет следующий садится, на похмелье садится. Раз посадили, они больше не садятся. Они уходят вот так*» (Шульга М.С., с. Николо-Александровка Октябрьского р-на).

На свадебном пире были четко распределены функции между его участниками: *сват, сватья, старшая дружка, дружка, бояре, густый сват, светилка, тысяцкий*, – каждый играл отведенную ему роль: «*Светилка, уоворили, это сестра невесты или какая-нибудь дивчина соседская. Така молоденька дивчина, которая в школу ходит. Ну, она еще шоб не замужем была. И ее назначают светилкой. Светилка – это она как бы свадьбу освещает, и у неё букет цветов. Обычно знаете, какие цветы? Сушеный чабрец, чабер. Знаете, чабер трава? Аҫа. И этот чабрец вот она держит. Чабрец или какой-то другой букет. У нас чабрец был, я помню. Кого-то выдавала замуж. И лентами обвешанная. Букет. Она тут стоит светит. Освещает всё свадьбу*» (Шульга М.С., с. Николо-Александровка Октябрьского р-на); «*Дружско – пожилой мужчина. А боярины – это молодой, неженатый, з дружкóй свадьбою-то тэ руководит. И то вин вэдэ етоуо за-пид платочэк. Они спивають:*

*Дружэчки-поляночки,
Да станьте на лавочке,
Да дайте дороуу князю молодому.*

Это жэниху. И тоди-то доводят жениха и сажают. Вот, и по ту сторону дружка сыдит, а по эту сторону у жениха уже сыдит боярин и светылка, а светылка, ну, девочка

молода. Девка, мож, пятнадцать лет, двадцать... Незамужняя. Это называется свэтылка. Она сидае, идэ боярин, коло боярина. Вот, тоже так. И то оны вже, о, як начнуть, ай... И то оны сидять, покудова аж уже вскрыват невесту. Каравай рздають, ну, було интересно»; «Каравай этот было рздають, когда уже дарять подарки молодым. Дарять. Вот молоді вылазят из-за стола. Дружко и боярин, и там и сваика. Сваика там, там что-нибудь причепе. Подарки собирае. <...> Абы простыню какую-нибудь, ну, что-нибудь. А уже дружко этот каравай рйже на кусочки. И это. И кладэ на тарелку. А уже боярин вот это, невеста подае водку, жених наливае, боярин подае сразу же этот каравай. Вот. А вот ти уже подарки дарять. Ти уже туда кидает что шо. Ну, такого, конечно, продуктов ничё не кидалы. Ну, что там шо. Тади, господи, что чулки там, что, ну, что че прдумает» (Федирко А.А., с. Максимовка Октябрьского р-на).

К концу свадебного пира происходило дарение подарков молодым и совершался обряд вскрывания: с невесты снимали венок и надевали платок, что свидетельствовало о переходе девушки из невест в жены: «Уже вот прыходэ время вскрыват невесту. Ну, опять же встаем, например, уже не дружки тое, ну, вот такие придурки, как и я (смеётся). Например, ну вот я (в)от так стану и дру́га, ну, что там ни буди, женичина, ну, той. И дэрим, например, вот так платок (показывает). Ну, плато-ок или там покрывало, что про-остынь даст... И оны сидят парой, а мы вот так их закрываемо, например, (в)от так. Ну, спеваемо:

Покрыточка плачэ,
Покрываться хочэ,
Не так покрываться,
Як поцеловаться.

А тодэ... мы не показуем! А вже тоди платок, винок и з невесты знимають, платкомы запынають. Ну, такой, пы збору, бабку делают. В женичину-то. И здесь:

Ой, шо же мы зобылы
З хлибá поляныцю,
З дивкí молодьця.

Молодыця вже вже женичина» (Федирко А.А., с. Максимовка Октябрьского р-на).

Затем молодые ехали ночевать в дом жениха: «Ну, да. Это уже подарять, тади опять невеста сидае, а после этого подарки как подарять, потом уже невесту вскрывають. Это уже всё. Это у жениха. Вот невесту вскрывають. Старша дружка вот это всё убират, венок, ну, всё той. Всё. Они вылазят. И старша дружка, и больше старша дружка на другий дэнь нету» (Федирко А.А., с. Максимовка Октябрьского р-на).

На следующий день сваика будила молодых и проверяла чистоту невесты. Однако уже в 30-40-е гг. XX в. этот обряд уже не исполнялся: «Ну, тоды, кода воны идут спать, им засылають чисту простынь. А потом утром идут будыть жениха-невесту. Сваики так, что идэтэ, ну, я нэ знаю. Ну ее, ту простынь, если простынь нэ чиста, значит, той, хвалять мать. Ну, я этою нэ даже нэ видела, при мэнэ я ни(г)де нэ было такого, а по рассказу. Мать хвалють, надэвають на нэй чётае яркое, как невеста вот, да, а если невеста нэ честна, выставляют, надевають, кажуть, хомут на нэй, и той и водять по дэрэвне – это же ж куда-то уодитя такое, а! Вот такие уоворять, но я нэ буду то точно казать, при мини нэ было этою» (Федирко А.А., с. Максимовка Октябрьского р-на).

Второй день свадебного пира – *похмелье*. Он отличался особым весельем и разгулом: родителей жениха и невесты катали на бычьей шкуре, бросали в грязь и в воду, гости переодевались в шуточные костюмы, играли роли жениха и невесты: «*А потом <...> второй день. Это уже похмелье. Невеста уже снимает свое свадебное и обычное надевает. Там похмелье начинается вот. Там и сажей мажутся и всё на свете там. И пляшут там. И невестами наряжаются, женихами. Там эти скоморохи, кто сажей намазался, кто во что иурает там*» (Шульга М.С., с. Николо-Александровка Октябрьского р-на); «*Их сажают, а было катают, ну, кто на чём. А раньше скот ризалы, шкуру то сдирали ей, той, то было то там з быка или з коровы шкура ж большая, то верёвкой привязуют, как санки делают, и то человек там сколько нацепляется. Это везут, везут тоди их вобьмут да и з шубы той пэрэкинуть и той! А як литом и так – у воду (з)дэ-нибудь. Ё урязь их! А тоди мыють! А тоди мать парять! Мать абортировалася! Это парыть. Двойнят принесла. Это вжесе нэ той. Чё мать парять, чё абортировалася, а ту – што родыла, уже женихову мать. Парять! Нэсуть там што той, ну, всё шутки той. Тоди мыють их! <...> И па-арять там. Кушинь там, раньше ж былъ кушинь, (з)дэ там валяются уорики етые, бью-ють! На живот ставят, бью-ють их! И па-арять, и ли-ичать их. Та абортировалася, а та родыла двойнят. Уже невестку взяла, уже, значит, двое у ней, а у тоей нэма, абортировалася (смеётся). Ой, интересно было*» (Федирко А.А., с. Максимовка Октябрьского р-на). В тот же день или на следующий – *лапшевник*, где ломали курицу. Смысл обряда заключался в следующем: жених, взяв девушку себе в жены, сломил ее, как ломают вареную курицу: «*Третий день – это курей едят. Кур собирают, ходят по деревне. Кто был на свадьбе, к тем идут, берут курицу, ловят, ловят в мешок. Варят курей, потрошат. Знаете, что такое потрошат? Значит, скубут <...> Потом этих курей, значит, варят, и третий день кто был на свадьбе идёт курей есть. Курей кушают. Вот. Вот три дня свадьба, обычно три дня бывает вот*» (Шульга М.С., с. Николо-Александровка Октябрьского р-на).

На третий день свадьбы *вылизывали посуду*: занимались уборкой дома, мыли пол, посуду. Однако часто день уборки заканчивался новым гуляньем: «*А вжесе на трэтий дэнь уже так прыходять, ну, там свои близкие той, идут посуду вылизывать (смеётся). Ну, мыть, мыть. Ну пидэм же на свадьбе же той, так, пидэмэ посуду вылизывать. Прыходишь, тоже до столу посадэть, тоди посуду ту мыють, моем там полы, ну, той... Это, убиралы, помауалы. Ну, и тоже як засядуть, дак уосподи прости. Не так посуды помыешь, як напьетесь. Наууляисся. Вот и так и было той*» (Федирко А.А., с. Максимовка Октябрьского р-на). В конце этого дня молодые разбирали подарки, одаривали родителей. На этом свадьба заканчивалась.

Интерес к изучению традиционной культуры, традиционной народной обрядности может поддерживаться через изучение говоров, лексическая система которых отражает и сам ход обрядов и ритуалов традиционной культуры, и состав участников того или иного обрядового действия, а также сохраняет наименования сакральных предметов, использовавшихся в традиционной обрядности. Украинский свадебный обряд Амурской области, являясь адаптированным вариантом традиционного украинского свадебного обряда, продолжающего связь со славянскими традициями, с лингвистической точки зрения представляет большой интерес для исследователя. Украинская свадьба очень богата обрядовым фольклором, как вербальным, так и, особенно, песенным. В амурских селах записаны песни, исполняемые при приглашении на свадьбу, на заручинах, при изготовлении каравая и шишек, при украшении сва-

дебного дерева, на девичнике, дразнилки на свадьбе и др. Богата и лексика свадебного обряда.

Свадебная лексика амурских говоров не исследована, не выявлены и не систематизированы лексемы, входящие в лексико-семантические поля «Названия действий свадебного обряда», «Названия свадебных чинов», «Названия материальных компонентов свадебного обряда». Исходя из этого, в задачи исследования может входить построение схемы традиционного украинского свадебного обряда в Амурской области (на фоне славянских традиций в прошлом и настоящем), раскрытие символического значения входящих в состав свадебного ритуала обрядовых действий как основы тематического объединения соответствующих наименований, относящихся к свадебному обряду; выявление и описание лексики, входящей в ЛСП «Названия действия свадебного обряда», «Названия свадебных чинов», «Названия материальных компонентов свадебного обряда»; изучение парадигматических и синтагматических связей лексем; сопоставление лексики, относящейся к украинскому свадебному обряду, с материалами других говоров Амурской области, прежде всего русских.

Первоначальные наблюдения над лексикой свадебного обряда позволяют сделать следующие заключения. В составе слов тематического объединения «Свадебный обряд» удалось выделить в крупные лексические поля «Названия действий свадебного обряда», «Названия свадебных чинов», «Названия материальных компонентов свадебного обряда». Общим интегральным признаком в значении всех описанных номинативных единиц является архисема «свадьба, свадебный обряд». При распределении лексики по полям учитывались наиболее общие дифференциальные признаки: «ритуальное действие», «участие в обряде», «использование в обрядовой ситуации» и др.

ЛСП «Названия действий свадебного обряда» отражает процессуальную сторону брачного ритуала. В этом поле естественно объединено наибольшее количество номинативных единиц. Образная основа (прежде всего, метафорический перенос) при номинации явлений носителями говора позволяет одному и тому же фрагменту обряда давать как глагольные, так и именные наименования: *сватать, приняться; свахи, запивки, переднёвки, похмелье и др.* При характеристике обрядовых действий в незначительном количестве используется также адвербиальная лексика: *крадчи, убогом.*

ЛСП «Названия свадебных чинов» отражает агентивную сторону обряда. В качестве дифференциальных признаков выступают характеристики свадебных чинов, наиболее значимые в обрядовой ситуации. Для вступающих в брак это количество браков и возраст (*второждёнка, засиделец*), материальное благосостояние невесты (*богачёха, нищенка*). Для остальных первых и второстепенных чинов – принадлежность свадебного чина либо к стороне жениха, либо к стороне невесты (*дружина, бояре, кашники*); функция в обряде (*светилка, густый сват, старшая дружка*); половая принадлежность лица свадебного чина (*сват, свашка*); а также временной отрезок участия в ходе обрядового действия (*бояре – «гости на вечере у жениха во время девичника», дружки – «друзья жениха и невесты в первый день свадьбы»*).

Свадебный ритуал, являясь центральным в цикле семейных обрядов, впитал в себя комплекс народных представлений об окружающем мире, природе и ее законах и демонстрирует образность и метафоричность народного мировосприятия в выборе языковых средств для названия чинов свадебного обряда. Связь свадебного обрядового комплекса с разными сторонами жизни диалектоносителей подтверждает пересечение лексико-

семантических полей рассматриваемого лексического объединения с лексическими группировками «Животный мир» (*волк* – «жених, приезжающий свататься ночью»; *ярочка* – «невеста», *барашек* – «жених»), «Торговое дело» (*выкупать*, *барыши пить*, *торговаться*); «Питание» (*блины*, *красный кисель*, *белый кисель*) и т.п.

Семантическое поле «Названия материальных компонентов свадебного обряда» отражает предметную, вещественную (в широком смысле слова) составляющую свадебного ритуала Интегральным признаком, объединяющим все единицы поля, является их использование в тексте свадебного обряда: *рушник*, *елька (гильце, вильце)*, *шишки*, *свадебный поезд*.

Изменения состава свадебной обрядности отражаются в активном лексиконе носителей говора. Названия частей брачного ритуала, действующих лиц, предметов, некогда обязательно использовавшихся в традиционной украинской свадьбе, ныне уходят из комплекса обрядовой свадебной лексики, наблюдается затемнение их семантики. Например, значение слова *надкосник* в настоящее время возможно определить лишь как «один из участников свадебного обряда». Хотя, по всей видимости, некогда этот свадебный чин был непременным участником свадьбы, были известны его функции и роль в свадебном действе.

В народной речи лексика свадебного обряда представляет своеобразную терминологическую систему. Разрушение обрядового комплекса (ритуала), неcodифицированный характер диалектной речи позволяет наблюдать у ряда лексем проявление полисемии. Тем более, что своеобразие диалектного текста способствует использованию одних и тех же наименований в системе называния этапов и других фрагментов свадебного обряда, а также при назывании понятий, относящихся к разным сторонам быта диалектоносителей. Так, слово *клетник* имеет три значения, связанные со свадебным обрядом: «распорядитель на свадьбе», «дружка, шафер жениха», «знахарь, оберегающий свадьбу». Фиксация одного и того же слова как названия для разных действующих лиц свадебного обряда в настоящее время свидетельствует уже не столько о разнящихся локальных свадебных традициях, сколько о забвении носителями говора полного обрядового комплекса и специальных лексем, называющих свадебные чины. Так, унифицируются понятия *сват*, *густый сват*, *тысяцкий*; *свашка* и *старшая свашка*, а сами лексемы употребляются бессистемно. Или уход из повседневного обихода обычая обязательно закрывать волосы женщины головным убором привело к унификации значений слов *повойник* и *кокошник*.

Таким образом, изучение народных обрядов на этнографическом материале определенного региона способствует решению глобальной проблемы – реконструкции славянской духовной культуры. В ряду традиционных народных обрядов свадебный обряд занимает одно из главных мест в силу разнообразия элементов, его составляющих, сложной системы включаемой в обряд символики. Свадебная обрядовая лексика полно отражает процессуальную, агентивную и предметную стороны ритуала. Благодаря названиям, сохранившимся в памяти информантов, становится возможным установить выпавшие элементы и обрядовые акты, являющиеся неотъемлемой частью народной духовной культуры. В связи с разрушением традиционного обрядового комплекса украинской свадьбы в Приамурье фиксация, выяснение (а значит, сохранение) обрядовой лексики становятся еще более актуальными, поскольку свадебная лексика воссоздает обширный фрагмент языковой картины мира носителей говора, отражает их взгляды на брак и брачные отношения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кабузан В.М. Как заселялся Дальний Восток. Хабаровск, 1976.
2. Аргудяева Ю.В. Украинцы. Украинцы в Приморье (80-е гг. XIX – начала XX вв.). М., 1993.

3. Історія української культури / За зачал. ред. Г.Крип'якевья. К.: Либідь, 1994.

4. Ковальчук О.В. Українське народознавство. К.: Освіта, 1992.

Рассказы об украинской свадьбе

1. «Каравай этот было раздают, когда уже дарят подарки молодым»

– Так учора (вчера) мэнэ заставылы там (на свадьбе) молодым спивать. Ну, забыла я який той. А у них щас: «Мам, ну давай ище, ну давай ище». Кажу: «Пошлы вы!»

– *А что пели им?*

– Да-а той... А на свадьбе на друуий дэнь это, мать и отца наряжают, там, то чё на үолову понадева-ают дак на еүо, на их шо-нибудь, тады целова-аться, үо-орько им кричат, то всё той, и припевки такие во то е. Скрывалы мы их. Там (*нрзбр.*) тряпку, так стоим и скрывалы.

– *А зачем скрывали?*

– А винок снималы, зь нивесты уже, накрывалы ий платком, ужо вна ж ни невеста, а с жениха снималы венки, надевалы фуражку. Уже вон нэ жених, уже вин мужчина же (*смеётся*).

– *А это на второй день, да, получается уже?*

– Аүа, на второй день. А молодых и скрывают, було в нас, первый день. Вот свадьба проходить, ну у нас було не так як щас, придумалы йихать у те кохфэ (кафе). Я не была там вообще-то, но представляю, не нравится. То знаете, каких прибаутки было, за-а... веселье таки было, а було як за... выкупають эту невесту. Дружки сидят, человек семь-во-осемь, поють дружки, девчата. Вот. Потом выкупають, там тые сидят двое, ну, з родственники, ну, маленькие той, хто с качалкой, рубэль був, а рубэль назывався, раньше же-э конопля ж была, и-и натипають, а тоди катають рублём бельлём). Щас, видите, утюүы, а тоди-и же не было той, были утюүи, но токо таки какие, ууольные. Но у нас не було еүо, а этим рублём.

– *Это дружка сидела с рублём, да?*

– Ну, не, вообще там, у каждого там чёй или то, для интересу. И (в)от то там дети сидят и выкуп с жениха требуют за сестру там, или за тё-отку, или там племя-анники, ну, в общем, родственники той. Дети. И то жених встал и стоит, выстоить до тех пор, зь еүо сто потов вылье. Дети той, а на-а тарелку кйдають ей там мелочь, а дружки спивают:

Казали люды,

Шо зять боүат,

Шо үрошей цилый мих – ну, мешок, мих.

А выкинул копейку, як на смих!

И ту подэщи ву свэщи.

Выкупыть винок у тэщи.

Опять оны копейку ты... той, ну, для интересу. Вот. А то они тики эти дети вылазят, а страша дружка чи... хоп! и сила на тэ мисто. На женихово. И опять выкупать. Ну тоди уже як выкупать, дак зь еүо пот льётся д не так. А оны-то (*нрзбр.*) торүүуются, торүүуются, а воны вже (*нрзбр.*). Им уже и рубли кйдають там, и з десятки так, якие там деньүи были! Вот. А ще, кричать, мало той. А тоди дружка старша үоворит: «Так, надой, всим нальвай по стопке!», закуски всим дружкам дають, оны выпилы, закусили и вылазят. А старша дружка сэдит до

последнею, но старша дружка уже место освобождает да сидае опять на эту сторону, а тоди берут за платочек, например, ёть так жениха вэдуть...

– *Скрытого платком? Закрытого?*

– Ну, платочок, вин в руках дэржэт жэних, платочок, и дружкó. Дружко пожилой мужчина. А боярины – то тэ... это молодой, неженатый, з дружкой свадьбою то тэ руководит. И то вин вэдэ етоуо за-пид платочэк. Они спиваютъ:

Дружэчки-поляночки,
Да станьте на лавочке,
Да дайте дороуу князю молодому.

Это жэниху. И тоди то доводят жениха и сажаютъ. Вот, и по ту сторону дружка сыдить, а по эту сторону у жениха уже сыдить боярин и светылка, а светылка, ну, девочка молода. Девка, мож, пятнадцать лет, двадцать...

– *Незамужняя?*

– Незамужняя, ауа. Это называется свэтылка. Она сидае идэ боярин, коло боярина. Вот, тоже так. И то оны вже, о, як начнуть, ай... И то оны сидятъ, покудова аж уже скрывать невесту. Каравай рздають, ну, було интересно.

– *А невесту как скрывают?*

– Ну, невесту скрываютъ... и с женихом?

– Угу.

– Ну так же ж опять же.

– *А что поют?*

– Уже вот прыходэ врэмя вскрывать невесту. Ну опять же встаем, например, уже не... не дружки тое, ну, вот такие придурки, як и я (*смеётся*).

– *Замужние, в общем.*

– Например, ну вот я (в)от так стану и друуа, ну, хто там ни буди, по... женщина, ну, той. И дэржим, например, вот так платок (*показывает*). Ну, плато-ок или там покрывало, хто про-остынь даст... И оны сидят парой, а мы вот так их закрываемо, напиримр, (в)от так. Ну, спеваемо:

Покрыточка плачэ,
Покрываться хочэ,
Не так покрываться,
Як поцеловаться.

А тодэ... мы не показуем! А вже тоди платок, винок и з невесты знимають, платкомы запынають. Ну, такой, пы збору, бабку делаютъ. В женщину-то. И здесь:

Ой, шо же мы зобылы
З хлибá поляныцю,
З дивкí молодыця.
Молодыця вже вже женщина.

Опять мы держимо! Оны тама-а на свадьба... а народу, верите, былó (*нрзбр.*) Не вмеша... ище идуть и зрители! О-ой, бо-оже мой, як на... вщелкаются (?) вот так (в)от – нэ прóйдешь. Було интересно вот так. А там кричать же: «Ну, покажите, покажите!» – «Не-ет то есь!», – и вопять держимо. Ой, сё... тоды:

Ой, шо же мы зобылы
С поляныци хлибá,

А с парубка дида.

Яку-нибудь бороду куда там напридумают им, напричепим. Ну, надевают э-э, хуражку там или... шапки и з бородой. Оны ще кричать, шо... ну, ну, покажите – не-ет! Выкуп! Тут нальвают тожеть по сто-опочке, закуску пидносят, и открываемо. То вже скрылы. Ну всеуда ж для интересу, не так же шо все пыть и пыть, ну вот той. Ну, щас этоуо уже нету. Вот так скрывают невесту. Я их стильки скрывала...

– А на следующий день скрывали родителей жениха или родителей невесты? Шуточно вот?

– Не-ет, просто люблю... любоуо можно. Любоуо. Ну, нэ любой запоеть, не любой же так, правда же, той. У нас у дэрэвне уже вси знали, шо я якая той. А-а у мэнэ мамка была, она мэнэ ще и з детства, було, она прядэ, то тэм шерсть, овчина или там пряжу, а я вяжу носки, она мнэ научила носки, рукавыцы вязать, и она очень хорошо, у нас отэц у мэнэ хорошо пел и мать. Они, було, як запоють, вот үдэ на үулянку идут, и по улыще запоють, уже Андрий з Настею үдэ були на үулянке. У отца быў үолос у нэй, а у матери моей, как звонок. Вот. И она мэнэ выучила вот эти вси. Я ж из детства вси вот эти прибаутки. А было вот это же-е у невесты дружки, а у жениха ж б́оярыны э там и свэтылка, и вот певают, например. Боярын заходэ, а у вже ж б́оярына, ну, там есть родственники там тии, ну, знакомые той, прыпевки вот этии. Дружки певают на свытилку:

Сыдыть свитилка при стини,

На ии сорочки ни ии,

На ий сорочка сыстрина,

Выгоните ей из-за стола.

А вжэ отсэдова, от жениха, певают на старшу дружку:

Старш́а дружќа лас́а,

Наилася мяс́а,

На стину дралася,

Покамись усралася.

И уже тако, знаете, стильки – ой!

– А что такое «ласа», это что значит?

– Ласа. Ну, вот прыёмна такая вобшэ, ну как сказать вам?

– А, ласковая?

– Ласкова такая.

– А они не отвечают, когда поют про них? Они не поют в ответ?

– Почуму?! Если вот на дружку той, уже дружки – на ихню сторону.

– Друг на друга, да?

– Друу на друуа. Уоворю, вот две дружки спивают то на той:

Старший боярын красен,

На ёму жупан рясен – это шуба, раньше был́ы шубы таки той, как вам сказать?

– Короткие?

– Как үармошка там, рясами, рясий.

Мэж тэмы рясы там и сидят воши копытамы.

Это уже дружки отвечают этим. А эти опять же най той.

Стоить на опичку́ кружка,

Туды сцала кишка,

Дайте тою кружку,

Мы напоим старшу дружку (*смеётся*).

И то вот так, пэрэкидаются. Ой, раньше было интере-есно вот <...>.

Раньше было же, пóstель собиралы ж. Приданое ж тэ, аҫа. И было, везуть на лошади уперёд, ще невеста, невесту ще выкупають, а вже приданое повэзлы до жениха. И там у жениха торууются, выкупають они баҫаж, вот, а тоди вже невесту привозят. Ну, невесту уже в жениха скрывают. Не дома, а у жениха тама. Всяк было, да интересно было, а щас...

– *А на второй день родителей катали, да?*

– Аҫа.

– *И мужа родителей, и жены?*

– И з жениховой стороны и з невесты. Их сажают, а былó катають, ну, хто на чём. А раньше скот ризалы, шкуру то сдиралы ей, той, то былó то там з быка или з коровы шкура ж большая, то верёвкой привязують за... как санки делают, и то человек там сколько нацепляется. Колы пятнадцать там, то там... народа ж о та. Это вэзуть, вэзуть тоди их вóзьмут да и з шубы той (*нрзбр.*) пэрэкинуть и той! А як литом и так – у воду (г)дэ-нибудь. Ё үрязь их! А тоди мыють! А тоди мать парять! Мать абортировалася! Это парыть. Двойнят прынесла. Это вже-е нэ той. Чё мать парять, чё абортировалася, а ту – што родыла, уже женихову мать. Парять! Нэсуть там што той, ну, всэ шутки той. Тоди мыють их!

– *Водой прям моют или понарошку?*

– Ну, так, што... Еҫо... на это... моего мужика мылы у бане, та старенька баня у нас была, ну то мы деду у пиисят лет свадьбу вэлы, а дед уже старэнький был, так мы его за жениха, за отца той. Тода было и кричать: «О-ой! Тада абортировалася, надо...» И па-арять там. Кушины там, раньше ж былы кушины, (г)дэ там валяются үоршки етие, бью-ють! На живот ставят, бью-ють их! И па-арять, и ли-ичать их. Та абортировалася, а та родыла двойнят. Уже невестку взяла, уже, значит, двое у ней, а у тоей нэма, абортировалася (*смеётся*). Ой, интересно былó.

– *А вот родители жениха и невесты, над ними только шутили, а уважительно их потом, с почётом никуда не сажали?*

– Ну, Как? А тоди ужо их попарять, повозють, потом сажают и за стол.

– *Но тоже шуточно или уважительно?*

– Ну, шуточно так за стол сажают их, тоди уже, родители и жених и з невестою, и дружко, уже вони всех үостей сажают, нэ так, як щас: хто куди схотив, тот идее сив и пье. Всех сажают за стол, всю, всех народ и той. И жених и з невестой уже тоди обхажують. Налывают тарелоче (?), на тарелку ставят четыре там рюмочки. Свашка, это пожила женщина, свашка – закуску. И уто всех обходят. Жених наливает, имы четырям рюмочкамы усих обходят, нэ ставят. А тоди уже стали ставить каждому. А раньше нэ ставылы. И водки такой не былó, вин нэ напивалысь так. И никто нэ воровал. Тоди уже ти (родители) молодй. А эти уже молоди ухаживают за всима.

– *Это на второй день.*

– На второй день, да. Уже ото повозять, покатають их, помыють. А ще на второй дэнь идэш на свадьбу, ну, идэш же туда, мы бул(о)... раньше, було, идэш, ну, чё-нибудь дома тоже же там... А раньше была в моде яишня, кисель там, белый или красный, ув моде быў, вот. Блины, хто успие настряпать. Идэш, ну, хто шо үодный. Прыносим там хто што. Ну и прыхоодять үости, а тут уже стоять у дверях.

– *А кто стоит?*

– Ну, гостя. Кто-нибудь (в)от таки ж як (показывает на себя)... придурки (здесь в смысле – любящие попридуряться, пошутить). Таких было мноуо. Ну и... мы... умываться! Я было уже так нико(г)да, из дома иду, я нэ надеваю такого, шобы о то тэ... Я нэ... не пручаюся. Я прыходю, (в)от так руки опустила и шо хочьте со мной делайте. А сажа... печки ще русские, а там стильки сажи, и сажи натрусят, туди тряпочку намочють, да, зэркало – яку-нибудь сковороду, (нрзбр.), ну и тут тильки ты заходышь, например, и тэбе тут сразу умываться, мы – о-оё-ёй! Ну вымажут! Ну вымажут отоей сажею! А потом вэдуть до зэркала. О-о! Як үляну – ще тый те хороший. НУ буллы таки, щё сопротивляются и-и вся сажа летэть, и оно же как ей... А я дак иду, я знаю, шо уже мини шо будэ, я нэ... зайшла, так и стою. Они мэнэ вымажут – вымажут, и я ни(г)дэ нэ вымазана, тильки лицо мэнэ вымазано, а там уже и вода тёплая, и мыла, всё-всё уже приуотовленное. И уто скильки будэт людэй ийти, всех вымажут. Умыють. Потом уже сидать за стол, вси опять же так, опять сидають, и всё той. Это на дрүүий день уже. Это умывалы. Обязатэльно умывалы.

– *Это второй день, а вообще сколько дней обычно?*

– Знаете шо, рябета, я скажу, пристягалы ножки по одёжке. Ну нэ вси ж такие боуатии, щёб той, правда ведь так? Ну, как на вто́рый дэнь... до вэчера. А вже на трэтий дэнь уже так прыходять, ну, там свои близкие той, идут посуду вылызывать (*смеётся*). Ну мыть, мыть. Ну пидэм же на ну на свадьбе же той, так, пидэмэ посуду вылызывать. Прыходишь, то же за до.. за столу посадэть, тоди посуду ту мыють, мыемо там полы, ну, той... Это, убиралы, помагалы. Ну и то же як засядуть, дак үсподи прости. Ну вот так.

– *И посуду помоешь, и погуляешь.*

– Аүа. Не так посуды помыешь, як напьетесь. Наууляисся. Вот и так и было той.

– *А важно было, чтобы невеста была девушкой?*

– Ну как-то было раньше важно.

– *А об этом говорили?*

– Нет, уже ко(г)да я замуж ишла, я ишла, честно скажу, я ишла честно. Ну ниhto нэ той, уже в моих үодах уже ниhto нэ обьявлял. А раньше казалы, шо обьявлялы.

– *А кто обьявлял?*

– Ну, тоды, кода воны идут спать, им засылають чисту простынь. А потом утром идут будыть жениха-невесту. Свашки так, хто идэтэ, ну, я нэ знаю. Ну ее, ту простынь, если простынь чиста, значит, той, хвалять мать. Ну я этоуо нэ даже нэ видела, при мэнэ я ни(г)де нэ було такого, а по рассказу. Мать хвалють, надэвають на нэй чётае яркое, как невеста вот, да, а если невеста нэ честна, выставляють, надевають, кажуть, хомут на нэй, и той и водять по дэрэвне – это же ж куда то үодится такое, а! Вот такие үоворять, но я нэ буду то точно казать, при мини нэ было этоуо.

– *А когда невеста и жених на второй день садили гостей, да, вот всех рассаживали, как-то в определенном порядке садили, т.е. вот с этой стороны должны сидеть родители, с этой стороны должны ...*

– Нет. Не так. Кто дэ той. Абы вси силы. Не было разбору никакого. А так уже мы были все вмисте и так уже сидалы. Кто и. Не было этого, чтобы дельлись. В первый вэчер у той, кто примет дружки вылазят сажают всю родню женихову. Вот придут они, за невестою же мноуо не идут. Вот. Это же идут, например, вси так, чтобы парей не было. Ну, по пять человек, семь человек, девять человек, а невеста уже десята. С женихом это. Вот. А не-

веста десята там или шестая. Пять придэ она шестая и так было. Ну, и приходят и все там это ставят, привозят багаж и сажают, сажают сразу потом эти родственников. А потом уже своих үостей сажают. Это в первый вэчер. А тоди же невесту они забирають. Они же там не сидят долґо. Невесту выкупили и все. Потом невесту забирають. А это вся, родственники все тади ситають и үуляют. А невеста уже. А уже утром сходится вся капелла. Завтра несут они невесте завтракать. А потом идут от жениха же. Например, с нашей стороны несут до жениха завтракать. Завтрак несут. А тади уже там поүуляем. Уже от жениха идут все сюда. В этот. Тут үуляют. Ну, вот так было.

– *Т.е. переходили из дома в дом.*

– Аүа.

– *Анисья Андреевна, а вот вы говорите, кисель был белый и красный. Это что? Говорите: «Приносили кисель белый, красный».*

– Ну, белый з молока. Молочный, белый то есть. Ну, также с крахмалём варят еүо, тоқо. Ну, а красный варенье. Тади ж варенье же было. А голубица была. Просто так нарветь ее. И сушили мы ее. В бочки насыпали, продавалы то. Этой үолубицы, ну, той. И кисель называли. Щас еүо не варят. Щас в маүазине продають. Ну, видишь, его надо кружкой пить, а то было зварят, так ложкою не вдолбаеш. Уустый такой то. Это было пару закутой, а чтоби (*нрзбр.*) Салатив не было, колбас вот этих не было. Ну, если тама зарежешь чушку и наделаешь, ну ты ж на свадьбу еүо не выставишь. Скоко ты их там сделаешь там. Ну, для себя там делали колбасу свою домашнюю. А в маүазинах же не было. Може дэ и были, но у нас не было. Мы не знали, что оно то. Ну, такие яишня, кисель красный там, капустаный, не борщ, а капустаник. Кто борщ варит, а кто капустаник. Специально капусту сечүт. У мэнэ есть и секатор. Я в ти года делала той. И вот это картошку цилую зваришь. Целая картошка. Начистишь и зваришь. И вот этой капусты. Тады чууны былы, кастрюль не было. И капусты туда той, и тады варят. Тади пшена. Вот. Ну, мяса тади нарежут кусочками мелкими. Вот. Как вот щас солянку делают. Под вид этого. Токо пшена еще туда. <...>.

– *А сладкое что на свадьбу делали? Вот на праздник. Сладкое? Что было?*

– А сладкого ничего делали, таки что. Компот. Варилы.

– *А стряпанное что-нибудь? Печеное? Стряпня?*

– *Караваи какие-нибудь делали?*

– Каравай пеклы сами. Ну, кто можа(?) украсят его чем. Ну, а чим тем той. Еүо ..

– *А каравай только молодым или для всех?*

– Ну, как сдобное. Вот то. Аүа.

– *Его молодым предлагали или всем?*

– Каравай этот было раздають, когда уже дарять подарки молодым. Дарять. Вот молоди вылазят из-за стола. Дружко и боярин, и там и свашка. Свашка там, там что-нибудь причепе на. Подарки собирае.

– *Фартук какой-нибудь, да?*

– Аүа. Абы простыню какую-нибудь, ну, что-нибудь. А уже дружко этот каравай рйже на кусочки. И это. И кладэ на тарелку. А уже боярин вот это, невеста подае водку, жених наливае, боярин подае сразу же этот каравай. Вот. А вот ти уже подарки дарять. Ти уже туда кидает хто шо. Ну, такого, конечно, продуктов ничё не кидалы. Ну, хто там шо. Тади, үосподи, хто чулки там, хто, ну, кто че прдумает. А было и спивают:

Дружко каравай крæе – рижета,

А семеро дэтэй мае
С длинною ломакою
Да с черною собакою.
– А ломака – это палка?
– Ну, палка – ломака. Палка. Вот так было его припев (нрзбр.):
Тибe, дружка, не дружковати,
Тибe, дружка, свиной пасти.
С длинною ломакою
Да с черною собакою.
Это припев идетъ.
– А дарят подарки и жених с невестой благодарят всех, да?
– Не, ну, они ничего не кажут там, ни благодарят ниче, ну, а каждому подносят ёго.
Выпить и это. Это женихово. Ихняя была работа. Уостий всех
– По порядку, просто по кругу.
– Ну, да. Это уже подарять, тади опять невеста сидае, а после этого подарки як подарять, потом уже невесту вскрывають. Это уже всё. Это у жениха. Вот невесту вскрывають. Старша дружка вот это всё убирае, венок, ну, всё той. Всё. Они вылазят. И старша дружка, и больше старша дружка на другий дэнь нету.
– То есть это такой конец свадьбы?
– Да-да-да.
– Официальный конец свадьбы?
– Да. Это уже молодых отправляю спать. А ти, мы ууляем ти до утра. Особенно если утром коров доить да на работу идти, нрзбр.
– А венок вот этот, который с невесты снимают, его потом что? Невеста его где-то хранит, или она его дарит кому-то?
– Да никому она не дарит. У мэнэ венок бул да он по дэрэвни ходил, не знаю дэ вин и дился. Хто его за. Вот так каждый идуть: «Дайтэ, дайтэ». И ту. Это же.
– А вот сейчас есть такой современный может быть такой обычай: невеста бросает цветы свои – кто поймает, тот, значит, замуж выйдет. А раньше такое было?
– Не было, не было. Даже не было этоуо той.
– То есть так не гадали?
– Не-не. Не-не. Не было этоуо. А то тады букетов не было. Ну, я знаю, что у нас брали у самих венков, а дэ вин дился, черт его знает.
– А на свадьбу каких-нибудь гаданий для молодых не было? Не гадали, как они жизнь проживут? Вот где-то рассказывали свечку жгли, в печку ставили. Если долго горит, долго жить будут; если потухнет...
– А не.
– Такого не было?
– Знаешь, это печут каравай. Когда вот пекут каравай, да, и ставлють две свечки. Ну, зауадывают, дэ невестина, дэ женихова. И вот это подпалываютъ. А печки же были русские. И вот подпалываютъ вот эти свечки и ставлють в печку ту тэ, штоб пекся та каравай этот, да. И вот смотрят, чья свечка впэрэд сурит, тот, значит, впэрэд помреть. Во.
– Какое страшное.

– Вот так было. А так на свадьбе никто ничё. Это разговору не было такоуо. А я знаю вот у нас этот, ну, моеуо мужика брат женился, двоюрóдный. А свекровка моя и еуо мать, они тут ятровки(?), ну, забратаны. Свекровка там была, пришла и рассказывает: «О, ты знаешь, сдílали свíчки, поставили, и иванова свичка сразу таки в печку поставили, и она сразу загнулася. Ну, а у еуо мать была такая тэ: «О божи мий, о божи мий, о божи мий». Что значи,т сынова то. «А надькина сгорíла до конца». Свекруха говорит. Она то вперед умерла, а вин после. (смеется) Вот така правда. Но вин боли́л. И з молоду здесь забóлил чё-то и боли́л, и боли́л, и боли́л. Но вин после Надьки немноуо, и уду не прожил. Но всё равно она вперед умерла. Вот у так делали, а так чтобы, не было́ этоуо. Это родители, если каравай печуть, то ставили свечки той.

– *А каравай пекли родители невесты?*

– Э родители невесты, родители жениха.

– *Вместе то есть?*

– Да. И оттуда, и оттуда пеклы. ... А то тэ у невесты же раздавалы, дарилы у невесты подарки той.

– *Дома у невесты?*

– Да, тут же каравай той. Они у невесте, по-моему, той. Чё то я уже не сбрешу.

– *Ну, наверное, дарили, уже когда все вместе собрались?*

– Да, наверное. Вот это дай то. И подарки были. А и сейчас вот. То было вперед, ну, як то венки одевали той, хфату, хфату надевали. Хфата, да? Ну, она щас тоже также называется. Ну, а сейчас шо? Ну, оденут вот это платьишко, вот это всё уóло, руки уóлы. Не-е, ну, правда, всё уóло, да. Ту еще зачесаны, ну, яко не прическа, ничё, тут який хвост прицеплят сзади и той. Я подивлюсь, думаю: «Ну, что это за хфата? Что это за наряд такой?» А есть так нормально. Вот так поды... так.

– *Скажите, а раньше в одежде для невесты были какие-нибудь запреты? Вот, допустим, говорят, нельзя невесте босоножки одевать – жизнь дырявая будет. А раньше такое было или нет?*

– Как, как не поняла?

– *Ну, вот, допустим, какие-то запреты на одежду для невесты были? Вот, допустим, говорят, нельзя невесте босоножки одевать – жизнь дырявая будет. А такое раньше было или нет?*

– Ну, воровали босоножки то е(сть)? Обувь что ли?

– *Нет.*

– *Ну, вот воровали, да? А как воровали?*

– Ну, у невесты вот то тэ ... под столом кто-нибудь зализе и сниме с ноуи.

– *Так она ж сидит в обуви. Как он снимет?*

– Вот она ж сидит, вот она ноуу пиднимет, она знае, што у неё буде брать. И всё тут кинетя, а невеста то боса. Вот бегае жених тоди. Везде. Под окнами. Вежде ж. А то еще и невесту уворують.

– *А кто воровал невесту?*

– Дружкí, ну, там молодёжь. Хто? Вот выдите они той, да жениха там заговóрять вот, а невесту схватили и де-нибудь той.

– *А потом что выкупать?*

– А то... А вин кинется той. Это специально под той (?). Вот тади и беуае. Ищет ей. А без выкупа тади знаете, а без выкупа не дають.

– А выкуп?

– А выкуп. Ну, выкуп – стопку им поналивать водки. Вот им и выкуп. Ну, всё у то. И обуток. Из невестиноуо то.. туфля напували (*смеется*)

– А напу... поили кого? Жениха или дружек? Кого поили из туфля?

– Ну, и жениха. Жених пил это. Еуо ж невеста. Еуо ж это. Щас придумывали. Вот это все шутки были. Щас этоуо уже нету.

– Ну, вот у вас на свадьбе что было?

– Да-а-а, туточка ничё такого не было. Да, тут таки были ей родители, их четверо да наших немножко. Такоуо ничё не было той. Ну, скромненько так. таки (*нрзбр.*). Ну, щас и вовсе ниде не той. Вот уоворять: «Вот там в кофэ, в ресторане». А наши ездили, ну, той внукова, ну, как сказать, тоже мни внучка. День рождения справлять. В ресторане, а Валя из микра... ну, той. Седня пришли мы той мни показывать. Ну, я подивилась да кажу: «Ну, шо это вот. Это скотный двор вот». Танцують они и чужие там ещё. Не поймёшь там тиби кой, ну, танцують. И наши, и ти. И вси вот такочко. Ну, какая это уульня? А я кажу: «Ну, и шо? Шо у вас там? Скотский сарай шо ли то?» А чё? Музыка урает для всих одна, и оно вси вот так. А я уовору: «А скико вас там было?» И чужие тамочко, и наши, и. Они: «У нас кабина отдельна была. Мы сиделы». Ну, и шо вы сиделы отдельно, а танцевалы у вас таки, там вы здесь, там уже чужие, там хто-то чужий, и говорю, вот так вот.

– А невеста на свадьбе не танцевала как-нибудь специально вот раньше?

– Почему? Танцевалы той.

– А какой-нибудь...

– Нет, щас видишь, э-э этот щас выходят парою, да. Невеста то и тоуда.

– Невеста с женихом танцуют, да! А раньше так было?

– А раньше нэ-э-э то. Не танцевала.

– Ну, да. Раньше такие богатые свадьба, конечно. А вот был какой-нибудь запрет? Можно было замуж выходить только тогда, когда будет два... восемнадцать лет, да? или семнадцать лет? Или в шестнадцать лет тоже замуж выходили?

– Знаете чё, при мене никто таких по шестнадцать, восемнадцать лет замуж. Я не помню чтоб. Я выхóдила замуж, мне был двадцать первый год уже. Девчата наши кажут: «Ой, мам, ну, чё ты там так поздно замуж вышла». А я нажилась с ним. Ну, а чё, если выйти там в пятнадцать, шестнадцать лет, шо она понимает. Я еже работала дояркою. Уже я в хозяйстве што-то знала. А потом выходишь же замуж не так хто попало. Вот. А я говорю: Подборна была што ли? Што там кто пришел, я за того и вышла. Не-е-ет. А не пришёл, пришла б я в двадцать один, так бы и жила не той. Ну, не переться (жениться) же не по любви, правда же? Зачем это? Вот. Як бы за коуо выскочить. Не-ет. А в деревне же друг друга знаем же.

Федирко А.А. (с. Максимовка Октябрьского р-на)

2. «Шоб невеста смеялась на свадьбе – это плохая примета»

– Или злые духи там на неё не то там Ну в общем ... наезжает в чужом доме. Надевает веночек и надевает фату на нее. Вот чтобы жених не видел. Потом жених приходит, а садятся они за стол. Вся родня невестина, а жениху отдельно, они там бегают. А потом вся

родня у невесты, эт самая подружка, её щас говорят: «свидетельница». А тада ўоворили: «Дружка, дружка, старшая дружка». Это значит самая близкая подруга невесты, щас, наверно, тамада.

– *Нет. Тамада – это тот, кто проводит мероприятие.*

– Старшая дружка и проводит, да.

– *Нет. Сейчас людей нанимают для этого.*

– Ну, я поняла. Щас всё век друуой, а вот эти девчата, которые её подрууи называются дружки. Ни подружки, а дружки. Вот когда вот невесту найди в чужом доме, приведи сюды, ну, соседская хата обычно или где-нибудь, только не в своём доме. Вот. Привели, и садятся они за стол. Вот так стол буквой П. Вот так вот. Там ставят вот эти яства, там чё обычно: букеты цветов или. А заранее пекут каравай свадебный. Знаете, что такое каравай свадебный?

– *Да.*

– В общем так. Берут шишки свадебные. А шо такое шишки? Это как ёлочные шишки, они только слеплены из теста. Понимаете? Знаете, как пекутся? Проще пареной репы. Вот так тесто раскатывается, полоски, и делаются такие зубчики, так тесто раскатаешь. Волоски вот так порежешь ножиком, а потом вот это крутишь вот так. И получается, как роза. Понимаете? Испекут, а потом, када эту розу вытащить, и тут красные яюдки, и калина, и малина, и чё-нибудь, яюдки. Шишка свадебная. Вот так. И это всё ставят на стол, шишки. Там какая-то церемония, шо шишки едят. Чё-то я такого не помню. Знаю, шо шишки стояли. Вот. Невесту заводят на платочках. Так она просто не заскакивает за стол. Как у нас в ресторанах: зашла, посидела и выскочила. Вот. А заводят на платочках. На платочки носовые вязаные. Где-то у нас валялся. Я. Где он был? Вот, в общем, обыкновенный носовой платочек, вот. Берётся четырёхугольная ткань, обвязывает кружевом вокруг. У всех, у всех были платочки. Белые носки у девчат и белые платочки, белые воротнички, причёски. А чтоб красились, такого не помню. Дружки заводят невесту, берётся самый старший, кто и спрашивает отца и мать: «Разрешите завести невесту?». «Разрешаю». Он сказал, берет платочки вот так. Ты берешься за конец платочек и я. И мы вместе за платочки держимся, за кончики, и идем садимся за стол. Сели. Вот. И начинается там пожелания всё-всё. А потом ўоворят: «Приехал жених». Как уже выпели все немножко, аүа. Приехал жених, начинает молиться в двери. Жених тут стоять, не пускают. Обычно такая поценва. Продает невесту. Я тоже Нинку продавала. *(нрзбр.)* Сидела там *(нрзбр.)* с подружкой. Берут колотушку, вот такую, как у нас вот. Круулая длинна. «Не отдам невесту, не отдам», – стучали мы по этому. Жених приехал, у не выпускают, пока выкуп не даст. Там бутылку шампанского или конфет, или чё-то. Аүа. И мы сидим требуем выкуп за невесту. Витька наш дал мне печенье ўорько, ўорько была. *(нрзбр.)* и копейки *(нрзбр.)* и, наверно, килоүрамм печенья. Девчата *(нрзбр.)* кричат. Не мы, не вылезим. Аүа... Потом дал печенья, эти монетки нам. Мы вылезли, вот так нырнули под стол, из-под стола вылезли, ушли ўулять, уже нам дали за невесту. Жених съел и начинает свадебные песни. Так они поют, так а еще не сказала, и еще назначается светилка.

– *Это кто?*

– Это такая светилка. Светилка, ўоворили, это сестра невесты или ккая-нибудь дівчина соседская. Така молоденька дивчина, которая в школу ходит. Ну, она еще шоб не замужем была. И ее назначают светилкой. Светилка – это она как бы свадьбу освещает, и у неё букет цветов. Обычно знаете, какие цветы? Сушеный чабрец, чабер. Знаете, чабер трава?

– *Да, я знаю. Чай таким делают. Он помогает от простуды.*

– Аҫа. И этот чабрец вот она держит. Чабрец или какой-то другой букет. У нас чабрец был я помню. Кого-то выдавала замуж. И лентами обвешанная. Букет. Она тут стоит светит, *(нрзбр.)* освещает всё свадьбу. Все за столом сидят. И тут, значит, уже жених выкупил, сел рядом. Вот. Вообще-то его там не пускают, отталкивали. Но все равно пролез вот. А жениха с невестой связывают рушником, шоб они не разлучились.

– *Рушник – это что?*

– Рушник – это вот он у меня, рушник, висят рушники эти. Привязывают руки, да, выше. И вот на иконах рушник еще один. Вот жениха с невестой связывают рушником, шоб они всю свадьбу. Если они разорвутся, значит они разойдутся. А чтобы никуда не пошли, жених держит невесту вот так за юбку, шоб она никуда не убежала. Если он отпустил, она убежала, значит считается плохая примета. Что она уйдет или кто-то между женихом и невестой пройдет. Значит, уже плохо жить будут. Понимаете? Вот. Вот такие вот приметы. Заходят они только с этой стороны вот. Вот стол, и должны выйти только оттуда. Если назад пойдут, то еще раз жениться будут. Понимаете? Вот тут посидели и пошли по выходу солнца, вылезли. Свадьба кончилась – они ушли. Вот. *(нрзбр.)* А сидят они вечер там. Три, четыре часа за столом. Всё они ушли, а кто хочет следующий садится, на похмелье садится. *(нрзбр.)* Раз посадили, они больше не садятся. Они уходят вот так. Светилка за жениха там поют, за невесту частушки поют и пляшут, и всё на свете. Вот. Это первый день свадьбы, аҫа. Еще щас свадебную песню щас скажу. Щас вспомню так поет частушку светилка *(нрзбр.)* Так светилка ҫладенька: ҫоловка ҫладенька.

Где ты, моя доля,
Ходишь по садочку?

Это я помню. Это поют они светилке. Потом щас еще одна песня, под которую все плачут. Так *(нрзбр.)* Про сподманицу. *(нрзбр.)* Это девушка, которая обманула всех, понимаете. Обманула всех.

– *Почему ее так называют?*

– Потому что она сказала: «Замуж не пойду». А сама собирается.

– *Какое странное слово?*

– Сподманица, аҫа.

Как у нас одна сподманница была,
Сподманула всех своих верных подруг.
Лаю лей по лей, сподманула своих верных подруг.
Говорила, что я замуж не пойду,
Оглянулась, а за столиком сижу.
Ваю лей ю лей, оглянулась, а столиком сижу.
Записала первый куплет? Дальше чё.
За столиком, за тесолинским,
За Ванюшей чернобровеньким.
Он чернявый, чернобровый, душа мой.
Закатилось два яблока за стол.
Вай лю лей, закатилось два яблока за стол.

Написала? А-а.

Они сахаром ссыпаются,
Кому долюшка достанется.

Некоторые говорят: «Долюшка», некоторые: «Олюшка». Смотря, какая невеста. Чье имя.

Вай ле люлей лю лей, кому долюшка достанется.

Это женщины поют. Как здорово поют. Это вообще потрясающе. Вот. Потом невесту увозят, они када уже напились, наелись. Собирается невеста к жениху, она плачет все время, у ней такое состояние, что она вот, вот ее увозят, и она прощается с родным домом, понимаете вот? Шоб невеста смеялась на свадьбе – это плохая примета. Шас они хи-хи-хи-хи, а шас, а тогда они плакали. Плакали все. Вот венки им делали копия, из лент. Ленты разных цветов. У меня там веночек один есть, но он не свадебный, а так просто. Там я хотела найти в садике. Ну, с капрона с этого, простые цветы, не такие. Берутся ленты и делается веночек. Можно платье любого цвета. Голубое, потом розовое платье, лишь бы цвет был светлый и веночек. Вот, а сзади ленты висят разных цветов, ленты. А вам показать так здесь у меня на примере. У нас тут тетка Марфа жила, царство небесное, она умерла уже. И она делала какие красивые венки. Тетка всей деревни делала, понимаете? Она берет вот так, она берет ленты разных цветов. Это у нее изнанка, вот изнанка, это лицо, она вот так берет вот так вот сшивает, собирает на щёлку. А потом выворачивает. И вот это вот получается, что вот это вот гладкая стирона тут, и так получается пышно, вот такой вот цветочек. Его проще пареной репы сделать. Вот так собери. Вот видите, только он будет блестящий, она его вывернет вот. И такие пышные красивые цветы. Вот такие разных цветов, вот они собираются на проволочку тут, разноцветные ленты. Фата была одна на всю деревню <...>. И они с запада привезли фату, и вся деревня входила в ней замуж, понимаете? Одна невеста вышла замуж, вернут фату следующая, дак там фата была такая серенького цвета, как капрон. Это не фата, а длинный шарф такой, уже полинявший, там цветы уже полиняли. И вот так собирали вот тут вот, этот шарф висел тут, а тут цветы прикалывали. Вот. Вот такая была фата. Потом сделают, отдадут. Потом следующая. Сколько лет одна фата. Кружом (*нрзбр.*) одна фата. Куда фату девали? Надо было в музей, вообще экзотика. Баба Катя уехала в город, не знаю, куда фата делась. А невесты стали белые платья надевать, а друг у друуа брали ленты, шоб наряжаться. (*нрзбр.*) Потом, значит, невесту увозят, плачет там, прощается со своим родимым домом. И вот жених забирает на машину и вперед. А туда, до жениха, приезжают. А нада проехать через оуонь. Оуонь – это как символ очищения о всего плохого, чтобы. Вот разводят костер и машина едит прямо на оуонь, пролетает. Лошади – не знаю. Они, по-моему, такого не было. Машина проезжала. Летит прямо на оуонь, чтобы пролететь. Вот, а потом невесту, значит, сюда вышла она, и заходит она к жениху. Ну, они отсюда, поедит невеста. И садятся там снова. Снова там едят пьют. Потом молодые уходят. Они первую ночь дома не ночуют. Им не разрешают. Они где-нибудь у соседей, но только не дома. Вот они уходят туда. А тут, шоб дома их не было. На друуой день приходят только. Ну, шас такого нет уже давно.

– А почему нельзя?

– Ну, это какой-то примета. Если переночуешь, что-то не сладится. Жизнь, чё-то такое. А потом вторая, второй день. Это уже похмелье. Невеста уже снимает свое свадебное и обычное надевает. Там похмелье начинается вот. Там и сажей мажутся и всё на свете там. И пляшут там. И невестами наряжаются, женихами. Там эти скоморохи, хто сажей намазался, хто во что иурает там. Они сами. Третий день – это курей едят. Кур собирают, ходят по деревни. Хто был на свадьбе, к тем идут, берут курицу, ловят, ловят в мешок. Варят курей, потрошат. Знаете, что такое потрошат? Значит скубут <...>. Потом этих курей, значит, ва-

рят, и третий день кто был на свадьбе идёт курей есть. Курей кушают. Вот. Вот три дня свадьба, обычно три дня бывает вот. А потом уже там, после свадьбы, сами там подарки разбирают. Там невеста, там же ей понадарили, матери, отцу там. Несет там своей новой свекрови, так вот. Вот такие свадьбы были.

Шульга М.С. (с. Николо-Александровка Октябрьского района)

3. «Когда с дедом женились, у нас калина была на караване»

– А свадьбу как играли вообще?

– Ну як? Так как все гуляли, так и...

– Ну как? Сватали сначала?

– Да сваталась, а потом назначал на який число свадьба. Придешь реуистрируешься в сельсовет. А потом свадьба. На другий дэнъ батьки-матерь катають

– Как?

– На коже.

– Как?

– Вот так вот.

– Ну как, большой кусок кожи?

– Колы есть там скотину яку заризалы, кожа есь. Посадылы батька-матерь и везуть. А нахрена оны нужны, батька-матерь, если молодые в доме.

– А везут люди или лошади?

– Ага, люды везут. Им дают выпить... И гурыбуць (в)от так нóуой, як кони. Кóням если мало, значить еще нальвают. И гармошка иурае, и частушки поют, и...

– Сколько дней гуляли?

– Три. Пэрвый дэнъ – невеста, втóрый дэнъ батька и матерь катають, на трэтий дэнъ посуду мыють.

– Как это посуду моют?

– Посуду мыють.

– Ну то есть как, вот что они делают?

– Ну посуду мыють. Як все посуду мыють.

– Просто после гулянки?

– Эт як сама гулянка.

– А кто моет?

– Кому придитсэ, и полы мыють, и гуляют там, и на прядку прядуть, и пшено вы... и зерно (нрзбр.), и вкругом и голубей ску... и курэй собирають...

– Куда собирають?

– Курэй собирають? И я ходыла сибирала курэй.

– А что это значит, собирать?

– Принис домой курэй, голову отрубай, обскуб, вот, целый чеууняку лапши наварыли, бачок... И тоди гуляй хоть до утра. И лапши сваришь, и курей насобираешь. Если не насобирала себе курэй, дак дня два, наверно, лыжала пластом. Ну я всё равно ходила на курятину. Наряжаисся, штаны одеешь такие вот. Я одела штаны, сюды баклажаны повисила...

– Что?

– Баклажаны. В шляпе. И по деревне. В тапочках, и в этих баклажанах, и в таких шортах. Как ты думаешь?

– *Рядились, чтобы веселее было, да?*

– А ну-ка вот, свадьба была у соседки вот через дорогу, а ну-ка всю деревню пройти и с мешком? А тада як на сáнях йиздылы на кóнь, на кóнях. Дак да мы як зашли, дак дэсят... восемь штук, на(в)эрно или десять штук курей взялы, (*нрзбр.*) мяса спёрлы, ну, у нас забра-лы.

– *А вот вы сказали, что первый день – невеста, а что значит, первый день невеста?*

– Ну як, невесту привэзлы, за стол сажают. Там же ж шубой накритая...

– *А почему шубой?*

– Ну, нак... так положено, шоб боүата невеста была //

– *А шубу клали на что, на пол просто?*

– На лаўку. Каравай пыклы такой красивый.

– *А как?*

– Ну, хлиб обыкновенный с теста пыклы, каравай, только калинный. Калину сушили, втыкали калину, и она така красива. Ну, у мэнэ... когда с дедом женились, (у) нас калина была на каравае.

– *Почему калина, она же горькая ягода?*

– Ну и шо. Она заты каравай красивый.

– *А вот не сорйли на свадьбах?*

– Ой. На дрўґий дэнь шо (*нрзбр.*). У мэнэ как раз свадьба в апреле была, у нас дождь прошёл, дак лопатой үрязь с хаты вытаскивалы.

– *А как одевались на свадьбу? Невеста во что была одета?*

– Вот так же платье, (г)де-то хфата.

– *А невесту наряжали специально, кто-нибудь наряжал невесту?*

– Ну с... пидружка.

– *Они её как наряжали, с приговорами, с песнями?*

– Да. Дружка, (е)щё хто там? И во́ши (?) там, уже позабыва-ала уже, это уж ско(ль)ко лет прошло. Я вот, ой, як сына захоронила, вообще с памяти мянэ вышибло всё. Двадцать одын үод сыну было, захоронили, дак вообще вышибло с памяти.

– *А вот невесте ленточки под фату одевали?*

– Ленты. Венок, ленты.

– *Ну, а тогда как фата она, под венок прицеплялась?*

– Вот так вот, как придельывалась шо, и ленты, и всё же там, красиво! Венки сами дела-ли. Вот бумажки такие, знаете, бумаґи есть такие, из такой бумаґи венки делали.

– *Разноцветные?*

– Да, красивые венки были.

– *И ленточки.*

– Да, и ленты атласные.

– *А под фатой у неё волосы как, распущены были или собраны?*

– Смотря какой волос, собранный.

– *В косу или как-то завязывали?*

– Если коса, дак косой! А если тот, то так вот.

– *Вот платок, замужняя уже?*

- По ско(ль)ко там побыло, всё, венок снимае дружка, одёют платок – всё уже.
- *То есть прям подружки завязывали?*
- Да, так усё завязывают...
- *А серёжки, бусы?*
- Ну, одевалы, у кою если есть.
- *А красили невесту?*
- При нас тако(г)о не было. Уубы если тока подкрасят, (*нрзбр.*). И-и я и сама нэ красылась смолоду.
- *А плясали, на ноги что обували? Что было на невесте вообще обуто?*
- Ну, як, ну, туфли. На друґий дэнь, значит, туфли одевали, наряжаются.
- *А ботиночков не было таких на каблучках?*
- Как... ну, ты раньше боты были резиновы такие вот... Всё было.
- *А жених с невестой потом с родителями оставались или уходили?*
- Я дивитнадцать лет жила с свекрухой. И свёкыр год, года два, наверно, (со) свёкром пожила потом ещё. Потом свёкыр помэр, (со) свекрухой жила дивитнадцать лет. Мало хто жил.
- *А замуж вышли, там много было ещё детей, кроме вашего мужа?*
- Один он был, и всё. Он один есть сын, дочка, сестра его, она у марте вышла замуж, а мы в апреле поженились. Через месяц свадьба была. Хорошо было.
- *Не обижала вас свекровка?*
- Нет. Шо нет то нет. Вот брат женился тоже, дак капот с машины взяли, сняли, ёго браты посадылы, жинку, щё пошёл бы камнем ну тум... на тум капоте. У манэ така шля-апа была сделана из этой, с мочалки, так вот тута рубашка кушаком пидвязана, потом туть үоршок помазок красыть, помазок такой, шо красыть, а зэрқоло – задвыжка с этого, с печки. Накрасыв сажей, в зэркало посмотри, дальше иды. Тут и дольчики (?) из дли... в таких трусах была мужских, тут дольчики нарисованные были...
- *А дольчики это что такое?*
- Ну, штани ж там так, решётками (?) сделаны. Красиво. Красиво, хорошо было. Машина... вот и руль бул, руль хотела, но забрали. Тарелка была руль, на ма... машина детская така большая, на машине сижу с тарелкой – руль (в)от так бул. Ну мне нравылось курей собирать. Бис (больше) ничё не нравылось.
- *Вот вы говорите, на другой день посуду мыли, курей собирали и на этот день всех приглашали, кто был на свадьбе, это делать?*
- Сами вдуть (идут). И путылкамы (?), и варять, всё делают. А батьку с матерь на друґий дэнь такую еду дають!..
- *Какую?*
- Аүа! Скажи! Свекла поризана, моркоўка, ботва, если есть, всёго туды намешають и вот презер(в)атів напхають (*смеётся*), эт таки ливерна колбаса. Вон шо было. Вот в деревнях свадьбы и үуляют. А мужики если хто одинэ (наденет) колүотки, там мужик одинэ колүотки, прэдставь себе, это на трас(су) як выскочишь, шо... Одын раз як мы у Покровки свадьба была, были, так ездили, дак бедный шохфёр их на автобусе вот так остановився ж. <...>. Ой, девчата, у нас свадьба была, так же и хвату одевалы, так же всё(ль)ко шо токого ни было, шоб на машинах йиздили. Ходылы в пиджаках реґистриваться. Вот то(ль)ко шо за невестой приезжали. Каравай пыклы. С хлеба. Ну, из теста такой каравай большой и вот это

калиной вот, ветк... кистями калины украшали её. Их встречали батька и мать с хлебом и солью. Кусали так же. Ну то, конечно, весело было свадьбы гулялы. Особенно первый дэнь ничё, на второй дэнь чё делали. Это просто... кошмар. И батьки-мать катали, пэрэворачивали их (г)де-нибудь там, в воду сбросят, купали их тама... Потом ище шо там делали? Мэнэ вот брат сына нерóдно(г)о женил, (г)де-то есть фотоурафии. Я в дольчиках сфотоурафирована, така шляпа на мне одета. Весело было свадьбы гулялы. И частушки пели, и таки п... и щё там то(ль)ко не было, и... Ой, як вспомню, дак... Шо то(ль)ко не было там, а смеялась я как! На кóнях йиздили на свадьбе. Тоже на кóнях йиздили, коня наряжали, дуу одеваля, коней наряжали лентами, тоже красиво было. Ну и щас, конечно, неплохо, як в деревнях гуляють свадьбы. Вот дак я не знаю, батьки-мать катають, ни? У нас катають батька и мать. Мэны брат ко(г)да (*нрзбр.*) женился, капот с машины одели ей тюль, ему пэрчину сюды свишылы (?)...

– Кого повесили?

– Перец горький (*смеётся*). А ёй тюлю одели, хфата така... Ой, шо ж мы еще ей одели? Шо-то я щас ота... И посадылы батько и мать, даже покатали батько и мать, посадылы их за стол, нарезали свеклы-ы, туды всёу натолкы, (*нрзбр.*) шо есть на столи всё, колбасу я сделала ливерну, шарик, туды понапихалы, ливерна колбаса им прылы (?) на столе, всё, вся закуска на столи. Короче уоворя, тут и свыньи не едят (*смеётся*). А им поставылы на стол. Конечно, хорошо было, но... оно, конечно, красиво, я бы так фотоурафировала (во)т это всё... Ну, там фотоурафировалы. Коляску... коляска детская там (*нрзбр.*) үде-то валяется у нас за үаражом. Посадылы одну женщину в ту коляску, сумку таку одили, ну, это надо то фотоурафии искать. И она там, машина така детска, тарелка... Это на(в)ерно я там сидила, на той машине. Тарелка – руль, рулю я. Прядка, а раньше ещё не так: стоновятся дви бабы, стоновятся задницэм одна к одной, накрывають им тряпкой какой-нибудь и жопой крутэ, и пшэницу кидають... Прядка работае...

Балабан Е.Г. (с. Николо-Александровка Октябрьского р-на)

Лексика украинского свадебного обряда, встреченная в текстах

Белый кисель – молочный кисель, приготовленный на свадебный пир.

Боярин – друг жениха на свадьбе

Весельне гильце – обрядовое дерево, украшенное лентами, цветными нитками, веточками калины.

Вечёрница – вечернее собрание молодежи, где молодые люди обычно знакомились.

Вскрывание невесты – обряд перехода невесты из девичества в замужество, во время которого свадебный венок заменяется женским платком.

Выкуп – обряд дарения денег и угощения младших родственников и подруг невесты в первый день свадьбы.

Вылизывать посуду – заниматься уборкой дома после свадьбы, что является формальным поводом для продолжения гуляния и веселья.

Девичник – вечернее собрание накануне свадьбы подруг невесты у нее дома.

Дружина – друзья жениха на свадьбе.

Дружка – друг (подруга) жениха на свадьбе.

Дымка – свадебный венок невесты.

Женихаться – дружить, встречаться с целью в будущем создать семью.

Завести на платочках – держась за небольшой платок, завести невесту за свадебный стол, что является символом соединения жениха и невесты.

Запой – этап предсвадебного цикла, представляющий собой застолье в доме невесты, куда приглашают, главным образом, родню жениха.

Запросины – обряд приглашения на свадьбу родственников и соседей.

Змовины – соглашение между родителями и родственниками юноши и девушки при посредничестве сватов о назначении дня свадьбы.

Капустник – свадебное блюдо из капусты, картофеля, мяса и пшена.

Кокурки – вид обрядовой выпечки в виде жаворонков, украшенных скрученными кусочками бумаги – столбочками.

Красный кисель – кисель из голубицы или другой ягоды, приготовленный на свадебный пир.

Ломать курицу – обряд угощения гостей на свадьбе лапшой с вареной курицей, символизирующий то, что жених, взяв девушку в жены, сломил ее, как ломают вареную курицу.

Молодица – молодая женщина первого года замужества.

Оглядины – этап предсвадебного цикла, когда родители невесты осматривают имущество родителей жениха с целью изучить уровень их благосостояния.

Покрывание – обряд первого дня свадьбы, когда на голову невесты надевался венок из искусственных цветов с лентами.

Похмелье – наименование второго дня свадьбы.

Рушник – обрядовое свадебное полотенце.

Свадебный каравай – вид обрядовой выпечки в форме круглого хлеба, украшенного лентами, цветными нитками, веточками калины.

Сват – мужчина, сватающий невесту.

Сватанье – сватовство.

Свашка – женщина, сватающая невесту.

Светилка – незамужняя девушка, выполняющая обрядовые действия на свадебном пире.

Смотрины – этап предсвадебного цикла, когда родители жениха осматривают имущество родителей невесты с целью изучить уровень их благосостояния.

Сподманница – девушка, не сознающая в желании выйти замуж, обманщица.

Старша дружка – ближайшая подруга невесты, выполняющая организаторскую функцию на свадьбе.

Столбочки – украшения обрядовой выпечки в виде скрученных кусочков бумаги.

Тысяцкий – посаженный отец на свадьбе.

Умывать – пачкать кого-либо сажой на второй день свадьбы.

Шишка – вид обрядовой выпечки в виде еловой шишки.

Яишня – свадебное блюдо; яишница.

СПЕВКА В МАКСИМОВКЕ

7 июля 2010 г.

Участники – жители села:

А.А. – Анисья Андреевна Федирко, 1930 г.р.

М.П. – Мария Павловна Брусова, 1931 г.р.

Л.Н. – Любовь Никитична Мироненко, 1931 (?) г.р.

Л.П. – Лидия Павловна Федирко, дочь А.А.

Амурская обл., Октябрьский р-н, с. Максимовка

Записали Д.Н. Галимова, А.В. Блохинская, 2010 г.

Обработали Д.Н. Галимова, А.В. Блохинская, 2011 г.

– Вы нам, помните, колядки когда пели, у вас там было слово «поляница», что-то «с мёдом поляница». А «поляница» – это что такое?

А.А.: Булка кремара(?) такая. У нас не хформа, а вот так на сковороди стоит.

– Круглая?

А.А.: Да, круула, но они ж продавалы в мауазине, раньше було, поляныцы вот эти тоже. Но (о)ни круулые, прямо крууоомо. Это поляныцы то называлось. Щас, видите, в хформах, а тоди хформы ж не було, а то круула булка то. <...>. Спрашивали, як праздныкі спра... это, я им и сказала колядку, як кочивают (?), колядуют. И я им спевала, як колядують.

Коляд, коляд, колядныцы,

Добры з мэдом поляницы,

А без мэду не така –

Дайте девке пятака!

Л.Н.: Васыльева маты

Пишла щедроваты,

В конце стала в стайло,

Богу свичку дала.

Щедрику вэдрику,

Дайтэ варэнику,

Урудочку кашки,

Кольце колбаски,

Ай тебе мало,

Дайтэ сало, дайтэ...

А.А.: Ище цилу колбосу, я вам пережно (?) пить прынэсу!

Л.Н.: А у нас не так.

Батько порывся,

Чуть не заварывся,

Маты казала,

Шоб далы кусок сала!

Я правнуку пою всегда, он такой довольный!

А.А.: Ну, у каждого, у каждогоо раз но там, по-разному (*нрзбр*).

М.П.: Я вот тоже ходила, сало-то просила, ты знаешь, когда ище дед у меня был, мы как раз на Ръжаство сошлись.

Л.Н.: Да и мы беуали.

М.П.: И он любил, и я наряжус и пошла. Вот и пошла: «щедры-ведры» и «вареники», и чё только не наговорю, и в клуб ходила. Да раньше мы и рядились ведь...

Л.Н.: Маленький мальчик садится (?) в кафтанчик

М.П.: ...шили костюмы...

Л.Н.: ...в дудочку иурае. Открывай пяточки, отдавай пяточки.

М.П.: А потом уже не стала ходить. А девчата как увидют: «Ба-аб Маш, чё ты не ходишь на Новый год? Хоть бы нам подсказывала». Один раз взяла я сёстров Фёдоровых, Рачка тут и Наташа такая чумазая (*нрзбр*). Оне шли-и-шли, намазались, а я наряжена, красива была, чтобы дети не пугались. Давай ето присказывать, а оне взади стоят и молчат, ауа, потом пошли, где Воронеж живёт, по той улице. А обувь скользка, шлёп, то шлёп оне, шлёп, упадут, а потом одна: «Я», – г(ово)рит... А я надевала или сапоги (у) меня, с каблучком, оне не скользки были, или валенки. Ауа. Я г(о)ворю, вы как хотите, я ещё в три дома зайду. Сало мне ещё, г(о)ворю, не дали. Колбасы не дали да вареничка не дали. Я отвязалась от них. <...>. Я тут через огород, ещё в три дома сходила: до Галины Мийхалны, до Верочки Микитючки, до Олега и до деда стучу. Он отдельно жил. Где вот горели мы. Он: «Кто?». А я г(о)ворю: «Открывай! Я колбасы прынесла, вареничков прынесла». А он: «Чё ты, наряжалась?». Я г(ово)рю: «Да, наряжалась. И творогу дали даже мне, и молока морожена дали, чё ни просила, всё давали, ей боуу!». Теперь он го(во)рить: «И не лень тебе?». «Дак мы ж с тобой, г(о)ворю, на Ръжыство хоть раз ещё сходить!». А я-то жила у Сашки же. Ну, всё ему росклала, я г(о)ворю, а вот это конфеты да печенье там, что не растает, это я, я г(о)ворю, я внукам понесу. Ах, просыпаюс, на улице свято, баба встала, а чем? Как наряжена была, так на морду надела суды всю, как пойдёшь? И пошла. Иду, а уже нельзя, надо мужукам ходить. Иду, все говорят: «Чё, выпалас у деда?» Я г(о)ворю: «Выспалас». Ну, и посмеялись, посмеялись. Пошла.

Л.Н.: У меня подруга так жениха потеряла. Такой жених у ней был! Мать учительница, отец инженер, один сын был у них. Ну, и ето, он уехал у город, по делам, вот. Он работал тоже инженером...

М.П.: Ну дед у меня не ругался...

Л.Н.: А мы нарядилися, выпили по стопке... Девчо-онки были, молодые! Ауа. А она, Уалька ж, така была, в которой детей шестнадцать было, и пошли на дороуу, чё нас чёрт туда понёс! И она упала, она пьяная, упала. А в это время да жених ехал. А она валяется, он остановился. Выходит. Но она наряжена, он её б не узнал. А тут она валяется, он подошёл: «Да что это такое!» А я хохочу! Я была пустосмешка, мне (*нрзбр*.) ничё так! Он её – ах! – как повернул – Уалька! А они уже это, свадьбу хотели уулять. Уже мать... у матери, у отца разрешение спрашивал, у неё. Он как увидел вот это – всё. В сторону её, взял, привёл, (г)де мы на квартире жили, постучался, тётъ Маруся открыла, он г(о)ворьт: «Заберите вот эту суку». Так

и сказал. Честно слово. И больше ноуи не дал. Как мы ни ходили, и до их, и под окошки, всё, он всё. Бросил сразу. «Не нужна она мне».

М.П.: Ха! Дак не надо напивацца-то! Мало что подают.

Л.Н.: А потом мать...

А.А.: Ну, это бувае, шо пьяный спевае...

Л.Н.: Мать её спрашивала меня: «Любочка, скажи, чё, почему её бросил же? Так разрешения спрашивал, всё, и вдруг бросил». Да пьяны валялись.

А.А.: Это бывает, выпьешь, вроде, чуть-чуть, да, а... а когда выпьешь стопку и опьянеешь (*нрзбр*).

Л.Н.: Она опьянела и всё. И валялась. Она нарочно упала, а тут он ехал. Да мы не знали, что это он едет! На машине.

– *Тётя Люба, а почему говорите про себя «пустосмешка»?*

Л.Н.: Я смеялась постоянно. Я и щас пустосмешка. Чё-нибудь такое – как рассмеюся! Ага, а дед скажет: «Всё, началос». Я пустосмешка.

– *А вот вы когда говорили колядку, вы говорили «щедровать» - а это что значит?*

Л.Н.: Ну, это вот щедруется, это одинаково. «Щедрику, выдрику, дайтэ варэнику, ложечку каши... <...>.

– *А вы говорили, пошли щедровать, а нельзя было, мужики на второй день ходят...*

М.Н.: На второй день утром идут мужуки, им подают стопки, а бабы не ходят в это время. Днём нельзя уже. Интересно, когда ходишь, выпрашиваешь. Да целу су-умку прынесёшь. Разного. <...> .

Л.Н.: Слухай, «Туман яром, туман долиною. За туманом ничего не видно, только видно...»

А.А.: Да я знаю

Л.Н.: Ну, вот эту давай споем, а потом ещё споем.

Туман яром, туман долиною

За туманом ничего нэ видно,

За туманом нычёуо нэ видно

Только й видно дуба зэлэного,

Только видно дуба зэлэного.

Под тем дубом крыныця стояла,

Под тем дубом крыныця стояла.

В той крыныцы дивка воду брала,

В той крыныцы девка воду брала.

Тай вроныла золотэ вэдэрцэ,

Утопила казаковэ сэрцэ.

«А кто ж тое вэдэрце достанэ,

Тот со мною на рушничок встанэ».

Отызвался й козаченько з гаю,

Отызвался козаченько з гаю:

«А я ж твое вэдэрце достану,

Я з тобою на рушничок встану».

А.А.: Песня вся, песня вся, песня кончилась!

Л.Н.: Да ты что делаешь!

А.А.: А чё?

Л.Н.: А туда (на камеру) запишут.

– А я выключила. А вот такие колядки, ещё что-то ...

(вместе)

Посеяла огирóчки

Блызко над водою,

Сама буду полываты,

Дрибною следою.

Сама буду полываты

Дрибноб слезою.

Ростить, ростить, огирочки,

Четыре лысточка,

Не бачила милэнького

Четыре годочка.

Не бачила милэнького

Четыре годочка.

А на пятый побачила

Я черэду (корову) үнала,

Не хотэла сказать «Здравствуй»

Бо матэ стояла.

Не хотэла сказать «Здравствуй»...

Л.Н.: Чё вы перепутали?

А.А.: Надо было спеть не так. «А послэдний вэчер, шоб не посвалився». Здэсь же было дру́гий, последний куплет.

Л.Н.: «Батько добрый, батько добрый, а мама руґае. Нэ пускае на улицу, каже, молодая».

М.П.: Ну давайте! Ну, эта песня хорошая.

А.А.: Давайте не таку. Давайте яку-нибудь веселей. (кашляет) Дырынчит, дырынчит – дайте в үлотке промочить, дайте мне водочки промочить у үлоточке! Здесь чётр застрял.

М.П.: Давно не пели мы, девчаты. Знаете, всё лето *(нрзбр)*.

А.А.: Давай мы, знаете...

М.П.: Всё в наклон да в наклон.

А.А.: Обожди, обожди. Я вчёра им пела вот эту... Тфу ты, господи!

Л.Н.: Ну-к, подскажите.

А.А.: Шо то... Приихал до дивчины три казáка в үости. Да ты вы, ну, ты, чтоб ты, үосподи!

М.П.: А вот так и я забыла. Вчера вспоминала.

А.А.: А!

(вместе)

Закóвала зозулынька, в саду на помосте, э-э-эй,

Прыехали до дивчины три казака в гости, э-э-эй,
Прыехали до дивчины три казака в гости.
Первый казак коня вэдэ, другий коня вяжет, э-э-эй,
Тртэй скорей пид вйконцэм «Добрый вэчер», – каже.

М.П.: Чёт я уже забыла.

А.А.: Да мы ж спевалы с тобой, шти такое.

М.П.: Ну вот.

(вместе)

«Добрэ вэчор, стара матэ, дай воды напыться, э-э-эй,
Каже люды, девка үарна, вот бы подывыца! э-э-эй,
Каже люды, девка үарна, вот бы подывыца!»

«Кружка в хате, вода в сенях, иди да напывся,
Э-э-э, кружка в хате на проводе (?), сести подывывся».

«Вода твоя нэ холодна, нэ хочу я пыты, э-э-эй,
Девка твоя лэдачая, не хочу любыты! Э-э-эй,
Девка твоя лэдачая, не хочу любыты!»

М.П.: А я по-другому.

А.А.: Ну мы ж спевали!

М.П.: Ну пели, ладно. Распоёмся, подожди.

А.А.: Кода? До завтраго утра?

М.П.: Ну давайте какую-нибудь, чтоб уже...

Л.Н.: Это, коляды? Тебе надо коляды?

– Угу.

Л.Н.: Васыльева маты

Пишла щедроваты.

В конце стала в стайло,

Богу свичку дала.

Щедрику, вэдрику,

Дайтэ варэнику,

Үрудочку кашки,

Кольце колбаски,

Ай щё мало,

Дайте сало.

Батько порывся,

Чуть не заварывся,

Маты казала,

Шоб далы кусок са-а-ала.

Маленький мальчик,

Садись на стаканчик,

В дудочку играй,

Открывай сундучки,

Подавай пяточки.

А выно-осят, раньше люди вытаскивали, давали.

Л.Н.: А щас не ходят.

М.П.: Щас не ходют.

Л.Н.: Ще й не пустят. Надо пшеном посыпать в хате.

М.П.: А я много не сеяла. Если ковры, то не сеешь много.

Л.Н.: А щас же всё застлато.

М.П.: А щас как если насеешь, я дак вот если где захожу было, вот где крашено, там посею. На терраске посею, по двору иду, а сама кричу. А тут (в комнате) я не сею.

– А что кричали?

А.А.: Нук, попробуй.

Йихалы козаки

Из Дона до дому,

Спидманулы Уалю

Забралы с собою.

О-о-ой, ты Уалю, Уалю молодая,

Поихалы, Уалю, з намы, казакамы.

Уедем из дома з намы, казакамы,

Краше тоби будет, як у ридной мамы.

О-о-ой, ты Уалю, Уалю молодая,

Краше тоби будет, як у ридной мамы.

Уаля согласылась, на коня садылась,

Та й повызлы Уалю тёмными лесамы.

Тёмными лесамы, крутымы уорамы

Прывязалы Уалю до сосны косамы.

О-о-ой, ты Уалю, Уалю молодая,

Прывязалы Уалю до сосны косамы

Пидпалылы сосну из низу до вэрху,

Уаля промолвляэ...

«Хто в поле ночуе, нэхай поратуге,

А хто...

М.П.: Кто в поле пахали, пускай по ету... тоже еи...

А.А.: Хто в поле пахае...

М.П.: Вот тебе и «а». Ну ладно, ничё.

А.А.: А хто дочек мае, нехай замечае, нехай тёмной ночью уулять не пускае. Вот так да.

Конэць. Ми ж не старци доводьть конци и не свиньи бросать на половине.

– А что такое «поратует», «ратовать»?

Л.Н.: Ну, выручить.

М.П.: И не пускать, чтоб...

Л.Н.: Это по-хохлацки.

М.П.: А то привязали её к сосне косами. Подпалили сосну с низу и до вэрху.

Л.Н.: Чё то раньше песни были хорошие, а щас... Никакие песни.

М.П.: Ну, какие ще пели? Что по телефону-то звонили?

Л.Н.: Каких только не пели, а куды чё делось всё? Да и давно не пели.

М.П.: Да и потом давно же мы и не встречались.

Л.Н.: Всё лето не были.

М.П.: Да й уже и ума нету... <...>.

М.П.: Вот кода не надо, оно щас вспомнишь. Кода надо, оно щас, вспомнишь! А когда же надо, оно...

Л.П.: Да вы им сто грамм налейте, ёлки-моталки!

А.А.: (*нрзбр*) (о М.П.) дырынчит у нэй!

М.П.: Неправда!

А.А.: Беланьку (водку) пропуститъ бы, γ(о)вор(ю) – друуое дело!

Л.Н.: Не надо.

А.А.: А мы для γорлу.

Л.Н.: А нам бы налили,

А мы бы выпили.

Нам не стали наливать,

Мы не стали выпивать.

М.П.: Ну-ка, Анисья, ну-ка «Семёновну» давай споём.

А.А.: Яку?

М.П.: «Семёновну».

Ох, Семёновна,

Моя милая,

Я пришёл к тебе,

А ты унылая.

А.А.: А ты ленивая.

М.П.: Я пришёл к тебе,

Разговор завесь,

Всё сказать, чего

На сердце есть.

Ну давай, какой.

А.А.: Мы спевалы ишо... У райони той...

Л.Н.: Да мы и так уже им много пели...

М.П.: Да давай сподряд, кака прыдётся! А потом и так.

А.А.: Ну вот, знаешь, каку мы не пели, а? Ой, пры лужку, пры луне,
(*вместе*)

Пры щастливой доле,

При знакомом табуне

Конь гулял по воле.

При знакомом табуне

Конь гулял по воле.

Ты гуляй, гуляй, мой конь,

Конь ты мой ретивый.

Как споймаю, заздаю
Шёлковой уздою.
Ой, споймаю, заздаю
Шёлковой уздою.
Вот споймал парень коня,
Зауздаю уздою,
Да прышпорил по бокам,
Полетел стрелою.
Да прышпорит по бокам,
Конь летит стрелою.

М.П.: Маленько я выше, а то вы низко вот как-то.

А.А.: А ты выше сядь. А то тебе низко.

М.П.: Вот так как-то. Или растерялись.

Л.Н.: Ой, комедия.

(вместе)

Ты лети, лети, мой конь,

Да не промахнися.

Возле милои ворот

Стань, остановыся.

Возле милой да двора

Стань, остановыся.

А.А.: (М.П.) А ты-то что мэсто пэрэуоняешь?

(вместе)

Стань, остановыся

Да вдарь копытамы,

Чи нэ выйдэт красна дивка

С чёрными бровямы.

Чин э выйдэт красна дивка

С чёрными бровямы.

Ой, нэ вышла, красна дивка,

Вышла ие маты,

«(З)дравствуй, (з)дравствуй, да милый зять,

Прыглашаю в хату.

(З)дравствуй, (з)дравствуй, да милый зять,

Прыглашаю в хату».

«А я в хату нэ пийду,

А пийду в свэтылицу,

Разбужу я красный сон –

Спящую девыцу.

Разбужу я крепкий сон –

Спящую девыцу».

А дивчина встала

Да й сутро (?) скатала,
Правой ручкой обняла
Да щей поцеловала.

А.А.: Девчат, посидайте, вот колбаса, оуурцы свижие домашние...

М.П.: Давайте, давайте. (*нрзбр*) вот чёт не получается, мы всё лето не пели...

Л.Н.: Это ты чё-то против.

М.П.: Да чё-то хрипит всё.

А.А.: (*нрзбр*) садитесь!

М.П.: Ну правда, чё с нами сёдня? Давайте петь будем. Петь. Всё равно распоёмся.

А.А.: Ну вот, щас думала так у той... Да ты на... щас хотела только... уже забыла. «Ой, там на үори, ой, там на крутий, ой, там сидэло пару үолубив. Воны сидилы парувалыся, сизымы крыльми обнималыся».

М.П.: Да это мы запутаемся.

А.А.: Запутаемся?

М.П.: Давай каку-нибудь, чтобы не путаться уже.

– *А может, вы её споёте?*

А.А.: Одна?

М.П.: Люба тебе подпоёт. И я чё-нибудь үде-ни(бу)дь подпою.

А.А.: А ты знаешь же её?

Л.Н.: Она үо(во)р(и)т, я подпою. Подпою! Она не знает! Бу(д)ете морочить үолову.

М.П.: Ну давайте, каку знаете.

А.А.: Ой, там, на үоре, да ой, там, на кручий

Ой, там сидело же пару үолубив.

Воны сидилы тай парувалыся

Сизымы крыльми же обнималыся,

Сизымы крыльми же обнималыся.

Ай дэ ж узьявся та й охотнык-стрылэц,

Пидбив из стрэлы вы пару үолубив.

Пидбив из стрэлы вы пару үолубив.

А үолуба вбыв, а үолубку сгубыв,

Увзял пид полу да прынис до дому.

Увзял пид полу да прынис до дому.

Прынес до дому да й пустив до долу,

Насыпав пшеньця же от пид колиньця,

Налыв водыщи же аж пид крылыци.

Үолубка нэ ист да үолубка нэ пье,

На круту үору же все плакать иде.

На круту үору же все плакать иде.

«Үолубка ж моя да сизокрылая,

Яка ж ты вдалась да хлопотлывая.

Яка ж ты вдалась та й хлопотлывая.

Прыүоноү тоби аж дви пары үолубив,

Летай, выбирай, дэ краше, то твий.

Летай выбирай, дэ краше, то твий».

«Ой, я же летала, да, ой, я ж выбирала,

Нэ мае тоуо, шо люблю ёуо.

Нэ мае тоуо же, шо люблю ёуо».

Л.Н.: А ты никогда не пела её. Ни разу.

Л.П.: Мама, а спой мою любимую...

А.А.: А, ну его, (о)на такая, што й... плаксива.

Л.Н.: Не будем мы плакать, давай.

Л.П.: Не, а её когда поют, её... плачут всегда.

М.П.: А может, мы не будем плакать.

Л.П.: Хорошая песня, прям плачешь, поёшь и плачешь.

М.П.: Ну мы не будем плакать, давай.

А.А.: Надо было тебе начинать. Шо в остроге на пороге (*нрзбр.*).

Л.П.: Неправильно.

А.А.: Мотив вот нэ подхвачу.

Л.П.: Ниже надо.

А.А.: Вот хоть ниже, хоть выше, дак усё равно надо подобрать.

М.П.: Слова говори. Начало. Какие слова?

А.А.: Ну, в нашем остроге на пороге, там жэрэбья выдают. Кому жэрэб сто седьмой, отправляется домой. Ну, солдатиw. А у Ванюшки-молодца... А у Ванюшки (*нрзбр.*) номэр, где читал, там он и помэр. Вот той. Ну вот, ему повестку дали. А у Ванюшки-молодца нету маменьки-отца, нету маменьки-отца и никому журица. «Ой, пойду ж я на моуилу, рскопаю мать родиму». Это уже вин кажэт. «Вставай, вставай, ридна маты, бэруть мэнэ у солдаты. А маты же отвечат: «Я нэ встану, не пойду, уоловóчку не звезду. Сосновые клóбышки... жёлтый песок на руках, сыра земля на ноуах. Сосновые клобышки дэржать мои ручечки». Дэ взялася дивка Марья, поплакала... оплакала тоуо парня. Оплакала, (о)на и обтужила, на конька и посадыла, на коника вороноуо и отправила в дороуу. Тэче ричка-рикова, палачэт дивка молода. Не плачь, девка, не журыся, тий парень ещё не женился. А як будэ жениться, приде сердце журиться, а як будэ венчаться, приде сэрдце прощаться, а як будуть венки вить (вить), прыде сэрдце вино пить.

Ну, вона очень, знаешь, ну, вона... така вот песня, ее надо... <...>.

А.А.: А ты знаешь, о, старынна песня, была она в мо-оде. Половина сады цвэте, половина вяянэ.

Половина да садов цвитэ, половино вяяные.

Уси хлопчи на улыце е, а мооуо нэмай.

Ай, всэ хлопци де на улици,

А мой родный мае е

В чистом поле на раздолье

Коня наповай.

А кем нэ пье, воды нэ пье,

Дороженьку чуе е.

Дэ ж мий милый, чёрнобрывый
З друуою ночуе.

Ночуй, ночуй, мой мылынъкий
Да й нэ прыхорэтайся (?).

А выйдэш ты е на улыцю, да й нэ сознавався.

Прышэв, прышэв дай на улыцю
Всю прэвэду што знаштя.

А вцэ же тая и крыничинька,
Шо я й умывавсь?

А вцэ же тая е да крыничинька,
Шо я й умывався?

А вцэ же тая е девчоночка,
Шо я е обнимавсь?

М.П.: Вот то хорошо что обнимался.

А.А.: Это стары-ынна-старынна...

М.П.: А ты её не пела, вот я слышу.

А.А.: Да я тако щё мноуо не пела, дак я тепэр шо? Ты мэня не спрашивала – я не пела.

<...>.

М.П.: Ну-ка, давай, вот наливай красной да промочим.

Л.Н.: Девчата, давайте с намы вино, вино.

М.П.: Давайте, девочки Ну тут ничё такого нет. Што мы будем одне.

А.А.: И будэм тоди...

М.П.: Мы когда ещё встретимся!

А.А.: И будэм тоди...

Выпыла, похэлыла,
Сама сэбэ похвалыла,
(*нрзбр.*)

Пью үорилку, як воду!

М.П.: Люба, а тебе вот хватит.

Л.Н.: Я не надо. Я не пью.

А.А.: Выпэй, выпэй да й постав,
Шоб мэня милый нэ застав,
А як милый застанэ,
Той по шее достанэ.

М.П.: А я не дам по шее-то. <...>.

М.П.: Всё забыли. Застеснялись, старые.

А.А.: Да нэ стесняюсь, я вообшэ всю жизнь нэ стесняюся, но я вот нэ прыдумаю... Так,
ну-ка, давайтэ.

По за лугом элэнэньким,
(*вместе*)

По за лугом элэнэньким
Брала вдова лён дрибнэнький.

Брала вдова лён дрибнэнький.
Она брала, выбирала,
Она брала, выбирала,
Тонкий голос подавала,
Тонкий голос подавала.
Тонкий голос, голосочек
Тонкий голос, голосочек
У весёленький садочок.
У весёленький садочок.
Там Василько сено косит,
Там Василько сено косит,
Тонкий голос переносит,
Тонкий голос переносит.
Бросил косу додолэньку,
Бросил косу додолэньку,
А запишёл до домоньку,
А запишёл до домоньку,
А запишёл до домоньку,
Склоныл маты головоньку.
М.П.: Чем сено косить, лучше склонить голову.

Вышла маты из кимнаты,
Вышла маты из кимнаты,
Стала Василя пытаты:
«Чё, Васильку, унываешь,
Чё, Васильку, унываешь,
Чёуо ты не ууляешь,
Чёуо ты не ууляешь?»
«Позволь, маты, вдову браты,
Позволь, маты, вдову браты
То не буду выгуляты.
То не буду выгуляты».
«Не позволю вдову браты,
Не позволю вдову браты,
Вдова вмие чароваты,
Вдова вмие чароваты.
Чарувала мужа моуо,
Чарувала мужа моуо,
Прычаруешь сына моуо,
Прычаруешь сына моуо».
А.А.: Прычаруе – приворожит.

Л.Н.: А, девчата, раньше было, вот родители сказали брать вот эту, так и бери. Не было так, чтоб вот по любви-и там... Сказали – всё. «Сын, тебе надо жениться. Собирайсь, пойдём

сватать». И едут, там, в друую деревню. Приезжают, она его не знает, он её – сватают. Да, так.

– *А если, когда будут жить, не понравятся друг другу?*

Л.Н.: А это, это не спрашивали раньше. Это было так. Вот мама моя так выходила замуж. Приехали сватать, и всё.

М.П.: И у меня мать, совсем в другой деревне папа, приехал...

Л.Н.: Не уляли, не знали друу друуа. Приехали сватать – всё, выходи замуж.

А.А.: И жили.

Л.Н.: И жили. А щас по любви сходятся и разводятся.

А.А.: А щас любят-любуются, потом бьются.

Л.Н.: Ну правда. А раньше навек было сходились.

А.А.: А потом щас, знаешь, щас любви нету.

М.П.: Сошёлся и ладно.

А.А.: Вот любви щас нет у их. Любуются-любуются, шо ты нэ разбылысь уже(?). Как же вы не лю... кода, вот, например, женятся, да? Свадьба уляют же в доме, вроде, по любви, да? Да тебе прямо (*нрзбр.*), чё ж ты то не любыв? Я, например, любыла или ты любыл. <...>.

Л.Н.: Анекдот расскажу, девчатам. Можно рассказать. Значит, батько кажет: «Сынок пойдём». А раньше ж хлопцы тоже бэз штанов ходили. Рубахи таки длинные были.

М.П.: Ха. А где их возьмешь, када не из чего шить?

Л.Н.: Ну, жениться ему уже сшили брюки. Вот. Одел сын. Идут. «Тато, а тато». Раньше мы звали тато. Аүа. «Чёүо?» «Да я срать хочу». «Ну, иды, сынок». «А як же? А штаны на мне». Вы мене простите, что я расскажу.

М.П.: Да это же присказка.

Л.Н.: «Ты ж возьми сними, да вон на сучочек повесь». Ну, тот и сделал так. Сходил и идёт. Батько: «Остановися».

А.А.: Забыл куды повесил.

Л.Н.: Да, он же не носил их.

А.А.: Он же не привык.

Л.Н.: Идут. А батько и каже: «Сынок, прийдём до невесты, ты полы раскинь. Аүа. Да и скажи, шо у тебя еще три метра, три ширинуа(?) дома». Ну, так и есть, приходит свататься (*смеются*).

А.А.: А ты, я вижу, зна(е)шь?

М.П.: Ну.

Л.Н.: Ну, полы раскинул, сидит. А он невесту первый раз увидел. Аүа. Да кажет: «Чё ты так дывишься? У меня дома еще три ширинуи». «О, батюшки, – думает, – ни за что не пойдю». И не пошла (*смеются*).

М.П.: А штаны на колу висят.

Л.Н.: На колу оставил. Они ж не носили раньше.

М.П.: А девки не таку присказку послушали.

А.А.: Она дивится, что он без штани. А что вин думал, что она на штани.

М.П.: Ну, да.

А.А.: Так у меня дома ещё остаться три аршина.

М.П.: Я-то поняла. Еще сшить можно одни штаны. Да.

Л.Н.: А он их на колу оставил (*смеются*).

М.П.: Раз не привык. <...>.

Л.Н.: Украдёт мама куль на элеваторе и сошьёт нам рубаху.

А.А.: И всё было с конопли. Если на огороду у мэнэ нету конопли, так я нэ хозяйка.

А бо мак..

М.П.: А щас везде вот, смотри-ка, чё.

Л.Н.: Мак щас вообще сеять нельзя. Вырвут.

А.А.: Так я тоби шо и кажу. А раньше было, огороды вот и осенью дак прямо цветуть всякими... Мак есть и розовый, есть бордовый, есть и белый... Картошка, прямо по картошке. Стоят и прямо, ну, один мак! <...>.

– *А давайте свадебные песни вспомним какие-нибудь.*

М.П.: Я не знаю свадебную.

А.А.: Кого?

М.П.: Свадебную песню.

А.А.: А-а. Ну а ты знаешь?

Как посэду в саду-садику

По зелёном виноградику,

Ва-али-вайлюли, вайлюли,

По зелёном виноградику.

Нахилилося две веточки во двор,

Закатилося два яблочка за стол,

Ва-али-вайлюли, вайлюли,

Закатилося два яблочка за стол.

(А два яблочка – это жених и невеста)

По тарелочке катаются,

Ой, кому ж они достанутся,

Ва-али-вайлюли, вайлюли,

Ой, кому ж они достанутся.

Королю ли, королевичу,

Ой, Ивану да й Андреичу...<...>.

Л.Н.: Раньше не надо как щас заявление (в ЗАГС), месяц думают. Пока подходить, они уже разошлись. Уже не надо.

А.А.: Вот так хорошо жили! Никаких тебе не было пятнадцать рублей.

Л.Н.: А мы когда... идём, зарегистрировались и пошли. Приходим: вот моя жена, вот...

А.А.: Ну, каже, как там: ишёл, ишёл, найшёл. Сучку за ручку и пошёл.

Л.Н.: У нас баба присказки все знает.

А.А.: Хылю, хылю – нэ тэче, а коло сэрдца пэче.

– *А что такое «хилю»? «Пью, пью»?*

А.А.: Да, да.

Л.Н.: По-украински. Я все слова знаю украинские. Я когда до своих прышла жить, а мать мини и ʋоворит: «Иды мэни прынэси цыбёрку». Я вышла. Ходи-ила, ходила. Я не по-

няла, шо это ведро. Прихожу. Она: «(Г)дэ? Нэ прынэла?». Я ўрю: «А я нэ знаю, чё это такое». Она вышла: «Вон, на заборе висит».

М.П.: А мне свекруха, царство небесное, пошла на работу, а раньше вермишель была круглая какая-то. Анисья, может, помнишь? Везде она така была. Ну, я, вроде, кастрюлька маленька. А что в чужой семье. Только приведённый, как баран (*смеется*). Поправилась сказать. Тоже ничё не знаешь, ничё. Ну, нашла кастрюльки. Вроде я чуть-чуть высыпала. А она разварилась. И не размешаешь и водой (*смеется*). Так густа. Приходит мать. А она же украинка, свекровь. А я ей передразни по-ихому. А я: «Мама, я вырмышель, го(во)рю, сварила и ложку коли перевернешь». Ну, она ниче не сказала. Говорит: «Ладно. Размешаем», – говорит. Куда. Ну, я сбавила после. Я говорю: «Смотрите, я чуть-чуть сыпнула, а она, говорю, и ложка, говорю, торчит в середине». Сама покраснела. «Научишься все, не стесняйся. Что есть».

Л.Н.: А мы их заколили (?).

М.П.: О-о, как было неудобно. Что и ложка, и чуть-чуть. А ложка вот.

Л.Н.: Зять привёз. Самый старший. Рису он нам целу сумку принес. (*нрзбр.*) А раньше чуууни были. Чуууны. А мы как насыпали полный чууун. Ой, что ты. Попортили рису скоко. Отбираешь, отбираешь, а он всё прёт и прёт. Вот крупа. Мы кричим: «Мама». Побежали на работу...

М.П.: А у них родня все украинцы они. Ну, по-хохлацки все. Хоть стой, хоть падай. Я ниче не понимаю. Как говорить, чего.

Л.Н.: А я хорошо понимаю хохлацкий.

М.П.: Ну, стыдно мне разговаривать учиться было по их. Ну, а потом стали песню они петь, я краснела, краснела, а потом стала петь вот эту, «Распрягайте кони, хлопцы». А дядька был у Гриши: «О невесточка, и голос прорезался». На меня.<...>.

– *Хорошо попели. Нам бы ещё какую-нибудь напоследок...*

А.А.: Чё делать?

М.П.: Заключительную песню спой. Мне, вишь, петь нельзя, я закашливаюсь.

А.А.: Не хочешь. Если бы хотела, ты б пела.

Л.Н.: Ну ведь же до этого, мало что кашляла (*нрзбр.*)

М.П.: Аүа. Не-е. Ишь ты, умная какая.

(*вместе*)

В саду пры долине громко пел соловей,

А я мальчик на чужбине спозабыл всех друзей.

Спозабыл, спозабросил с молодых юных лет,

Я остался сиротою, счастья-доли мне нет.

Я остался сиротою, счастья-доли мне нет.

Ой, помру я, помру я, похоронят меня,

А родные не узнают, где могилка моя.

А родные не узнают, где могила моя.

Над моёй над могилой, знать, никто не пройдёт,

Только раннею весною соловей пропоёт.

Только раннею весною соловей пропоёт.

Пропоёт и просвищет и опять улетит,
А моя сыра могила одинока стоит.
А моя сыра могила одинока стоит.
А.А.: Во. Вот и спели.
М.П.: Это моёго деда песня.
А.А.: Этой песенки конец, а кто спел, тот молодец.
Пела я, пела я, ще й подруженька моя!
М.П.: Ну ещё каку-нибудь давай. Напоследок.
А.А.: Напоследок яку тебе?
М.П.: Ну каку-нибудь споём.
А.А.: До свиданья, до свиданья,
До свиданья тры раза,
И ещё раз до свиданья,
Ваши карие глаза!
М.П.: Да разве мы не все (спели).
– *Что-нибудь весёлое.*
М.П.: А весёлых раньше не было песен, все такие грустные.
Л.Н.: Хватит.
А.А.: Да подожди, ещё какую-ни(бу)дь надо спеть.
Л.Н.: Частушки пойте.
М.П.: Они не поются. Всё забыли. Ну, думай, какую.
А.А.: А я уотова.
Зацвела в лузи лоза, да й зацвела в лузи лоза.
Уолуби мои улаза да й на свет белой улядят.
(*нрзбр.*) улядят да й про любовь штой уоворят.
Любовь наша, любовь (*нрзбр.*), что ж ты...
М.П.: Давай споём, в телевизоре поют, как её, солдаты-то...
Л.Н.: Какую?
М.П.: Вот такую надо. Это тоже... нас как захлестнуло. Ну давай какую-нибудь, Ани-
сья, ещё.
А.А.: Шо ... тоби давать?
М.П.: Раз, два, три, калина, чернявая дивчина...
Л.Н.: А как начинается?
М.П.: Вспомни. Ну дальше давайте, пойте.
Что ты, милый, зазнаёшься,
Или морда широка?
Я такую морду видела
На ферме у быка.
М.П.: Катенька, Катюша, купецкая дочь,
Ой, где ж ты прогуляла
Всю тёмную ночь?
Утром на рассвете

Ложилася спать,
Пришли пароходы
По морю гулять.
Один парус белый...

А.А.: Один парус белый, друуой голубой, один матрос старый, другой молодой. Вот это она той.

М.П.: Вот, так, так. Давай с начала её.

А.А.: Парус белый... Чё-то... спидманулы Уалю, забрали с собою...

М.П.: Не-е, это совсем другая. Ты что? Эту мы пели, про Галю. А вот ище песня есть...

А матрос... шо вин наулял, бросил ее с дитём.

А.А.: Как по морю, по реке...

М.П.: Пойду, милый, пойду туда...

А.А.: По морю, по реке пароходчик несётся, а матрос на корабле едет да смеётся. Как она начинается вот? Ну, без... бросили её с дитём.

М.П.: А я вот дома пела, щас не вспомню. Ето так же, наверно, поётся. Моряки вы, моряки... Да!

Моряки вы, моряки,
Алы ваши губки,
Ты возьми, моряк с собой,
Прокати на шлюпке.

Моряк с собою не берёт:

«Спроси совета».

Мать совета не даёт

Ехать с моряками.

Не послушала она

Материного совета,

И поехала она

Вокруг белого света.

Через годик, через два

Соскучилась по маме.

«Поедем же, сын, туда...

Л.Н.: Да её выкинули.

М.П.: «...к матери родной.

Прими же меня, мать,

Прими, родная.

Через годик назовёт

Ба(б)ушка родная».

«Ступай же дочь туда,

С кем совет имела,

Ты совета моего

Слушать не хотела».

«Сине море глубоко,

Нас там ожидают.
Пойдём, сын, туда, пойдём,
Где нас принимают.
Сине мор глубоко,
Там нас ожидает».

Л.Н.: Вот так вот всё. Спели.

М.П.: Ну, рассказали, да.

Л.Н.: Позабыли всё, господа. Не помнишь, чём вчера ужинала.

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Любовные песни

1.

Ой, калина, ой, малина,
В речке тихая вода,
Ты скажи, скажи, калина,
Как попала ты сюда?»
«Как-то раннею весною
Парэнь бравый проезжал,
Долго мною любовался,
А потом с собой забрал.
Он хотел меня, калину,
Посадить в своём саду,
Нэ довёз он, в землю бросил,
Думал, что я пропаду.
А я за землю ухватилась,
Встала на ноуи свои
И навек здесь поселилась,
Где щебечут соловьи.
Ты нэ дуй тут, голубчик-ветер,
Нэ считай за сироту,
Я с зэмлёю породнилась
И по-прежнему живу».

Е.И. Крицкая, с. *Николо-Александровка*
Октябрьского р-на

2.

А при долине куст с калиной,
В речке чистая вода¹.
«Ты скажи, скажи, калина²,

¹ Вариант: В речке тихая вода (исполняет Т.С. Кошевая)

² Вариант: Расскажи, скажи, подружка, (исполняет Т.С. Кошевая)

Как попала ты сюда?»
«Как-то раннею весною
Бравый парень приезжал³,
Долго мною любовался,
А потом с собою взял.
Обещал меня, калину,
Посадить в своем саду.
Не довёз калину, бросил,
Думал, что я пропаду.
Я за землю уцепилась,
Встала на ноги свои.
На всю жизнь я поселилась
Там, где речка, соловьи.
Комбайнёры, трактористы,
Каждый год бывают тут.
Только веток не ломают,
Цвет калины берегут».
При долине куст калины,
В речке тихая вода.
«Рассказала вам, подружки,
Как попала я сюда».

Т.С. Кошевая, с. *Николо-Александровка*
Октябрьского р-на

3.

Рябина, рябина,
Несчастная я.
Два парня, два друга
Влюбились в меня.
Лишь вечер настанет,
К калитке придут,

³ Вариант: проезжал (исполняет Т.С. Кошевая)

Вдвоем под рябиной
Вздыхают и ждут.
Ждут-не дождутся,
Все смотрят во тьму,
А нет, чтобы просто
Уйти одному.

Т.С. Кошечая, с. *Николо-Александровка*
Октябрьского р-на

4.
Раз я вышел с друзьями по привычке
И пошел я по улицам гулять.
Долго-долго по улице гуляли,
А потом пригласила меня в сад.
В саду было тихо, спокойно.
Сквозь деревья светила луна,
На зелёном ковре мы сидели,
Целовала Наташа меня.

Т.С. Кошечая, с. *Николо-Александровка*
Октябрьского р-на

5.
По деревне с кнутом
Гонит стадо овец
Деревенская Катя-пастушка.
И понравился ей
Молодой паренёк,
Чернобровый красивый Андрюшка.
«Давай, Катя, с тобой
Переменим судьбу
Деревенскую на городскую.
Я одену тебя в бело-синий костюм
И наденем шляпу донскую»...
Уже годик прошёл, наверно,
А Андрея все нет,
Не вернётся он к Кате обратно...
(И как-то Катя нечаянно его повстречала
в ресторане. И говорит ему):
«Здравствуй, милый мой муж,
Я давно тебя жду»...
«Я такой не видал и не знаю».
Тот надсмеялся над девушкой и уже не хо-
чет её узнавать. <...>

Научилась Катя по бульварам ходить,
Научилась горькую водку пить она.
Жиз(н)ь её сломалась, аҫа.

Т.С. Кошечая, с. *Николо-Александровка*
Октябрьского р-на

6.
Утром, раннею зарёй,
Гонит стадо овец
Деревенская Катя-пастушка,
И понравился ей молодой паренёк,
Чернобровый, красивый Андрюшка.
«Давай, Катя, с тобой
Переменим мы жисть
Деревенскую на городскую.
Снаряжу я тебя в тёмно-синий костюм
И куплю тебе шляпу донскую».
Вот уехал Андрей на побывку с полей,
Год прошёл, а Андрея все нету.
Научилась она водку горькую пить,
Научилась она в рестораны ходить,
И случайно Андрей повстречался.
«Здравствуй, милый Андрей, муженёк до-
рогой,
Как тебя я давно не видала».
Чернобровый подлец покачал головой:
«Я тебя не видал и не знаю».
Закипела тут кровь в груди молодой,
И кинжал ему в сердце вонзила:
«За любовь за мою, за измену твою,
Вот за всё я тебе отомстила».

Е.И. Крицкая, с. *Николо-Александровка*
Октябрьского р-на

7.
Чё ж ты нэ пришёл,
Як месяц взошёл,
Як матэ нэ знала?
А меньша сестра
Годой нэ выросла,
Сэдэльеце сломала.
А меньша сэстра
Сидэльеце нашла,
Коня оседлала:

«Сидай, братэчко,
Едь до дывчины,
Бо (о)на ж тэбэ ждала.
Сидай, братэчко,
Едь до дивчины,
Бо (о)на ж тэбэ ждала».
«Чо ты нэ пришёл,
Як мисяц взэйшёл?
Як я ж тебе ждала.
Чи коня нэ имал?
Чи стожки нэ знал?
Чи маты не пускала?»

М.Р. Грибкова, с. *Николо-Александровка*
Октябрьского р-на

8.

На оуороде вэрбá рясна,
Там стояла девка красна,
Она красна, та врэдлыва
(*по-украински так, «врэдлыва» – это «красыва», «та врэдлыва»*),
У нэй доля несчастлыва.
Нема тоуо, шо любила
(*там это, нэ «любила», нема тоуо, щё кохала. По-украински «любовь» называется «коханье»*).

Нема ёуо тай нэ будэ,
Раздраялы злые люди,
Раздраялы, рассудилы,
Щёб мы w паре не ходилы.
А мы в паре ходить будем
И друу друуа кохать будем.

А.Ф. Шульга, с. *Николо-Александровка*
Октябрьского р-на

9.

Ой, при лужку, при лужкэ,
При счастливой доле,
При знакомом табуне
Конь уулял по воле.
Ууляй, ууляй, мой конь,
Пока не споймаю,
Як поймаю, зануздаю
Шёлковой уздою.

Ударю шпорами под бока,
Конь летит стрелою.
Ой, лети, лети, мой конь,
Хоть выхрем нэсися.
Против милой дворца
Стань, остановыся.
Стань, остановися,
Та вдарь копытáмы,
Чи нэ выйdet девка красна
С черными бровямы?
Ой, нэ вышла девка красна,
Вышла ее маты (*по-украински*):

«Здравствуй, здравствуй,
Милый зять,
Пожелай у хату».

А я ў хату не пиду
(*хата – это украинска*),
А пиду в стветлыцу,
Разбуджу я крепкий сон,
Красную девицу.
Встала, встала девка красна,
Лэчко нэ wмывала (лицо),
Правой ручкой обняла,
Ше й поцеловала.

А.Ф. Шульга, с. *Николо-Александровка*
Октябрьского р-на

10.

«Ой, ты хмэлю, хмэлю,
Хмэлю зэлэнэнький,
Дэ ж ты, хмэлю, зиму зимовал
Дай нэ развивался?»
«Зимувал я зиму,
Зимовал я, другу,
Зимувал я в лугу на калыне,
Шой нэ развивався».
«Ой, ты сыну, сыну,
Сыну молодэнький,
Гдэ же ты, сыну,
Ночку ночовал,
Шой не раздевався».
«Ночувал я ночку,
Ночувал я, другу,

Ночувал я у той у дивчины,
Шо сватать я буду».

Т.С. Кошечая, с. *Николо-Александровка*
Октябрьского р-на

11.

Несе Галя воду,
Коромысло үнется,
А за ней Иванко,
Як барвинок вьется.
«Галя, моя Галя,
Ты ж така хороша,
Дай воды напыться,
Хочу подывыться».

(А она отвечает):

«Вода у ставочку,
Иды да напыйся,
Я буду в садочку,
Приды подывыся».
Пришёл у садочок,
Зузуля кувала.

«А ты мене, Галю,
Дай и не шановала».

(Не шановала – значит, не ласкала и нэ ўюцала. Она ж должна была его ласкать, а она не прышла до нею).

Т.С. Кошечая, с. *Николо-Александровка*
Октябрьского р-на

Семейные песни

1.

Ой, матросы, моряки,
Где же ваши шлюпки?
Подарите хоть одну,
Расцелую в губки.
Подарите хоть одну,
Поцелую в губки...

(Как он её просит, шоб она с ними поехала. Она им отвечает):

Пойду к мамушке родной,
 Попрошу совета
И с матросом-моряком
Поеду вокруг света.

Мать совета не дала,
Слушать не схотела:
«Матрос замуж не берет,
Насмеется, бросит»...

Жила годик, жила два,
Горюшка не знала.
А на третий уж годок
Горюшко познала.

А на третий на годок
Дочь идеть уныло,
На руках она несёт
Матросёнка-сына.

«Прими, прими, мать родна,
Семья небольшая,
Матросёнок будет звать
«Бабушка родная».
«Иди, иди дочь туда,
С кем совет имела.

Моего совета ты
Слушать не хотела».

«Пойдем, миленький сынок,
Здесь нас не примают.
Сине море глубоко,
Там нас ожидают».

Как по морю, по волнам
Женский труп несётся,
А народ на корабле
Едет да смеётся.

Т.С. Кошечая, с. *Николо-Александровка*
Октябрьского р-на

2.

Встань ты утром, мама, рано,
И послушай на заре,
Не твоя ли дочка плачет
В чужой дальней стороне?
Встала мама утром рано
И послушала на заре.
«Ой, моя же дочка плачет
В чужой дальней стороне».

Т.С. Кошечая, с. *Николо-Александровка*
Октябрьского р-на

3.

Там, в саду, при долине
Громко пел соловей.
А я, мальчик, на чужбине
Позабыл всех друзей.
Позабыл, позабросил
С молодых юных лет.
Сам остался сиротою,
Счастья-доли мне нет.
Ой, помру я, помру я,
Похоронят меня,
И родные не узнают,
Где могилка моя.
Ой, никто не придёт,
И никто не проедет,
Только ранней весной
Соловей пропоёт,
Пропоёт и просвищит,
И опять улетит,
Одинокая могилка
Сиротою стоит.

Т.С. Кошевая, с. Николо-Александровка
Октябрьского р-на

4.

В далёком саду при долине
*(Она старинна песня, но я уже больше
слов по-русски)*
Уромко пел соловей.
Один мальчик на чужбине
Спозабыл всех друзей.
Спозабыл, спозабросил
С молодых юных лет.
«Я остался сиротою,
Счастья-доли мне нет.
Я живу, я живу,
Да родноуо ууолочка
Я себе не найду.
Нашёл ууолочек,
Да и тот не родной.
Меня все так обижают,
Уоворят, што чужой.
Приходилось порою

Под открытом небом спать,
И сухарики с водою
Со слюною улотать.
Помру я, помру,
Похоронят меня,
И родные не узнают,
Уде моуила моя.
*(Плачет). (Це подходе к военной жизни.
Сколько поубло людей. Мне даже в
уоспитале прихóдылось хоронить. Друуа
танкиста похорони-или. Так.)*
И на эту моуилу никто не придёт,
Только ранней весной
Соловей запоёт.
Пропоёт и просвищит
И опять улетит,
А моуила моя
Одинокое стоит.

А.Ф. Шульга, с. Николо-Александровка
Октябрьского р-на

5.

Моя маты меня
Рано замуж отдала
В чужую сторону
Да в большую семью.
Большая семья –
Все в очередь вэчереть всегда.
А мэнэ, молоду,
Посылають по воду.
Я по воду ишла,
Як уолубка, плыла, хвыла.
А с водою я шла –
До виконца прислухалася,
Чую, шо-те матэ боболит, болоболит,
Своему сыну уоворить:
Чё ты водку не пьешь,
Чём ты женку не бьешь?»

Т.С. Кошевая, с. Николо-Александровка
Октябрьского р-на

Солдатская песня

Как родная меня мать провожала,
Тут и вся моя родня набежала,
«Ой, куда же ты, Ванек,
Ой, куда ты?
Не ходи ты, Ванек, во солдаты».

Т.С. Кошева, с. Николо-Александровка
Октябрьского р-на

Шуточные песни

1.

Несэ тэща воду,
Коромысло үнэтся,
А за нэю зять,
Як барвинок, вьётся:
«Тёща, моя тёща,
Дай воды напиться.
Ты так ковыляешь,
Аж үад подывытся».

Е.И. Крицкая с. Николо-Александровка
Октябрьского р-на

2.

– Чижик, Чижик, игде был?
Пид горою водку пил?
– Я не водку, я налиwку,
Влюбился ў дивку Катэринку.
Я не водку, не налиwку,
Люблю дивку Катэринку.
Котэрына, Катько,
Не слухала батько,
Пишла по калыну,
Привела дэтыну.
А дэтына пидросла,
Катьке дули пиднесла.
А дэтына пидросла,
Катьке дули пиднесла.

М.Р. Грибкова, с. Николо-Александровка
Октябрьского р-на

Тюремная песня

Үлухой неведомой тайҫою,
Сибирской знойной стороной
Бежал бродяҫа с Сахалина
Звериной узкою тропой.
Там, далеко, за синим морем,
Оставил родину свою
(Так как я оставлял свою родину Белорус-
сию),

Оставил мать свою старушку,
Детей, любимую жену.
Шумит, бушует непоҫода,
Далёк, далёк бродяҫе путь.
Укрой, тайҫа еҫо үлухая,
Бродяҫа хочет отдохнуть.
Умру – в сырой земле зарюют,
Заплачет маменька моя,
Жена найдёт себе друҫого,
А мать сыночка никоуда.

А.Ф. Шульга, с. Николо-Александровка
Октябрьского р-на

Бытовые песни

Вечер вечерееет,
В степи колышется трава.
Нейдёт, нейдёт мой милый,
Пойду к ему сама.
Вечер вечерееет,
Семён идёт домой.
Два ҫорских ҫада
Кричат: «Семён, стой!»
Семён остановился
И слова не сказал:
«Вы бейте, чем хотите,
Но только не ножом».
А Семён то(ль)ко крикнул: «Ой!».
Зарезали.

М.Р. Грибкова, с. Николо-Александровка
Октябрьского р-на

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Баю-баюшки-баю,
Не ложися на краю,
Придет серенький волчок,
Схватит Дашу за бочок.

Т.С. Кошечкина, с. Николо-Александровка
Октябрьского р-на

ОБРЯДОВЫЕ ПЕСНИ

Колядки

1.
Щедрилочка щедровала,
До виконца припадала,
Шо ты, тетка, напекла,
Неси нам до викна.

Н.И. Воловик, с. Николо-Александровка
Октябрьского р-на

2.
Колядын, колядын,
Я у батько одын,
И той дурачок,
Дайте мне пятачок!

Т.С. Кошечкина, с. Николо-Александровка
Октябрьского р-на

3.
Открывайте сундучки,
Доставайте пятачки.

Т.С. Кошечкина, с. Николо-Александровка
Октябрьского р-на

4.
Коляд, коляд, колядын,
Я у батькы одын.
Меня нэ пытайтэ,
Копеечку дайтэ.

Т.С. Кошечкина, с. Николо-Александровка
Октябрьского р-на

5.
Коляд, коляд, колядныца,
Добра з мэком поляныца.

(Поляныца – это булка хлеба).

Поляныца нэ така,
Дайте, тётку, пятака.

Т.С. Кошечкина, с. Николо-Александровка
Октябрьского р-на

6.
Кто не даст колбасу,
Я вам хату растрясу.

М.В. Марченко, с. Максимовка
Октябрьского р-на

7.
Щедрый, ведрый,
Дайте вареник!

М.В. Марченко, с. Максимовка
Октябрьского р-на

Свадебные песни

8.
Светелка Наденьки,
Золовка Наденька,
Где ж ты, моя доля,
Ходишь по садочку?

М.С. Шульга, с. Николо-Александровка
Октябрьского р-на

9.
Как у нас одна сподманница была,
Сподманула своих верных подруг.
Вай-лей, лю-лей, лю-лей,
Сподманула своих верных подруг.
Говорила, что я замуж не пойду,
Оглянулася – за столиком сижу.
Вай-лей, лю-лей, лю-лей,
Оглянулася – за столиком сижу.
За столиком, за тесовеньким,
За Ванюшей чернобровеньким.
Вай-лей, лю-лей, лю-лей,
За Ванюшей чернобровеньким.
Он чернявый, чернобровый, душа мой.
Закатилося два яблочка за стол.
Вай-лей, лю-лей, лю-лей,
Закатилося два яблочка за стол.
Они сахаром ссыпаются,

Кому долюшка достанется.
Вай-лей, лю-лей, лю-лей,
Кому долюшка достанется.

М.С. Шульга. с. Николо-Александровка
Октябрьского р-на

10.

Просил батька,
Просила маты,
И я прошу:
«Приходите на свадьбу».

А.Ф. Шульга, с. Николо-Александровка
Октябрьского р-на

ЧАСТУШКИ

Игровые частушки на гулянии

Гармонист, гармонист,
Хорошо играешь.
Гармонист, гармонист,
С нами не гуляешь.

Гармониста я любила,
Гармониста тешила,
Гармонисту на плечо
Сама гармошку вешала.

Гармонь нова,
Прижка (пряжка) стёрта,
Гармонист
Похож на чёрта.

Частушек много знали
И хороших, и плохих.
Хорошо тому послушать,
Кто не знает никаких.

Картошка цветёт,
Рассыпается!
А шелудивые ребята
Задаваются!
Ох, лапти мои,
Красные оборки,
Хочу дома ночую,
А хочу – в мордовке.

Девки в озере купались,
Юбиляра там нашли.
Там целый день они играли,
Даже в школу не пошли.

Маша веники ломала
Да черемушку рвала,
И кукушка куковала,
Я ничего не поняла.

Ой, дождик идет
Прямо на рассаду!
Танцевать поперёд,
А полоть и сзади!

Милый и милая

Не кукуй, кукушка сера,
Не на ту березку села,
Пересядь на ёлочку,
Передай поклон милёночку,
Пересядь на дру́гою,
Передай поклон подру́гою.

Ой, гармошечка, ори
Дай до самой до зари!
Проууляла ночку с милым –
Никому не уовори!

Мой милёнок утонул,
Только лаптем болтанул.
И не в море, не в реке,
А в стакане, в молоке.

Ой, гармошка ревёт,
Я куда деваюсь?
Милый в городе живёт,
Я в колхозе шляюсь!

Внешность и характер

Ой, милый, милачок,
Картузик на бочок,
Жилеточка новая,
А рубаха лавровая.

Что ты, милка, задаешься,
Как картошка в борозде.
Тебя здесь никто не любит,
А ты хвалишься везде.

Полюбила я его,
А он, девочки, не рад.
У него насчёт мотора
Не работает колпак.

Девичество и сватовство

На столе стоит лампа,
А в лампе керосин.
Где б найти такого парня,
Чтоб до свадьбы не просил.

Ой, Семён, Семён,
Чего не женишься?
А зима придёт –
Куда ты денешься?
А зима придёт –
Я в сарай пойду,
Возьму куль соломы,
Обнимать буду!

Быт, трудовая и повседневная жизнь

Ковыряет, ковыряет,
Если ковыряется,
А я ковырну,
Тебе не понравится.

С неба звёздочка упала,
На столе растаяла.
Рано, рано меня мама
Сиротой оставила.

ГАДАНИЯ

Любовные

1. Овечек ловили... Вот поймашь какую за шерсть, чёрную если вырвешь шерсть, значит чёрный будет, если белую овечку, значит будет светлый жених.

Н.И. Воловик, *с. Николо-Александровка Октябрьского р-на*

2. Записочки пис(али), вот пишешь имена, например, Вася, Коля, Петя, и под подушку ложишь. Утром вытаскиваешь, и что выпал... А мне Вася и выпал. Я достала номерок – Вася. И я вытянула – и муж... И Вася у меня муж.

3. А потом, ну чё? Коло-одец замыкать. Кружку воды набираешь и замочек вешаешь, и вот, сон приснится – кто придёт по водичку к тебе, жених, тот тебе и будет муж. (*А замочек куда вешать?*) А просто кружечку, вот так замочек кружечку замыкаешь водичку, ну, как колодец вроде бы. (*А кружечку накрывали чем-нибудь?*) А кружечка стоит около кровати. Ну, конечно, накроешь там газеточкой. Колодец. Ну, мне не приснился. (*А как вы, приговаривали что-нибудь?*) Да-а. «Ложуся спать и, как, хочу видеть своего суженого-ряженого. Вот. И который мне приснится, тот будет моим мужем».

Т.С. Кошечкина, *с. Николо-Александровка Октябрьского р-на*

4. (*На Ивана Купала*) Мы плетём венки. А потом надо будет идти на мосты туды, бросать в воду венки, в какую сторону поплывет, туда и замуж пойдёшь, а если никуда не поплывет, никуда не пойдёшь, а если утонет, значит, помрёшь.

М.С. Шульга, *с. Николо-Александровка Октябрьского р-на*

Как жить будешь

5. Папоротник ищут, в ночь на Иван Купала ищут папоротник, папоротник, у нас в соснах там его полно, найти папоротник, значит счастье найти.

М.С. Шульга, с. *Николо-Александровка Октябрьского р-на*

6. Сейчас штакетники, а раньше были колья, были в коре и без коры. Вот считали колья бегали. Если попадет в коре, значит, жить богатым будешь. Если обстругана, значит, бедным.

М.В. Марченко, с. *Максимовка Октябрьского р-на*

7. Ворожить мы ворожили вообще. И на Новый год ворожи-или, и но-оуи в подпол спускали, если лохматый кто-то тебя за ноуи схватит, значит будешь боуа-атая; если такой, ну, не лохматый, то бе-една будешь.

Т.С. Кошечкина, с. *Николо-Александровка Октябрьского р-на*

8. Вот и ставят возле одного каравая свечку и возле другого. Вот это называют каравай. Это место молодого, это место молодой, вот. И ставляют в печку. Горячая печка, каравай печется, свеча горит в печке. Вот, и загадывают, значит, это той каравай молодой, этому молодой, вот. И когда свечка догорит уже вся, тада ток... значит, будут жить долго. Если у нас, когда сестру отговаривали замуж, свечка немножко погорела и потухла. Всё помрет, долго не жить ему. Так и получилось.

А.Ф. Шульга, с. *Николо-Александровка Октябрьского р-на*

ПОСЛОВИЦЫ, ПРИГОВОРКИ

Ночная кукушка перекукует (о жене).

С сыном дерешься, так на печь заберешься. А с зятем дерешься, дак за двери держись.

«Так-так, – сказал бедняк, – Вот купить хочется, а денег нема».

Замуж не напасть, лишь бы замужем не пропасть.

Бывает в жизни огорченье – вместо хлеба ешь печенье.

Украинская нота на Дальнем Востоке проявляется и в особом отношении к гоголевским произведениям в школе, в частности – к циклу его повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки», где Украина предстает во всем ее национальном своеобразии. Как отмечает Н.Л. Степанов в примечаниях к повестям цикла в семитомном собрании сочинений Н.В. Гоголя (М., 1966), в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Гоголь «стремится к поэтизации народной жизни, утверждает радостное, оптимистическое восприятие мира, отсюда и романтическая вдохновенная приподнятость повествования, явившаяся одной из важнейших особенностей гоголевского стиля», и, добавим, ставшая одной из притягательнейших черт этих повестей, особенно для тех, кому Украина – далекая родина предков.

Г.К. Алексеева

ПЛАН-КОНСПЕКТ УРОКА ЛИТЕРАТУРЫ В 6 КЛАССЕ ПО ЦИКЛУ ПОВЕСТЕЙ Н.В. ГОГОЛЯ «ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ»

*Все, что может иметь природа прекрасного,
сельская жизнь простолудинов обольстительного,
все, что народ может иметь оригинального, типического, –
все это радужными цветами блестит
в этих первых поэтических грезах г. Гоголя.*

В.Г. Белинский

Тип урока: изучение нового материала.

Оборудование: мультимедийный проектор.

Наглядность: портрет Н.В. Гоголя, выставка книг, компьютерные презентации.

План проведения урока

I. Организационный момент.

II. «Вечера на хуторе близ Диканьки» и народное творчество». Вступительное слово учителя.

III. Подготовка к восприятию нового материала, мотивационный этап.

IV. Изучение нового материала.

V. Итог урока.

VI. Домашнее задание.

Проведению урока предшествовала подготовительная работа: ученики были разделены на 4 группы, каждая из которых получила творческое задание – создать презентации по темам.

I группа – «Сорочинская ярмарка».

Цель: выявить, каково отношение автора к своим героям, как он выражает это отношение; показать соотношение лирического и комического в произведении; продемонстрировать красоту пейзажных зарисовок автора и яркое описание ярмарки.

II группа – «*Вечер накануне Ивана Купала*».

Цель: раскрыть тему губительной силы денег, проанализировать художественное своеобразие повести.

III группа – «*Майская ночь, или Утопленница*».

Цель: выяснить, какую роль играют в тексте описания природы, в чем их своеобразие; проследить, как вводится в повесть легенда о сотниковой дочке, какова ее роль в движении сюжета, обратить внимание на композицию повести.

IV группа – «*Ночь перед Рождеством*».

Цель: раскрыть народный характер повести, определить главную идею произведения; ответить на вопрос, почему Вакула добивается своей цели, в чем его сила.

Каждая группа получила задание прочитать повесть и ответить на вопросы.

Задания и вопросы по произведению «Сорочинская ярмарка»

1. Прочитайте выразительно начало 1-й главы — описание роскошного летнего дня. С каким чувством вы читаете эти строки? Найдите и прочитайте ещё 1-2 описания природы (а именно Днепра) из других повестей.

2. Составьте «калейдоскоп» ярмарки из 3-4 картин. Какими средствами передаёт Гоголь атмосферу ярмарки?

3. Как относится Рудый Панько к своим героям? Как вы это поняли? А что вам понравилось в повести? Кто из героев вам понравился?

4. Почему эта повесть изумила А.С.Пушкина?

5. Прочитайте последние два абзаца повести. Почему грустно в конце, хотя всю повесть мы весело смеялись? В каких произведениях устного народного творчества всегда присутствует грусть?

Задания и вопросы по произведению «Вечер накануне Ивана Купала»:

1. О чем эта повесть? Какая легенда лежит в основе повести?

2. Назовите имена действующих лиц. Прочитайте описание Басаврюка. Что олицетворяет он: добро или зло?

3. Как Петро добыл богатство? В чем заключается губительная сила денег? Прочитайте особенно понравившиеся места.

4. Кто из героев вызывает сострадание? Почему?

5. Как описание природы предупреждает читателя о предстоящей трагедии?

Задания и вопросы по произведению «Майская ночь, или Утопленница»

1. Перескажите кратко сюжет повести. Назовите имена действующих лиц. Прочитайте описание внешности Ганны.

2. Найдите и прочитайте выразительно одну из страшных легенд повести (главы 1,4,5). Что вас поразило, заставило задуматься, огорчиться в этой легенде?

3. За что парубки расправились с головой – сельским старостой? Как они проучили старосту? На чьей вы стороне?

4. Зачитайте описание природы, заставившее вас насладиться пейзажем.

5. Что в повести фантастика, легенда, а что – правда? Приведите доказательства.

6. По-вашему мнению, уметь читать – хорошо это или плохо? Как этот вопрос связан с повестью, с кем именно из героев?

Задания и вопросы по произведению «Ночь перед Рождеством»

1. О чем это произведение? Постарайтесь определить его главную идею.
2. Назовите происшествия и приключения героев, которые можно назвать комическими. Что вызвало смех? Зачитайте отрывок об одном из происшествий (можно по ролям).
3. Прочитайте выразительно понравившиеся описания природы. Какую роль, по вашему мнению, играет в повести описание природы?
4. Какие украинские слова из повести тебе понравились и почему? Чему вы научились, прочитав «Ночь перед Рождеством»?

Ход урока

I. Организационный момент.

Приветствие учащихся. Запись темы урока: «Вечера на хуторе близ Диканьки». Связь с народным творчеством».

II. Вступительное слово

Создавая «Вечера на хуторе близ Диканьки», Гоголь обращался к устному народному творчеству. Начинаящий писатель изучал книги, посвященные фольклору, просил родных и знакомых собирать для него украинские «всевозможные поверья и обычаи», а также устные рассказы: «об Иване Купале, о русалках», о духах и домовых, «с их названиями и делами». В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Гоголь использует и образную систему фольклора, и его идейную сущность. В народных сказках, песнях, былинах высмеивается все то, что враждебно людям, и прославляется справедливость, любовь, труд и счастье. Мечты народа о другой, лучшей жизни и нашли отражение в романтических повестях Гоголя. Положительные герои сказок всегда сильные, красивые и справедливые люди, они борются с силами зла и выходят победителями.

Обращение Н.В. Гоголя к украинской теме было закономерно. Его детство и юность прошли на Украине. Отсюда вынес он свои первые впечатления о жизни, здесь зародилась в нем любовь к украинскому фольклору. Приехав в Петербург, Гоголь неожиданно для себя почувствовал там атмосферу глубокого интереса к украинской культуре. «Здесь так занимает всех все малороссийское», – с радостным изумлением сообщает матери Гоголь через несколько месяцев после своего приезда в Петербург.

Строчки его произведений словно песни, подслушанные им на вечерках, куда собирались парубки и девушки. В письме к ботанику Максимовичу Гоголь писал: «Моя радость, жизнь моя! Песни! Как я вас люблю! Что все черствые летописи, в которых я теперь роюсь, перед этими звонкими живыми летописями!» Так и повесть Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» тоже можно назвать летописью, потому что в ней рассказывается история жизни украинского народа.

Дается задание зачитать небольшие эпизоды из произведения, подтверждающие это суждение.

Учитель: В предисловии к 1 и 2 частям цикла повестей даны «по азбучному порядку те слова, которые в книжке этой не всякому понятны». Давайте поработаем с этими словами. Проведем небольшую викторину. Я буду зачитывать предложения из текста, а вы должны определить значения этих слов:

«Он знал, что богатый козак Чуб приглашен дьячком на кутью» (*Кутья* – каша из пшеницы с медом и отваром из сухих фруктов. Кутью ели на Украине в канун Рождества).

«Канцелярист и волостной писарь третьего году взяли синей китайки» (*Китайка* – сорт хлопчатобумажной ткани).

«Железо на окову положил такое, какого не клал на сотникову таратайку, когда ходил на работу в Полтаву» (*Таратайка* – повозка).

«Выгружали мешки и хвастались паляницами, колбасами, варениками, которых успели уже набрать довольно за свои колядки» (*Паляница* – небольшой хлеб, несколько плоский).

«У тебя новые черевички» (*Черевички* – женские башмаки).

Учитель: Эти слова связаны с жизнью украинского народа. В повести сильно и ярко выражена поэтическая душа народа: его извечное стремление творить добро, непримиримое отношение к фальши, доверчивость, незлобивость, жизнерадостный юмор.

Гоголь сразу же хочет погрузить нас в атмосферу украинского села, чтобы мы ясно представили себе украинские беленые хаты – *мазанки*, чтобы очаровались песенным складом украинской речи, познакомились с бытом и обычаями украинского народа.

К нам пожаловала гостья из Украины. Послушаем ее.

Учащаяся рассказывает о себе на украинском языке и поет.

Учитель: Ребята, нас приглашают посетить Украину, увидеть чудные пейзажи, познакомиться с людьми.

Давайте прочитаем описание природы, попробуем услышать звуки, увидеть цвета, почувствовать запахи.

Учащиеся читают описания природы из текста произведения.

Учитель: А вот как эти описания природы воплотили в своих рисунках ребята.

Школьники коротко рассказывают о том, что изобразили на рисунках.

Учитель: Какое же знакомство без встречи с героями произведения. С какими героями вы познакомились?

Учащиеся отвечают.

Учитель: Я хочу пригласить вас в театральную мастерскую. Давайте представим, что вы ставите спектакль, подбираете актеров на роли героев. Сначала нужно выбрать режиссера. Затем режиссер выберет себе актеров и даст им необходимые указания.

В это время остальные учащиеся (по вариантам) находят в тексте описания героев: 1 вариант – описание Солохи, 2 – Чуба, 3 – Дъяка, 4 – Вакулы, 5 – Пацюка, 6 – Оксаны.

Затем выступают актеры: от 1-го лица рассказывают о своем персонаже. После этого они садятся на свои места, остается лишь Оксана.

Учитель: Давайте посмотрим, что делает, оставшись одна, красавица-дочка.

Инсценировка.

Учитель: Мы познакомились с жителями Диканьки, такими разными по характеру, открытыми, жизнерадостными. А какие замечательные костюмы носят они! Давайте составим украинские народные костюмы.

Из разнообразных деталей и элементов учащиеся собирают украинский народный костюм.

Учитель: Много лет прошло со дня написания «Вечеров...». Много воды утекло с тех пор, многое изменилось в жизни, кое-что утратило свою значимость, что-то забылось. Но так хочется, чтобы национальные традиции жили и возрождались, чтобы потомки помнили

о них, чтобы не прерывалась связь времен и поколений. Сейчас мы попытаемся словесно представить одежду людей, живших на родине писателя.

Девочки описывают составленный ими женский костюм, а мальчики – мужской.

Учитель: Посмотрите, как поработали наши модельеры, какие прекрасные костюмы они создали.

Показывают национальные костюмы украинского народа, собранные ребятами.

У любого народа есть свои праздники. Рождество для всех настолько долгожданный праздник, что для его встречи в каждом доме готовится праздничное угощение. О каком угощении идет речь на страницах повести?

Учащиеся вспоминают: о кутье, варениках.

Учитель: Сейчас повар предложит вам рецепты украинской кухни.

Предлагаются рецепты кутьи, узвара, борща, вареников.

Учитель: Наступает Рождество. А как приходит оно в повести?

Пересказ. (Примерный ответ: Торжеством природы и радостью людей. Месяц поднялся посветить добрым людям, чтобы всем было весело колядовать и славить Христа).

Учитель: А вы знаете колядки?

Исполняются колядки.

Да, задору и веселью украинского народа можно позавидовать. Прошу вас сейчас посмотреть на доску. Написанные там слова разделены на 2 группы: *насмехаться – потешаться, улыбаться – подтрунивать*. Как вы думаете, почему слова распределены в 2 группы? Над кем Гоголь иронизирует, насмехается, а кому улыбается или слегка подтрунивает над ним?

Учитель делает вывод:

Значит, можно сказать, что смех бывает разный. Какие произведения вызывают смех? Назовите юмористические и сатирические произведения, которые вы изучали в 5 классе. Почему они вызвали смех? В чем сила смеха? Как понимаете слова Гоголя: «О, смех великое дело! Ничего более не боится человек так, как смеха... Боясь смеха, человек удерживается от того, от чего бы не удержала его никакая сила»?

Найдите строки в повести или перескажите те фрагменты, которые явились источником смешного (Возвращение Чуба в свою хату; «поклонники» у Солохи; встреча Чуба с Головою). Почему эти отрывки вызывают смех?

Учащиеся отвечают.

Учитель: Ребята, слова *юмор* и *сатира* очень близки по значению. Найдите значения этих слов.

Работа со словарем.

Домашнее задание: Подготовить материалы для «Книги всякой всячины, или Подручной энциклопедии». Это могут быть записи о жизни украинского народа – предания, пословицы и поговорки, песни, рассказы об обычаях и нравах.

**ИЗУЧЕНИЕ УКРАИНИЗМОВ НА ЗАНЯТИЯХ
ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ
(на материале повести Н.В. Гоголя «Сорочинская ярмарка»¹)**

Повесть «Сорочинская ярмарка» была написана Н.В. Гоголем в 1829 г. и включена в книгу «Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные пасичником Рудым Паньком». По мнению критиков, в «Вечерах...» – «праздник народного духа».

Цель: совершенствование навыков чтения и литературоведческого анализа неадаптированного текста русской классической литературы; активизация лексических знаний, знакомство с украинизмами; формирование толерантного отношения к культуре другого народа.

Предтекстовые задания

Задание 1. Найдите в толковом словаре значения ниже приведённых слов. Какие из них содержат помету: «на Украине»? Слова, фразеологизмы, а также синтаксические и грамматические конструкции украинского языка, используемые в другом языке (литературном или разговорном), называются **украинизмами**. Выпишите их.

Антихрист	Макитра	Свитка
Бурлак	Малороссия	Смиренный
Вожжи	Нечестивец	Сожитель
Дивчина	Очипок (чепец)	Сожительница
Кобыла	Падчерица	Сорванец
Козак (казак)	Парубок	Хутор
Кокетка	Пенька	Чумак
Кум	Плахта	Шаровары
Кумовья	Повеса	Щеголиха
Лущить	Поступь	Щёголь

Задание 2. Повесть называется «Сорочинская ярмарка». Найдите в толковом словаре значение слова «ярмарка». Как вы думаете, какие события лежат в основе повести?

Задание 3. Как вы понимаете, где и когда происходят события повести?

1. Как упоителен, как роскошен летний день **в Малороссии!**
2. Такою роскошью блистал один из дней жаркого августа **тысяча восемьсот... восемьсот...** Да, лет тридцать будет назад тому, когда дорога, вёрст за десять до местечка **Сорочинец**, кипела народом, поспешавшим со всех окрестных и дальних хуторов на ярмарку. Глазам наших путешественников начал уже открываться **Псёл**.

Задание 4. Как вы понимаете выражения?

Как **упоителен**, как **роскошен** летний день в Малороссии! В поле **ни речи**. Всё как **будто умерло...** **Лениво и бездумно**, будто гуляющие без цели, **стоят подоблачные дубы**, и ослепительные **удары солнечных лучей зажигают** целые живописные **массы листьев...**

¹ Сорочинская ярмарка – ярмарка, проводимая в селе Большие Сорочины Миргородского уезда Полтавской губернии, родине Н.В. Гоголя. В XIX в. была одной из многих на Украине.

Изумруды, топазы, яхонты эфирных насекомых сыплются над пёстрыми огородами, осеняемыми **статными подсолнечниками**. ... как полно **сладострастия и неги малоросийское** лето!

Шла **кобыла, смиренный вид которой обличал преклонные лета её**.

Задание 5. Замените в предложениях из произведения Н.В. Гоголя выделенные слова (украинизмы) эквивалентами из русского языка (объяснениями из толкового словаря). Что вы наблюдаете? Какую роль играют украинизмы в тексте Н.В. Гоголя? Когда они употребляются в современном русском языке и с какой целью?

Да, лет тридцать будет назад тому, когда дорога, вёрст за десять до местечка Сорочинец, кипела народом, поспешавшим со всех окрестных и дальних **хуторов** на ярмарку. С утра ещё тянулись нескончаемую вереницею **чумаки** с солью и рыбою. Неугомонная супруга... но мы и позабыли, что и она тут же сидела на высоте воза, в нарядной шерстяной зелёной кофте, <...>, богатой **плахте**, пестревшей, как шахматная доска, и в ситцевом цветном очипке <...>. Оглянувшись, увидела она толпу стоявших на мосту **парубков**.

Задание 6. Прочитайте, как автор описывает пространство Малороссии? Как вы понимаете смысл последней фразы? Какие топосы представляют художественное пространство повести? Какой образ является центральным? Какой вы представляете реку? С кем сравнивает реку автор? Как называется это средство художественной выразительности?

Глазам наших путешественников начал уже открываться Псёл; издали уже веяло прохладою, которая казалась ощутительнее после томительного, разрушающего жара. Сквозь темно- и светло-зеленые листья небрежно раскиданных по луку осокоров, берез и тополей засверкали огненные, одетые холодом искры, и река-красавица блистательно обнажила серебряную грудь свою, на которую роскошно падали зеленые кудри дерев. Своенравная, как она в те упоительные часы, когда верное зеркало так завидно заключает в себе ее полное гордости и ослепительного блеска чело, лилейные плечи и мраморную шею, осененную темною, упавшею с русой головы, волною, когда с презрением кидает одни украшения, чтобы заменить их другими, и капризам ее конца нет, – она почти каждый год переменила свои окрестности, выбирая себе новый путь и окружая себя новыми, разнообразными ландшафтами. Ряды мельниц подымали на тяжелые колеса свои широкие волны и мощно кидали их, разбивая в брызги, обсыпая пылью и обдавая шумом окрестность. Воз с знакомыми нам пассажирами въехал в это время на мост, и река во всей красоте и величии, как цельное стекло, раскинулась перед ними. Небо, зеленые и синие леса, люди, возы с горшками, мельницы, – всё опрокинулось, стояло и ходило вверх ногами, не падая в голубую, прекрасную бездну.

Фрагмент повести «СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА»

Мини нудно в хати жить.
Ой вези ж меня из дому,
Де багацько грому, грому,
Де гопцюють все дивкы,
Де гуляють парубки!

Из старинной легенды.

Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии! Как томительно-жарки те часы, когда полдень блещет в тишине и зное, и голубой, неизмеримый океан, сладострастным

куполом нагнувшийся над землею, кажется, заснул, весь потонувши в неге, обнимая и сжимая прекрасную в воздушных объятиях своих! На нем ни облака. В поле ни речи. Всё как будто умерло; вверху только, в небесной глубине дрожит жаворонок, и серебряные песни летят по воздушным ступеням на влюбленную землю, да изредка крик чайки или звонкий голос перепела отдается в степи. Лениво и бездумно, будто гуляющие без цели, стоят подоблачные дубы, и ослепительные удары солнечных лучей зажигают целые живописные массы листьев, накидывая на другие темную, как ночь, тень, по которой только при сильном ветре прыщит золото. Изумруды, топазы, яхонты эфирных насекомых сыплются над пестрыми огородами, осеняемыми статными подсолнечниками. Серые стога сена и золотые снопы хлеба станом располагаются в поле и кочуют по его неизмеримости. Нагнувшиеся от тяжести плодов широкие ветви черешен, слив, яблонь, груш; небо, его чистое зеркало – река в зеленых, гордо поднятых рамах. . . как полно сладострастия и неги малороссийское лето!

Такою роскошью блистал один из дней жаркого августа тысячу восемьсот. . . восемьсот. . . Да, лет тридцать будет назад тому, когда дорога, верст за десять до местечка Сорочинец, кипела народом, поспешавшим со всех окрестных и дальних хуторов на ярмарку. С утра еще тянулись нескончаемою вереницею чумаки с солью и рыбою. Горы горшков, закутанных в сено, медленно двигались, кажется, скучая своим заключением и темнотою; местами только какая-нибудь расписанная ярко миска или макитра хвастливо выказывалась из высоко взгроможденного на возу плетня и привлекала умиленные взгляды поклонников роскоши. Много прохожих поглядывало с завистью на высокого гончара, владельца сих драгоценностей, который медленными шагами шел за своим товаром, заботливо окутывая глиняных своих щеголей и кокеток ненавистным для них сеном.

Одинок в стороне тащился на истомленных волах воз, наваленный мешками, пенькою, полотном и разною домашнею поклажею, за которым брел, в чистой полотняной рубашке и запачканных полотняных шароварах, его хозяин. Ленивою рукой обтирал он катившийся градом пот с смуглого лица и даже капавший с длинных усов, напудренных тем неумолимым парикмахером, который без зову является и к красавице, и к уроду, и насильно пудрит несколько тысяч уже лет весь род человеческий. Рядом с ним шла привязанная к возу кобыла, смиренный вид которой обличал преклонные лета ее. Много встречных и особливо молодых парубков брались за шапку, поровнявшись с нашим мужиком. Однако ж не седые усы и не важная поступь его заставляли это делать; стоило только поднять глаза немного вверх, чтоб увидеть причину такой почтительности: на возу сидела хорошенькая дочка с круглым личиком, с черными бровями, ровными дугами поднявшимися над светлыми карими глазами, с беспечно улыбавшимися розовыми губками, с повязанными на голове красными и синими лентами, которые, вместе с длинными косами и пучком полевых цветов, богатою короною покоились на ее очаровательной головке. Всё, казалось, занимало ее; всё было ей чудно, ново. . . и хорошенькие глазки беспрестанно бегали с одного предмета на другой. Как не рассеяться! в первый раз на ярмарке! Девушка в осьмнадцать лет в первый раз на ярмарке! . . Но ни один из прохожих и проезжих не знал, чего ей стоило упросить отца взять с собою, который и душою рад бы был это сделать прежде, если бы не злая мачеха, выучившаяся держать его в руках так же ловко, как он вожжи своей старой кобылы, тащившейся, за долгое служение, теперь на продажу. Неугомонная супруга. . . Но мы и позабыли, что и она тут же сидела

на высоте воза в нарядной шерстяной зеленой кофте, по которой, будто по горностаевому меху, нашиты были хвостики красного только цвета, в богатой плахте, пестревшей как шахматная доска, и в ситцевом цветном очипке, придававшем какую-то особенную важность ее красному, полному лицу, по которому проскальзывало что-то столь неприятное, столь дикое, что каждый тотчас спешил перенести встревоженный взгляд свой на веселенькое личико дочки.

Глазам наших путешественников начал уже открываться Псёл; издали уже веяло прохладою, которая казалась ощутительнее после томительного, разрушающего жара. Сквозь темно- и светло-зеленые листья небрежно раскиданных по лугу осокоров, берез и тополей засверкали огненные, одетые холодом искры, и река-красавица блистательно обнажила серебряную грудь свою, на которую роскошно падали зеленые кудри дерев. Своенравная, как она в те упоительные часы, когда верное зеркало так завидно заключает в себе ее полное гордости и ослепительного блеска чело, лилейные плечи и мраморную шею, осененную темною, упавшею с русой головы, волною, когда с презрением кидает одни украшения, чтобы заменить их другими, и капризам ее конца нет – она почти каждый год переменила свои окрестности, выбирая себе новый путь и окружая себя новыми, разнообразными ландшафтами. Ряды мельниц подымали на тяжелые колеса свои широкие волны и мощно кидали их, разбивая в брызги, обсыпая пылью и обдавая шумом окрестность. Воз с знакомыми нам пассажирами въехал в это время на мост, и река во всей красоте и величии, как цельное стекло, раскинулась перед ними. Небо, зеленые и синие леса, люди, возы с горшками, мельницы, – всё опрокинулось, стояло и ходило вверх ногами, не падая в голубую, прекрасную бездну. Красавица наша задумалась, глядя на роскошь вида, и позабыла даже лущить свой подсолнечник, которым исправно занималась во всё продолжение пути, как вдруг слова: «ай да дивчина!» поразили слух ее. Оглянувшись, увидела она толпу стоявших на мосту парубков, из которых один, одетый пощеголеватее прочих, в белой свитке и в серой шапке решетиловских смушек, подпершись в бока, молодецки поглядывал на проезжающих. Красавица не могла не заметить его загоревшего, но исполненного приятности лица и огненных очей, казалось, стремившихся видеть ее насквозь, и потупила глаза при мысли, что, может быть, ему принадлежало произнесенное слово.

– Славная дивчина! - продолжал парубок в белой свитке, не сводя с нее глаз. – Я бы отдал всё свое хозяйство, чтобы поцеловать ее. А вот впереди и дьявол сидит!

Хохот поднялся со всех сторон; но разряженной сожительнице медленно выступавшего супруга не слишком показалось такое приветствие: красные щеки ее превратились в огненные, и треск отборных слов посыпался дождем на голову разгульного парубка:

– Чтоб ты подавился, негодный бурлак! Чтоб твоего отца горшком в голову стукнуло! Чтоб он подскользнулся на льду, антихрист проклятый! Чтоб ему на том свете чёрт бороду обжег!

– Вишь, как ругается! – сказал парубок, вытаращив на нее глаза, как будто озадаченный таким сильным залпом неожиданных приветствий: и язык у нее, у столетней ведьмы, не заболит выговорить эти слова.

– Столетней! – подхватила пожилая красавица. – Нечестивец! поди, умойся наперед! Сорванец негодный! Я не видала твоей матери, но знаю, что дрянь! и отец дрянь! и тетка

дрянь! Столетней! что у него молоко еще на губах. . . Тут воз начал спускаться с мосту, и последних слов уже невозможно было расслушать; но парубок не хотел, кажется, кончить этим: не думая долго, схватил он комок грязи и швырнул вслед за нею. Удар был удачнее, нежели можно было предполагать: весь новый ситцевый очипок забрызган был грязью, и хохот разгульных повес удвоился с новою силой. Дородная щеголиха вскипела гневом; но воз отъехал в это время довольно далеко, и месть ее обратилась на безвинную падчерицу и медленного сожителя, который, привыкнув издавна к подобным явлениям, сохранял упорное молчание и хладнокровно принимал мятежные речи разгневанной супруги. Однако ж, несмотря на это, неутомимый язык ее трещал и болтался во рту до тех пор, пока не приехали они в пригородье к старому знакомому и куму, козаку Цыбуле. Встреча с кумовьями, давно не видавшимися, выгнала на время из головы это неприятное происшествие, заставив наших путешественников поговорить об ярмарке и отдохнуть немного после дальнего пути.

Послетекстовые задания

Задание 1. Скажите, о чём говорится в этом фрагменте повести?

Задание 2. Кто рассказчик в повести?

Задание 3. Кто герои повести?

Задание 4. Какой день описывается в повести?

Задание 5. Какие чувства вызывает он у рассказчика?

Задание 6. Какие эпитеты использует автор для характеристики «летнего дня»?

Задание 7. Какое состояние природы описано при помощи метафоры: «Всё как будто умерло»?

Задание 8. Какой эпитет характеризует дубы? Каково его значение?

Задание 9. Найдите в тексте описание дубов, прочитайте его. Какое средство художественной выразительности использует автор?

*Задание 10. Как называется средство художественной выразительности, используемое во фразе: «**статные** подсолнечники»? Каково значение слова «статные»?*

Задание 11. Чего полно «малороссийское лето»? В каком значении употреблены слова «сладострастие» и «нега»?

Сладострастие: 1. Сильное влечение к удовлетворению полового чувства, чувственность. 2. *перен.* Наслаждение, страстная увлечённость.

Нега (книжн.). 1. Полное довольство. 2. Блаженство, а также страстное томление, ласка.

Задание 12. Кто спешил на ярмарку?

Задание 13. Что везли на ярмарку?

Задание 14. Найдите и прочитайте описание девушки, сидевшей на возу. Была ли она раньше на ярмарке? Сколько ей лет?

Задание 15. С кем приехала девушка на ярмарку?

Задание 16. Найдите и прочитайте описание «злой мачехи». Почему каждый «спешил перенести взгляд свой на лицо дочки»?

Задание 17. Почему Псёл, представший перед путешественниками, назван роскошью («роскошь вида»)? Как называется в художественной литературе изображение картин живой и мёртвой природы? Какую функцию этот приём выполняет в анализируемом тексте?

Задание 18. Кто произносит фразу: «Славная дивчина!»? Кому она адресована? Какие чувства передаёт она?

Задание 19. Где и как проявился характер «злой мачехи»? Как вы оцениваете поведение мачехи, а реакцию её мужа? Почему?

Задание 20. Что нового вы узнали об украинском народе, украинской культуре, украинском характере? Какую роль в этом сыграли украинизмы?

Задание 21. Напишите эссе: характер украинского народа, отражённый в слове.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гоголь Н.В. Сорочинская ярмарка // Избранное. М.: Художественная литература, 1984. – С. 24-27.

**Захарова Л.А., Старикова Г.Н. История русского языка:
Учеб. пособие для практических занятий по курсу
«Историческая грамматика русского языка».**

Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – 182 с.

История русского языка настолько сложна, настолько и интересна. И этим интересом к предмету, любовью к нему проникнуто совершенно академическое по жанру и дидактическое по сути произведение – учебное пособие по истории русского языка, написанное высококвалифицированными специалистами, представителями Томской лингвистической школы профессором Л.А. Захаровой и доцентом Г.Н. Стариковой. Оно предлагает методически грамотно разработанную и апробированную многолетним преподаванием систему практических занятий по исторической грамматике русского языка.

«Историческая грамматика» является одним из сложных учебных курсов в программе подготовки специалистов-филологов. В условиях недостаточной обеспеченности указанного курса учебно-методической литературой, рецензируемое пособие имеет серьезное практическое значение и является необходимым для использования в учебном процессе.

Главное его назначение – помочь студентам преодолеть сложность восприятия теоретического материала и закрепить его путём выполнения практических заданий и упражнений, различных по трудности и направленности.

Учебное пособие создано в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом по направлению подготовки 031000 и специальности 031001 «Филология». Пособие насыщено таким языковым материалом и построено таким образом, что позволяет обеспечить понимание и осознанное усвоение фактов, категорий и явлений древнерусского языка.

Следует отметить чёткую структуру учебного пособия, тематика практических занятий (всего 27) выстроена в соответствии с четырьмя основными разделами программы дисциплины: «Введение», «Историческая фонетика», «Историческая морфология», «Исторический синтаксис». Единообразной и продуманной является подача планов практических занятий. Каждая тема состоит из названия, точно сформулированных теоретических вопросов, практических упражнений, справочных материалов, текстов для исторического комментирования.

Комплекс разнообразных практических упражнений и заданий к темам даётся в следующем порядке: тренировочные, проверочные задания, в том числе тестового характера, задания для самостоятельной работы, повторительные упражнения обобщающего характера по основным разделам курса. Диапазон сложности упражнений и заданий прослеживается в формулировках: от достаточно простых и традиционных, как-то: «образуйте форму от...», «переведите и объясните...», «напишите по-древнерусски...» до таких, которые требуют углубленных знаний, обращения к словарям, справочной и научной литературе: «дайте исторический комментарий», «докажите этимологическое родство слов» и др.

Градация упражнений по степени сложности позволяет варьирование заданий с учётом уровня подготовки группы или отдельных учащихся.

Тренировочные упражнения сопоставительного характера построены в соответствии с современными требованиями к анализу фактов языка в системных связях, в сочетании диахронного и синхронного планов. Например, в заданиях показана роль древнерусского как общевосточнославянского языка в последующем образовании русского, украинского и белорусского языков. В целях реализации межпредметных связей многие упражнения в качестве обязательного элемента включают установку на сопоставление с фактами старославянского языка, современного русского литературного языка, диалектной речи (упражнения на реконструкцию форм, задания грамматического плана). Многовариантность заданий позволяет максимально индивидуализировать самостоятельную работу студентов.

Важными составляющими частями пособия являются разделы, включающие тексты для чтения и лингвистического анализа, списки основной и дополнительной литературы, справочные материалы.

Корпус текстов, предлагаемых для чтения и анализа, разнообразен в жанровом и хронологическом отношении. В пособии представлена как деловая, повествовательная, так и церковно-книжная разновидность древнерусского и старорусского литературно-письменных языков. К текстам предлагаются пояснительные комментарии, словарь-минимум, достаточный для понимания приведённых текстовых фрагментов. Одно из достоинств рецензируемого пособия состоит в том, что авторы не ограничиваются широко известными общерусскими текстами, а привлекают к языковому рассмотрению источники регионального значения. Сибирские документы делового письма информативны в содержательном отношении, обладают высокой лингвокультурной значимостью. При чтении, лингвистической интерпретации таких документов исторический материал осмысливается студентами по-новому, отчуждённость восприятия сменяется глубиной и сопричастностью к предмету рассмотрения.

Пособие адресовано бакалаврам, магистрантам филологических факультетов, но может быть рекомендовано и аспирантам, преподавателям вузов, школьным учителям, а также всем, кто интересуется историей русского языка и культуры. Авторы скромно определяют пособие учебным, напрасно отказываясь от формулировки учебно-методическое: и опытный, и начинающий преподаватель вуза увидит в нём своего помощника.

Пособие отличается высоким методическим и научным уровнем, глубоким проникновением в материал. Упражнения разного характера и разной степени сложности стимулируют творческий подход к предмету. Расположение материала, последовательность развёртывания и многое другое подчинено в пособии задаче формирования у студентов умений и навыков научного анализа языковых явлений, навыков чтения и перевода древнерусских и старорусских текстов, историко-лингвистического комментирования фактов и явлений современного русского языка.

Считаем, что рецензируемое учебное пособие – ценный вклад в собрание научно-методических разработок по истории языка, появившихся в течение последних пяти лет.

Г.М. Старыгина

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА О СЕЛАХ¹

АМУРСКАЯ ОБЛАСТЬ

ОКТЯБРЬСКИЙ РАЙОН

Село Максимовка

Основано в 1909 году, в 39 километрах от районного центра села Екатеринославка в верховьях реки Дим. Первые переселенцы приехали из Полтавской и Черниговской губерний (Украина). Первоначально село называлось Софиевкой, по имени инженера-землеустроителя. Название Максимовка село получило потому, что первые переселенцы были из украинского села Максимовка Полтавской губернии. В 2010 году в селе проживало 457 человек.

Село Кутилово

Основано в 1869 (по другим данным – в 1878) году сибиряками-раскольниками. Название получило в 1880-е гг. по фамилии переселенца М. Кутилова. Ранее называлось Путилово. До 1920-х годов в селе была церковь. В феврале 1919 года возле села в бою с японскими интервентами погибли 26 партизан. В 1976 году на месте боя был сооружен памятник. В 2010 году в селе проживало 62 человека.

Село Николо-Александровка

Основано в 1901 (по другим данным – в 1907) году переселенцами из Переясловского уезда Полтавской губернии (Украина). Село названо в честь царствовавшего в те годы Николая Александровича Романова. В 2010 году в селе проживало около 760 человек.

Село Покровка

Основано в 1909 году переселенцами из Переясловского уезда Полтавской губернии (Украина). В 2010 году в селе проживало около 180 человек.

Село Борисоглебка

Основано в 1887 году переселенцами из Тамбовской губернии Борисоглебского уезда, Екатеринославской, Полтавской губерний и Донецкой волости. В числе первых поселенцев – семьи Титовых, Токаревых, Зимариных, Рыбиных. Расположено на берегу р. Дим. До революции в селе были церковь, мельница. До 1930 года на территории села работали кирпичные заводы, на которых трудились китайцы. В 2010 году в селе проживало около 260 человек.

Село Песчаноозёрка

Основано в 1884 году переселенцами из с. Кутенёвка Новочеркасской волости Донской губернии. Первоначальное название села – Алексеевка. Настоящее название получило в связи с тем, что недалеко от села находилось озеро с песчаным дном. Расположено на берегу р. Ивановки. До революции в селе была церковь. В 2010 году в селе проживало около 760 человек.

Село Варваровка

Село основано в 1904 году переселенцами из Полтавской губернии (Украина). Расположено на берегу р. Ивановки. В 2010 году в селе проживало около 180 человек.

Село Переясловка

Село основано в 1902 году переселенцами из Переясловского уезда Полтавской губернии (Украина). В числе первых поселенцев – семьи Сосновских, Вергун, Пацюк, Колосок, Курочка, Юрчук.

В 2011 году в селе проживало около 160 человек.

Село Преображенковка

Село основано в 1889 году переселенцами из Донской области. В 2011 году в селе проживало около 190 человек.

ТАМБОВСКИЙ РАЙОН

Село Козьмодемьяновка

¹ Использованы данные книги «Амурская область. Опыт энциклопедического словаря» (ред.-сост. Н.К. Шульман, Благовещенск, 1989), репринтного издания «Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей» А. Кириллова (Благовещенск. 1894), данные сайтов районных администраций, электронного ресурса Wikipedia, а также материалы научных экспедиций в села.

Основано в 1887 году крестьянами, переселившимися из области Войска Донского и Полтавской губернии. До 1891 г. называлось Кутейниково. Название Козьмодемьяновка дано в честь религиозного праздника. Расположено на берегу р. Гильчин.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ИНФОРМАНТАХ

Балабан Екатерина Григорьевна, 1948 г.р. Родилась и проживает в с. Николо-Александровка Октябрьского района.

Брусова Мария Павловна, 1931 г.р. Родилась в г. Нижний Троицк Туймазинского района Уфимской области (Башкирия). С 1969 г. жила в Читинской области, с 1978 г. проживает в с. Максимовка Октябрьского района.

Воловик Надежда Ивановна, 1939 г.р. Родилась в г. Саранске (Мордовская ССР). С 1951 г. проживает в с. Николо-Александровка Октябрьского района.

Галушко Евдокия Ивановна, 1920 г.р. Родилась в с. Николо-Александровка Октябрьского района. Родители переселились из Украины.

Горлов Иван Петрович, 1921 г.р. Родился в Воробьёвском районе Воронежской области. С 1939 г. проживает в с. Москвитино Свободненского района.

Грибова Мария Романовна, 193(?) г.р. Родилась в г. Белгороде (Украина) С 1946(?) г. проживает в с. Николо-Александровка Октябрьского района.

Добрынин Егор Степанович, 193(?) г.р. Родился и проживает в с. Сагибово Архаринского района. Его предки – забайкальские казаки-гураны – основали село. Мать приехала в Амурскую область из Могилёвской губернии Белоруссии.

Добрынина Лидия Михайловна, 1940 г.р. Родилась в Днепропетровской области (Украина). С 1960 г. проживает в с. Сагибово Архаринского района.

Доценко Лукерья Степановна, 1938 г.р. Родилась в с. Панино Октябрьского района. Проживает в с. Максимовка Октябрьского района. Мать украинка, отец белорус.

Кошечкина Раиса Прохоровна, 1935 г. р. Родилась и проживает в с. Николо-Александровка Октябрьского района. Деды переселились из Киева.

Крашалева Полина Романовна, 1926 г.р. Родилась и проживает в с. Чембары Свободненского района. Родители приехали из Киевской области.

Крицкая Евдокия Ивановна, 1931 г.р. Родилась в с. Покровка Октябрьского района. Проживает в с. Николо-Александровка Октябрьского района.

Марченко Мария Васильевна, 1928 г.р. Родилась и проживает в с. Максимовка Октябрьского района. Родители переселились из Тамбовской губернии.

Мироненко Любовь Никитична, 192(?) г.р. Родилась и проживает в с. Максимовка Октябрьского района. Родители переселились из Украины.

Наконечникова Елена Анисимовна, 1934 г.р. С 1951 г. проживает в с. Чагоян Шимановского района. Отец родом из Белоруссии. Мать родилась в Амурской области, её родители переселились на Дальний Восток в 1906 г.

Новицкая Софья Андреевна, 1935 г.р. Родилась на Украине. Жила в Архаре, с 1975 года в с. Максимовка Октябрьского района.

Остапенко Мария Васильевна, 1919 г.р. Родилась и проживает в с. Песчаноозёрка Октябрьского района. Деды переселились из Украины и из Саратова.

Приходько Фёдор Иосифович, 1941 г.р. Родился и проживает в с. Максимовка Октябрьского района. Отец переселился в Амурскую область в 1906 г. из Крайнеподольской губернии (Украина), мать – в 1906 г. из Черниговской губернии.

Селивон Варвара Павловна, 1940 г.р. Родилась и проживает в с. Николо-Александровка Октябрьского района. Деды переселились в Амурскую область из Полтавской губернии в 1904 г.

Сергеева Вера Прохоровна, 1937 г.р. Родилась в с. Никола-Александровка Октябрьского района. Проживает в с. Покровка Октябрьского района. Мать переселилась в Амурскую область из Украины.

Федирко Анисья Андреевна, 1930 г.р. Родилась и проживает в с. Максимовка Октябрьского района. Мать и отец переселились в 1906 г. из Харькова (Украина).

Чеушева Мария Степановна, 1929 г.р. Родилась в Калужской области. С 1950 г. проживает в с. Грибовка Архаринского района.

Шмендель Марфа Яковлевна, 1917 г.р. Родилась в Брянской области. С 1965 г. проживает в с. Красный Луч Архаринского района.

Шульга Андрей Федосеевич, 1918 г.р. Родился и проживает в с. Николо-Александровка Октябрьского района. Родители переселились из Днепропетровской области (Украина).

Шульга Мария Сергеевна, 1950 г.р. Родилась и проживает в с. Николо-Александровка Октябрьского района. Деды переселились из Днепропетровской области (Украина).

СОБИРАТЕЛИ ДИАЛЕКТНОГО И ФОЛЬКЛОРНОГО МАТЕРИАЛА

2000

Руководитель:

Оглезнева Елена Александровна

Преподаватели и студенты:

Акуленко Ольга

Дементьева Олеся

Дьяченко Наталья

Иванова Наталья Владимировна

Капустина Лариса

Моргунова Людмила

Попович Раиса

Старновская Татьяна

Тахаева Зинаида Ивановна

Туякова Анастасия

Ющенко Делина

2001

Руководители:

Оглезнева Елена Александровна

Архипова Нина Геннадьевна

Преподаватели и студенты:

Белуха Наталья

Гирько Ирина

Грибкова Елена Викторовна

Зайцева Диана

Зенкова Оксана

Иванова Оксана Сергеевна

Кузнецова Ирина

Мальцева Елена

Мельникова Оксана

Назаренко Ольга

Назарова Татьяна

Нифонтова Евгения

Оглых Ирина

Федотова Марина

Хакимова Лариса

Хорош Наталья

2002

Руководители:

Оглезнева Елена Александровна

Архипова Нина Геннадьевна

Преподаватели и студенты:

Аркатова Татьяна

Волегов Сергей Владимирович

Галимова Дарья Николаевна

Зверева Оксана

Игнатенко Светлана

Ляшенко Мария

Пасемина Екатерина

Поздняк Елена

Полищук Татьяна

Полякова Яна

Радкевич Наталья

Степанова Ирина

Суховой Екатерина

Фомичева Татьяна

2003

Руководители:

Оглезнева Елена Александровна

Архипова Нина Геннадьевна

Преподаватели и студенты:

Базарова Светлана

Волгузова Татьяна

Волошина Екатерина

Галимова Дарья Николаевна

Земерс Нелли

Калачева Александра

Лоцилина Юлия

Павлова Анастасия

Семенов Максим

Сиротина Евгения

Шакун Татьяна

Шеина Надежда

2004

Руководитель:

Архипова Нина Геннадьевна

Преподаватели и студенты:

Абрамкина Анна

Алферова Ирина

Галимова Дарья Николаевна

Гордеева Светлана

Гребенникова Екатерина

Краснощёка Ольга

Павлова Анастасия

Пушкарёва Ксения

Русанова Ольги

Сибяева Наталья

Собка Вероника

Степанова Юлия

Филина Анастасия

Хромов Максим

Шакун Татьяна

2005

Руководитель:

Архипова Нина Геннадьевна

Преподаватели и студенты:

Галимова Дарья Николаевна

Горлова Лариса

Губерштро Людмила

Зими́на Алена
Крыжа́нская Ксения
Мисак Анна
Павлова Анастасия
Радченко Оксана
Скрябина Анна
Трунова Мария
Хлебникова Ольга

2006

Руководители:

Архипова Нина Геннадьевна
Оглезнева Елена Александровна

Преподаватели и студенты:

Бибик Евгения
Ватуля Татьяна
Галимова Дарья Николаевна
Горлова Лариса
Губерштро Людмила
Жаркова Елена
Казакбаева Наталья
Капшук Елена
Кривенко Ксения
Курсакова Светлана
Мисак Анна
Павлова Анастасия
Рачко Елена Евгеньевна
Сидорова Евгения
Силантьева Светлана
Скрябина Анна
Старьгина Галина Михайловна
Степанова Ирина
Трунова Мария
Хлебникова Ольга
Ширяева Светлана

2007

Руководитель:

Архипова Нина Геннадьевна

Преподаватели и студенты:

Башмакова Татьяна
Иванова (Егоренко) Ольга
Ковалёва Анастасия
Котова Олеся
Крюкова Дарья
Лагута Нина Владимировна
Максимова Татьяна
Павловская Светлана
Рачко Елена Евгеньевна
Старьгина Галина Михайловна
Фролова Кристина
Хисматуллин Алексей
Цирульникова Екатерина
Чапайкина Нина
Шевченко Александр

2008

Руководители:

Старьгина Галина Михайловна

Рачко Елена Евгеньевна

Студенты:

Грищенко Ирина
Дорофеевская Валерия
Коваленко Анна
Кострыба Юлия
Лушникова Дарья
Перова Надежда
Прядкина Наталья
Феньева Дарья
Ямщикова Татьяна

2009

Руководители:

Архипова Нина Геннадьевна
Галимова Дарья Николаевна
Лагута Нина Владимировна
Оглезнева Елена Александровна
Рачко Елена Евгеньевна
Старьгина Галина Михайловна

Студенты:

Андреева Екатерина
Безнигаева Марина
Белоусова Евгения
Волкова Дарья
Гавриленко Ольга
Девочкин Артем
Зубарева Регина
Зуева Анна
Колосова Анастасия
Кугай Евгения
Лавриченко Мария
Мишун Екатерина
Недзельская Юлия
Неупокоева Евгения
Омарова Валентина
Попова Татьяна
Пудова Мария
Сазонова Юлия
Трошина Валентина
Тушканова Валерия
Юрьева Анна

2010

Руководители:

Галимова Дарья Николаевна
Оглезнева Елена Александровна

Преподаватели и студенты:

Безнигаева Марина
Блохинская Алёна Владимировна
Волкова Дарья
Ердакова Дарья
Клименко Дарья
Ключко Мария
Колосова Анастасия
Косенко Марина
Кружкова Светлана
Кузьменко Мария

Мусатова Екатерина
Самойленко Татьяна
Самсонова Александра
Тарасова Алина

Тибейкина Дарья
Трошина Валентина
Часовских Надежда
Чекотина Александра

АВТОРЫ

АЛЕКСЕЕВА ГАЛИНА КУЗЬМИНИЧНА, учитель русского языка и литературы МОУ СПОШ № 2 г.Благовещенска, имеет звания «Отличник народного просвещения», «Заслуженный учитель школы Российской Федерации».

Е-mail: charli71@mail.ru

АРХИПОВА НИНА ГЕННАДЬЕВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка АмГУ, старший научный сотрудник лаборатории региональной лингвистики.

Е-mail: charli71@mail.ru

БЕЛОЗУБОВА НАТАЛЬЯ ИННОКЕНТЬЕВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка АмГУ.

Е-mail: bin7272@mail.ru

БЛОХИНСКАЯ АЛЁНА ВЛАДИМИРОВНА, ассистент кафедры русского языка АмГУ, сотрудник лаборатории региональной лингвистики, аспирант АмГУ.

Е-mail: alyonushka06@mail.ru

БОРОДАТОВ АРТЁМ ВАСИЛЬЕВИЧ, технический сотрудник отдела по связям с общественностью АмГУ, сотрудник лаборатории региональной лингвистики.

Е-mail: borodatov_artem@mail.ru

ГАЛИМОВА ДАРЬЯ НИКОЛАЕВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка АмГУ, научный сотрудник лаборатории региональной лингвистики.

Е-mail: darja_galimova@mail.ru

ЛАГУТА НИНА ВЛАДИМИРОВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка АмГУ, научный сотрудник лаборатории региональной лингвистики.

Е-mail: nlaguta@mail.ru

ОГЛЕЗНЕВА ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка АмГУ, руководитель лаборатории региональной лингвистики

Е-mail: eoglezneva@yandex.ru

СОСИНА НАТАЛЬЯ АНАТОЛЬЕВНА, старший преподаватель кафедры русского языка АмГУ, сотрудник лаборатории региональной лингвистики.

Е-mail: na_sosina@mail.ru

СТАРЫГИНА ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка АмГУ, научный сотрудник лаборатории региональной лингвистики.

Е-mail: starygina36@mail.ru

ЧАЙКИНА СОФЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА, выпускница филологического факультета АмГУ 2011 года.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

Информация о научных экспедициях кафедры русского языка Амурского государственного университета

В июле 2011 г. кафедрой русского языка было проведено две научные экспедиции.

Первая экспедиция традиционно была фольклорно-диалектологической. Студенты и преподаватели работали в селах Николо-Александровка, Максимовка, Варваровка, Переясловка, Преображеновка Октябрьского района Амурской области. Руководили экспедицией доцент Д.Н. Галимова и сотрудник лаборатории региональной лингвистики А.В. Блохинская. В экспедиции приняли участие доценты Н.В. Лагута, Г.М. Старыгина и студенты 997 группы филологического факультета. В Октябрьском районе мы работали второй год, поскольку там был обнаружен очень яркий диалектный и фольклорный материал. За время работы в 2011 г. удалось побеседовать с 49 информантами. Было сделано 59 часов цифровой аудиозаписи и 5,5 часов видеозаписи. Таким образом, собран достаточно большой материал, который станет хорошим подспорьем для курсовых, дипломных работ студентов кафедры, а также для диссертационных работ. Традиционно материалы экспедиции будут подготовлены к опубликованию в фольклорно-диалектологическом альманахе «Слово».

Вторая экспедиция была организована в русские села Китая. Руководила экспедицией Е.А. Оглезнева, в экспедиции приняли участие аспирантка кафедры С.В. Гордеева и студентка Хэйхэйского университета Бу Вэй Вэй. Мы побывали в трех селах провинции Хэйлунцзян, которые имеют статус русских деревень. Эти деревни располагаются в уезде Сунькэ на китайском берегу Амура. В них проживают потомки русских, по разным причинам оказавшихся в Китае в 30-40-е гг. XX века. В наши задачи входило изучение уровня языковой компетенции потомков русских, проживающих в настоящее время в приграничном Китае, а также местной языковой ситуации. Был собран по-своему уникальный аудиоматериал в объеме 12 часов звучания и социолингвистические данные, которые будут использованы в диссертационном исследовании в рамках научно-исследовательской работы кафедры.

Е.А. Оглезнева

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редакторов</i>	3
<i>Современные лингвистические исследования</i>	
<i>Оглезнева Е.А.</i> Языковая ситуация в Приамурье: динамический аспект. <i>Историко-лингвистический очерк</i>	7
<i>Блохинская А.В.</i> История славянского заселения Амурской области в связи с формированием ее диалектного ландшафта.....	25
<i>Архипова Н.Г.</i> Восточнославянское взаимодействие в лексике старообрядческих говоров Амурской области	34
<i>История края. Избранное</i>	
<i>Кауфман А.А.</i> По новым местам. Очерки и путевые заметки. 1901-1903 (отрывок).....	42
<i>Мельников А.</i> Как появились хохлы на Амуре («Амурский комсомолец», 1992).....	51
<i>Бородина Е.</i> «Украинский веночек невесте смастерила соседка...» («Амурская правда», 2010)	55
<i>Речевые портреты</i>	
<i>Архипова Н.Г.</i> «Они же поколение от поколения» – украинцы на амурской земле	57
Тексты и комментарии	
<i>Добрынина Лидия Михайловна (Сост. Н.Г. Архипова)</i>	59
<i>Галушко Евдокия Ивановна (Сост. А.В. Блохинская)</i>	65
<i>Крицкая Евдокия Ивановна (Сост. А.В. Блохинская)</i>	72
<i>Речевые жанры</i>	
<i>Лагута Н.В.</i> Заселение Приамурья в воспоминаниях амурских старожилов	80
«И вот столечко не дам!»	81
«Две недели ехали!»	81
«Уже население населено уже было...»	83
«Когда деревню называли, перескандалили все!»	84
«Весь Дальний Восток так и заселился!».....	84
«И вот они ихалы...».....	86
«Там, знаете, у нас казали «тамбоши»	87
«Тут и хохол, хоть и кто, а все по-русски шас балакают».....	88
«А родился я здесь».....	89
<i>Словарь</i>	
<i>МА – МО (Сост. Г.М. Старыгина)</i>	90
<i>Старыгина Г.М., Чайкина С. А.</i> Толковый словарь старообрядческой лексики (на материале романа П.И. Мельникова-Печерского «В лесах»).....	103
Толковый словарь старообрядческой лексики (фрагмент).....	106
<i>Лингвогеография</i>	
Результаты обследования сел Николо-Александровка, Покровка, Максимовка Октябрьского района Амурской области в 2010 по вопросам «Программы собирания сведений для диалектологического атласа русского языка» (таблица и комментарии) (<i>Сост. Е.А. Оглезнева</i>) .	116

Когнитивная диалектология

<i>Галимова Д.Н.</i> Неконтролируемость жизни как одна из ключевых характеристик диалектной картины мира	124
--	-----

Язык фольклора

<i>Архипова Н.Г., Блохинская А.В.</i> Украинская свадьба на амурской земле: этнолингвистическое описание.....	135
Рассказы об украинской свадьбе	
«Каравай этот было раздают, когда уже дарят подарки молодым»	144
«Шоб невеста смеялась на свадьбе – это плохая примета»	153
«Когда с дедом женились, у нас калина была на караване...»	157
Спевка в селе Максимовка Октябрьского района Амурской области, 2010г. (<i>Запись и обработка Галимовой Д.Н. и Блохинской А.В.</i>)	162
Фольклорные тексты (<i>Сост. А.В. Блохинская</i>)	179
Лирические песни.....	179
<i>Любовные</i>	179
<i>Семейные</i>	182
<i>Солдатская</i>	184
<i>Шуточные</i>	184
<i>Тюремная</i>	184
<i>Бытовая</i>	184
<i>Колыбельная</i>	185
Обрядовые песни.....	185
<i>Колядки</i>	185
<i>Свадебные</i>	185
Частушки	186
Гадания	187
Пословицы, приговорки.....	188

Школа

<i>Алексеева Г.К.</i> План-конспект урока литературы в 6 классе по циклу повестей Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки»	189
<i>Белозубова Н.И.</i> Изучение украинизмов на занятиях по РКИ (на материале повести Н.В. Гоголя «Сорочинская ярмарка»	194

Рецензии

<i>Захарова Л.А., Стрикова Г.Н.</i> История русского языка: Учеб. пособие для практических занятий по курсу «Историческая грамматика русского языка. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – 182 с. (<i>Г.М. Старыгина</i>).....	200
Историческая справка о сёлах.....	202
Краткие сведения об информантах.....	203
Собиратели диалектного и фольклорного материала.....	204
Авторы	206
Научная хроника.....	207

Амурский государственный университет
Кафедра русского языка
Лаборатория региональной лингвистики

Адрес: 675027, Амурская обл., Благовещенск,
Игнатьевское шоссе, 21
Тел.: (4162)394583;
(4162)394588
Факс: (4162)367353
E-mail: slovoamgu@yandex.ru

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас принять участие в фольклорно-диалектологическом альманахе «Слово», посвященном проблемам русской диалектологии, лингвофольклористики и этнолингвистики. Альманах «Слово» – это продолжающееся научное издание кафедры русского языка Амурского государственного университета.

В альманахе публикуются статьи и материалы следующей тематики:

- ☞ *История формирования русских народных говоров*
- ☞ *Русские говоры на рубеже XX-XXI веков*
- ☞ *Язык традиционного и современного фольклора*
- ☞ *Лингвогеографический аспект изучения русских народных говоров*
- ☞ *Русские говоры в условиях языкового контакта*
- ☞ *Диалектная лексикография*

Альманах будет сопровожден звуковым приложением на компакт-диске.

Требования к публикации

Объем статьи — до 0,5 п.л. (12 стр. по 1800 знаков в каждой), шрифт Time New Roman, формат – RTF, кегль – 14, интервал 1,5.

Сведения об авторе: Ф.И.О. полностью, должность, ученая степень, ученое звание, полное название организации, адрес, телефон, e-mail.

Для отражения особенностей диалектной речи используйте следующий набор символов:

знак	звук	шрифт
Ү ү	г фрикативный	Symbol
ӱ	в билабиальный	Times New Roman
W w	в губно-губной	Times New Roman
ə	средний гласный	Tahoma

Для отображения ударных гласных используйте шрифт **Times New Roman Cyrillic Accent** Все указанные символы вставляйте в текст командой (*вставка > символ*).

Иллюстрации и диаграммы вставляйте в текст в виде предварительно подготовленных изображений (*вставка > рисунок > из файла*), а не создавайте средствами MS Word.

Требования обусловлены особенностями электронной версии альманаха, верстка которой осуществляется в формате **html**.

При наличии звукового фрагмента к статье присылайте его на компакт-диске (параметры аудиозаписи: **.mp3** [минимум 44kHz, 192kbps] или **.wav**) или укажите адрес в Интернет, откуда может производиться копирование Вашего звукового фрагмента.

Статьи присылайте до 1 сентября по адресу: Благовещенск Амурской обл., 675027, Игнатьевское шоссе, 21, кафедра русского языка, Архиповой Нине Геннадьевне или по электронной почте: slovoamgu@yandex.ru; charli71@mail.ru

Авторские экземпляры будут высылаться бесплатно.

Желающие приобрести уже вышедшие из печати выпуски, а также другие издания кафедры могут сделать заказ по адресу: 675027, Амурской обл., Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21, кафедра русского языка

или по электронному адресу: slovoamgu@yandex.ru

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 1. Фольклор. 2003 (стоимость – 100.00 руб.); ISBN 5-93493-037-0;

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 3. Формы существования современного русского языка. Сборник научных статей. 2005 (стоимость – 100.00 руб.)

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 4. Амурское старообрядчество: речевые портреты. Речевые жанры. Словарь. Язык фольклора. 2006 (стоимость – 150.00 руб.); ISBN 5-93493-068-0;

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 6, специальный. Русское слово в восточном зарубежье. 2008 (стоимость – 200.00 руб.); ISBN 5-93493-125-5;

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 7. Речевой портрет семьи. Речевые жанры. Лингвогеография. Словарь. Язык фольклора. 2009 (стоимость – 200.00 руб.); ISBN 5-93493-125-5;

Оглезнева Е.А. Русско-китайский пиджин: опыт социолингвистического описания. Благовещенск: АмГУ, 2007. 264 с. ISBN 978-5-93493-070-2 (стоимость – 200.00 руб.)

Оглезнева Е.А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск: АмГУ, 2009. 352 с. ISBN 978-5-93493-122-4 (стоимость – 250.00 руб.)

Издания высылаются наложенным платежом (+ почтовые расходы), авторские экземпляры – бесплатно.

По желанию можно заказать компакт-диск, содержащий электронную версию альманаха, а также фото, видео и аудиофайлы (для выпусков 1, 2, 3, 4, 5, 7,8)

Стоимость компакт-диска – 50 руб.

Вып. 2. Речевые портреты и жанры. Словарь. Язык фольклора (2005)

Вып. 5. Амурские молокане: речевые портреты. Речевые жанры. Лингвогеография. Словарь. Язык фольклора (2007)

Вып. 8. Русско-китайское языковое взаимодействие в Дальневосточном регионе (2010) существуют только в *электронном* формате.

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Выпуск 9. Научное издание.

Изд-во АмГУ. Подписано к печати 26.12.2011 Формат 60x84/8. Усл.-печ.л. 24,64

Тираж 1000. Заказ 328.

Отпечатано в типографии АмГУ.